A photograph of two cats sitting on a colorful, patterned rug. The rug has large sections of red, purple, and green. One cat is a tabby, and the other is white with brown spots. They are both looking towards the camera.

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани 8 (4912) 996797

т. 8 961 130 67 97

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний
(в том числе суицид)
- Работа с острыми кризисными состояниями
- Урегулирование конфликтов
- Профилактика стресса
- Психология самоорганизации и управления
- Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров

**По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты
государственного образца**

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsHP@psychol.ras.ru
www.vshp.ru

ТЕМА НОМЕРА: методология и практика

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Отдел международных связей –

Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Ю. М. Антонян,

доктор юридических наук,
профессор

С. К. Бондырева,

академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,

доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,

доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,

кандидат психологических наук,
доцент

М. И. Марьин,

доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,

академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

В. М. Поздняков,

доктор психологических наук,
профессор

В. Ю. Рыбников,

доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,

кандидат психологических наук

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,

доктор психологических наук,
профессор

**строгость
в подходах**

**эффективность
применения**

качество результата

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этот номер посвящен проблемам соотношения глобальных методологических вопросов современной юридической и прикладной юридической психологии. Тема номера — «Методология и практика» — родилась на последнем одноименном

семинаре, совместно проводимом Институтом психологии РАН и редакцией, а также авторским коллективом нашего журнала. Следующее заседание состоится 2 июня 2011 г. (см. рубрику «Научная жизнь»).

Многими участниками было высказано мнение об отсутствии фундаментальных методологических оснований современной юридической психологии, размытости объекта и предмета науки и, как следствие, слабой обоснованности теоретических и практических разработок, во многом тривиальности в прикладной юридической психологии. На наш взгляд, это утверждение и верно, и неверно одновременно. Методология, конечно, не может отсутствовать, так как какой-то метод позволил все же определить именно эту область предметного знания, а это знание как научно-психологическое. Другое дело, что этот метод сам по себе не изучен и не исследован, что ведет не к тривиальности, а скорее к своеобразной «творческой духоте», отсутствию свободного пространства для развития креативной мысли юридического психолога и практика. Нам показалось интересным продолжить эту дискуссию, направленную на прояснение методологических позиций юридической психологии на страницах нашего журнала, одновременно сопровождая ее большим количеством научно-практических исследований, где читатель сможет приложить методологические изыскания к полученным практическими исследователями результатам, и может быть прочесть между строк намного больше, чем написано в выводах самого автора, чему собственно и должна служить хорошо разработанная методология.

*Главный редактор
доктор психологических наук
Д.В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**новые книги
по психологии**

научная жизнь

dura lex sed lex

Преступление и наказание от **А71**

до **71** Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Проблема методологии прикладной (юридической) психологии. Д. В. Сочивко	8
Метажизнедеятельность: метасистемный подход к анализу жизнедеятельности человека. Н. В. Яковлева	18
Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России. А. В. Датий, Б. Г. Бовин	23
Подходы к изучению субъективного качества жизни. Н. М. Гориславская, Т. Н. Савченко	29
Прикладные и экспериментальные исследования	
Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности. С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова	43
Некоторые особенности психодинамики самоотношения у осужденных женщин молодежного возраста. Ю. Н. Гольшева	58
Типология осужденных за коррупционные и экономические преступления. Е. Е. Гаврина, А. А. Балашов	68
Психодинамика особенностей межличностного взаимодействия неоднократно судимых осужденных молодежного возраста. О. А. Марчук	75
Экспериментальное исследование уровня развития адаптации курсантов вузов ФСИН России. П. Ю. Аксенова	83
Психологическая характеристика личности и ответственности в поведении несовершеннолетних осужденных женского пола при нахождении их в воспитательных колониях. М. М. Калашникова	90
Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных. Е. Л. Сучкова	99
Личностная беспомощность как одна из психологических детерминант деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Е. А. Евстафеева	106
Психопрактики	
Расслабление и напряжение в единобратствах Древней Руси «Система». М. В. Рябко, К. В. Фирсов	114
Методика «Оценка инкорпоративности социальной группы». Д. П. Веселовский	120
В помощь руководителю	
Структура трудовых мотивов работников организации как фактор эффективности их деятельности. Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Е. А. Шишкина	127
Новые книги по психологии	
Новые книги по психологии. А. И. Фролов	134

Научная жизнь

Семинар «Прикладная юридическая психология»: «Криминальное поведение: социально-психологические детерминанты». 137

XI международная научно-практическая конференция «Психология и медицина: пути поиска оптимального взаимодействия». 138

Межрегиональная научно-практическая конференция Деевские чтения – 2011 по теме «Мотивация и направленность личности сотрудников УИС», посвященная памяти доктора психологических наук, профессора В.Г. Деева 144

Dura lex sed lex

Пробации в Республике Молдова. **З.Ш. Махмудов** 146

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ ПРИКЛАДНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ПСИХОЛОГИИ

Д. В. Сочивко

Аннотация: в статье рассматриваются подходы к построению методологии современной юридической психологии.

Ключевые слова: методология науки, мировоззрение, рефлексия, специальная методология, методологические принципы, юридическая психология.

The summary: this paper discusses approaches to the construction methodology of modern legal psychology.

Keywords: methodology of science, philosophy, reflection, and a special methodology, methodological principles, legal psychology.

В предыдущем номере журнала Фарит Сафиянович Сафуанов ярко обозначил проблему существования методологии юридической психологии в своей статье, которая так и называлась «Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии». Собственно вопрос о существовании в данном случае, конечно, риторический, так как методология в самом прямом ее понимании — как научный метод (система методов) — не может не существовать: ибо какой-то метод привел же именно к этой группе фактов и знаний, объединив их в область научного знания, называемую теперь «юридическая психология». Другое дело, что в настоящее время вопросам этих истоков, то есть собственно методологии не уделяется достаточно внимания, отсутствует ее систематическое изложение в научной литературе, редко встречаются фрагментарные аналити-

ческие пробы на эту тему [12]. Даже в учебниках по юридической психологии авторы в основном ограничиваются изложением общей методологии психологических исследований, нередко безо всякой дополнительной рефлексии.

Таким образом, продолжая предложенную автором дискуссию, мы приведем собственную позицию о том, что методология юридической психологии, несомненно, существует. Более того, существует и еще более специальная методология прикладной юридической психологии. Сложность в данном случае состоит лишь в том, что прикладная юридическая психология является дважды прикладной, так как и сама юридическая психология в значительной мере прикладная область психологического знания. Для того чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо воспроизвести общую схему соотношения научных методологий разных уровней, а именно соотношение общенаучной методологии, методологии психологической науки, методологии теоретической юридической психологии и, наконец, методологии прикладной юридической психологии.

На самом высшем философском уровне методология представляет собой учение о методе и принципах познания, при этом метод понимается как «форма практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта» [15]. Метод также можно рассматривать в более широком и более узком смысле слова, и как некоторый путь познания, и как систему методов.

Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов указывают, что «можно выделить по крайней мере два понимания методологии, развиваемых: 1) как представленное при рефлексии теории познания понимание метода в указанном широком смысле и 2) как учение о системе методов (в узком смысле), посредством которых в рамках той или иной науки в ходе теоретического или теоретико-эмпирического исследования проверяется правдоподобие (или истинность) теории (или теоретической гипотезы)» [5], а «метод (в узком смысле слова) представляет собой реализацию определенного познавательного отношения к изучаемой действительности, направляющего организацию исследования и предполагающего использование соответствующих приемов и процедур исследования» [5].

Следовательно, первый вопрос о методологии юридической психологии, как уже достаточно прикладной области знания, но еще предполагающей наличие собственного специфического теоретического уровня рассмотрения, распадается на два существенных подвопроса: 1) о форме и процессе рефлексии общепсихологической методологии, которая и должна привести к установлению специфического предмета и объекта юридической психологии; эта рефлексия второго порядка, необходимо опирающаяся на рефлексии первого порядка общей теории познания, определяющей методологию общей психологии; 2) о характере познавательного (мировоззренческого) отношения к действительности, определяющего и организацию исследования, и подбор процедурных методов, и характер и способы их интерпретации.

Второй вопрос, обретающий особую важность именно для юридической

психологии в силу ее особой (*конечной*) связи с этико-философским учением и мировоззрением, выражающейся в том, что юридическая психология включает в свой предмет ту предельную грань психической регуляции поведения, за которой собственно заканчивается морально-нравственное отношение к действительности и начинается криминальное поведение, — это вопрос о глубине историко-философской и мировоззренческой рефлексии, которая лежит в основе методологии юридической психологии.

Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов пишут далее: «В общей методологии науки принимается положение, что метод находится в неразрывном единстве с теорией: любая система объективного знания может стать методом. По существу метод — это удостоверенная практикой теория, обращенная к практике исследования; любой закон науки, будучи познанным, выступает и как принцип, и как метод познания. В этом смысле правомерно говорить о методе как теории в действии.

Поскольку метод связан с использованием предварительных знаний, методология может подразделяться на две части: учение об исходных основах (принципах) познания и учение о способах и приемах исследования, опирающихся на эти основы.

В учении об исходных основах познания анализируются и оцениваются те философские представления и взгляды, на которые исследователь опирается в процессе познания. Следовательно, эта часть методологии непосредственно связана с философией, мировоззрением, априорным принятием некоторых посылок. В учении о способах и приемах

исследования рассматриваются общие стороны частных методов познания, составляющих общую методику исследования.

В этом определении сняты крайности понимания методологии как исключительно философско-мировоззренческого основания познания или только как набора технических средств, приемов, процедур исследования. Вторая из названных точек зрения свойственна ученым и философам позитивистских ориентаций, которые отрицают важную роль мировоззрения в познании» [5].

По нашему глубокому убеждению, голый позитивизм, отрицающий какие бы то ни было мировоззренческие основы, наиболее опасен. При этом он чаще всего проявляется именно в юридической психологии в силу неразработанности в настоящее время методологии этой области психологического знания. Этим объясняется и особая важность обозначенного вопроса о мировоззренческой глубине методологии юридической психологии с одной стороны и ее позитивистской зараженности с другой. Действительно, если проанализировать нормативные документы, регулирующие практическую и исследовательскую деятельность юридических психологов на местах, то можно увидеть, что в качестве основного психологу предлагается некий ничем не обоснованный список психодиагностических и психокоррекционных процедур, а также разрешается использовать методики, которые он умеет делать хорошо, главное, чтобы они приносили эффект исправительного, успокаивающего, уравнивающего или еще какого-нибудь позитивного воздействия. Это ли не классика позитивизма.

И можно ли с такими рекомендациями всерьез говорить об участии юридических психологов в исправлении осужденных или подготовке к эффективному выполнению служебных обязанностей сотрудников правоохранительных органов.

Итак, если какая-то рефлексия второго порядка в направлении приблизительных определений предмета и объекта юридической психологии, по крайней мере, начата научной мыслью (насколько удачно и в нужном ли направлении — это другой вопрос, о чем будет упомянуто далее), то следующий порядок рефлексии, определяющий уже прикладную юридическую психологию, даже не просматривается.

Таким образом, чтобы лишь поставить проблему методологии прикладной (юридической) психологии в конструктивном (непозитивистском) плане (то есть с указанием примерного круга основных требований и направлений обсуждения предмета и объекта данной области психологического знания), необходимо увязать в едином концептуальном пространстве три последовательных уровня рефлексии общей теории познания и методологии науки в целом. Первая рефлексия касается методологии психологии как науки в целом. Эта проблема также остро обсуждается в настоящее время. Многие авторы указывают на углубляющийся кризис психологической науки, который порождается отсутствием общего признания, единой методологии [8]. Второй уровень рефлексии — это формирование методологии собственно юридической психологии как метапсихологического знания, и, наконец, третий — построение методологии прикладной юридической психологии.

Представим последовательно нашу точку зрения по всем трем предложенным ступеням построения методологии прикладной юридической психологии.

Что касается методологии психологии в целом, то вновь развернувшаяся в постсоветский период дискуссия охватывает такие полярные суждения, как полное отсутствие методологии в связи с непригодностью советской («испорченной») идеологии и, наоборот, полная достаточность уже имеющейся и выработанной в марксистский период развития отечественной психологии. Первые часто ссылаются на Л.С. Выготского, который писал: «Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» [2]. Таким образом, не было и марксистской методологии, нет ее и сейчас. Однако после высказывания Л.С. Выготского прошло достаточно времени и теперь мы имеем труды таких ведущих методологов советского периода развития науки, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов.

Мы постараемся показать, что выработанная ими методология имеет более глубокие корни в классической европейской (прежде всего немецкой) и русской философии, чем в марксизме, то есть является вполне методологической рефлексией. Иными словами, так называемая марксистская философия настолько тесно связана с немецкой классической, что в философской (не экономической) части отличается лишь сменой позиции, а в учении о методе (диалектике) отличается от гегелевского разве что упрощением. Это упрощение и легло в основу

идеологии коммунистического режима, когда методология науки была превращена в идеологию (набор догм). Однако и в этих тесных рамках развивалась истинная методология в каждой отдельной области конкретной науки, в том числе психологии. Так, теория деятельности советской психологии берет свое начало совсем не от К. Маркса, а от авангарда русской классической философии начала XX в., которая испытала огромное влияние немецкой философской мысли. Основы этого влияния были заложены еще в XVIII в. Хр. Вольфом [16]. Кстати, именно он сформировал первую методологическую схему психологической науки, установив ей метафизический статус наряду с онтологией и естественной теологией, а также представив основные разделы психологии как науки и их основополагающие принципы. Эти принципы, а также понимание места психологии в системе наук были сохранены русской философской мыслью более позднего периода (Л. Карсавин, П. Флоренский, Н. Лосский и др.). Достаточно сравнить основные моменты концепции интуитивизма Н.О. Лосского с ее завершающей теорией интуитивно-деятельностного элемента — психоида с основными положениями теории деятельности С.Л. Рубинштейна — А.Н. Леонтьева. Возьмем, например, концепцию динамической тенденции С.Л. Рубинштейна, которая лежит в основе открытой им теории направленности. В настоящее время многие считают, что это завуалированная теория бессознательного у С.Л. Рубинштейна, о котором в те времена говорить было запрещено. Однако вопрос ставится в данном случае глубже. Динамическая тенденция отражает интуитивно-деятельностный харак-

тер личности как ее субстанциональное проявление. Сравним у Н.О. Лосского: «Такое конкретно-идеальное бытие, поскольку оно есть деятельный источник временных процессов, *обладает силою* (курсив наш — *Д.С.*, то есть не только динамикой, но и тенденцией, направленно-стью), а поскольку проявления его суть его принадлежности, оно может быть названо также старым термином субстанция или для большей ясности словом субстанциальный деятель» [7]. Подробно теорию интуитивизма Н.О. Лосского как методологическое основание современной психологии мы специально исследовали в другой работе [13] и сейчас не будем на ней подробно останавливаться. Укажем лишь на очевидные параллелизмы и дальнейшее развитие идей Н.О. Лосского в отечественной методологии психологической науки.

Н.О. Лосский подчеркивает, что в мире существует множество субстанциональных деятелей в различных формах. Как нам представляется, следует особо подчеркнуть, что из множества субстанциональных деятелей состоит и отдельная личность. При этом каждый субстанциональный деятель выступает носителем психического и поэтому «может быть назван словом *душа*; если он является носителем психоидных процессов, назовем его *психоидом* (или потенциальною душою). Своими психическими процессами он *одушевляет* свою собственную телесность. Согласно изложенному, *нет тела без души* (или, по крайней мере, психоида), а также *нет души без тела*» [7]. В этом «по крайней мере», как нам представляется, имеется уже прямое указание философа на элементарность «психоида» по отношению к «душе». Психоид как элемент психи-

ческого напрямую связан не только с телом, но и с внешней событийностью мира. Душа же, как особая форма движения и взаимодействия элементарных психоидов и как субстанциональный деятель, возвышается и над пространственным телом и над временной событийностью. Проблема единственности души человека и множества субстанциональных деятелей его личности решается диалектически. Итогом является понятие «*интуитивно-деятельностного далее неделимого элемента психики*», что целиком и полностью соответствует понятию отдельных деятельностей и деятельностных актов в теории С.Л. Рубинштейна — А.Н. Леонтьева. При этом А.Н. Леонтьев говорил, что «деятельность всегда богаче опережающего ее сознания». Чем же богаче? Именно своим чувственно-интуитивным содержанием (в точности по Н.О. Лосскому). По существу у А.Н. Леонтьева деятельность в целом и есть субстанциональный деятель.

Таких прямых рефлексий русской (восходящей корнями к немецкой) классической философии в методологии психологии так называемого советского периода предостаточно. Приведем еще один пример — теорию и структуру личности Б.Г. Ананьева с ее промежуточной подструктурой субъекта деятельности и венчающим высшим уровнем неповторимой индивидуальности человека [1]. Если сравнить ее со структурой духовной личности Л. Карсавина, то можно увидеть весьма существенное сходство и в опорном телесном, и в деятельностном уровне, отражающем природу личности (субъекта деятельности), и в синтетической природе социальной личности, только последний уровень называется не индивидуальность, а ... духовность че-

ловека, о чем, как мы знаем, в советские времена говорить было нежелательно. В остальном этот уровень духовности у Л. Карсавина очень сильно напоминает индивидуальность Б.Г. Ананьева, что возможно было известно или, по крайней мере, совершенно понятно Борису Герасимовичу. Неслучайно теория индивидуальности Б.Г. Ананьева вызывала в свое время такую резкую критику психологов-коммунистов.

Дальнейшее исследование мировоззренчески-философского содержания методологии современной психологии следовало бы провести в соответствии с ее основными методологическими принципами: историзма, развития, единства сознания и деятельности, детерминизма. Этот анализ требует специальных исследований и может стать предметом отдельной большой работы. В основных же чертах он намечен нами выше, начиная с принципа историзма. Особо следует остановиться на краткой специальной психологической формулировке принципа детерминизма С.Л. Рубинштейна: «внешнее через посредство внутренних условий». По существу в своих философско-мировоззренческих основаниях (так же, как и принцип единства сознания и деятельности) эта формулировка опирается в философское понимание единства субъекта и объекта, более конкретно в концепцию субстанционального деятеля, в котором это единство осуществляется психически.

Таким образом, методология психологии вполне удовлетворяет приведенным ранее критериям прямой рефлексии своих философско-мировоззренческих оснований, причем не каких-то устаревших или «вдруг откопанных» одиозных учений, возникших еще до Рождества

Христовая, что теперь так модно в некоторых квазитеоретических и квазипрактических психологических концепциях (начиная с буддизма и кончая суфизмом), а венчающих русскую классическую философию и сегодня более чем современных теориях познания и бытия. Это последнее весьма важно, так как обращение вглубь веков часто порождает мертворожденные (не предполагающие развития) методологии в психологии. В данном случае примером могут послужить взгляды представителей глубинной психологии.

Так, К. Юнг со своей теорией архетипов, мандалы и даже психологических типов, несомненно, предлагает специфическую методологию, но стоит на философско-мировоззренческих позициях неоязычества — панпсихизма, игнорируя всю дальнейшую историю философии и психологии. Действительно, что как не языческие божки (бесы) суть архетипы, которые действуют через нас, сценой для чего являются декорации психологических типов, также и у З. Фрейда — только два демона: агрессивность и сексуальность, зато крупные.

В свою очередь отечественная теория деятельности рефлексивует на передних рубежах классической немецкой и русской философии. Не поэтому ли К. Юнг тупиковая ветвь в философии и теории психологии (не в практике психотерапии, а в методологии — никаких теоретически последовательных продолжений теории К. Юнга или З. Фрейда мы не имеем), а вот Н.О. Лосский — ступень в развитии философии и современной методологии психологии [7].

Перейдем к рассмотрению следующего уровня рефлексии уже методологии и теории собственно общей психо-

логии в изложенном ранее понимании с целью построения (точнее наметок путей построения) методологии прикладной (юридической) психологии.

Методология прикладной, в частности юридической, психологии начинается с рефлексии методологических принципов общей психологии, что позволяет, с одной стороны, отрефлексировать релевантное для данной области знания содержание общих принципов, возможно даже уточнить или по крайней мере прокомментировать их формулировки, а с другой — сформулировать специальные методологические принципы, вытекающие из этой рефлексии второго уровня.

На наш взгляд, исходной точкой этой рефлексии выступает то, что прикладная психология интересуется в первую очередь не самим фактом личностного проявления человека, его субстанционально-деятельностного бытия и его описанием (начиная с исследования его отношения к действительности в рамках психофизической и психофизиологической проблем и заканчивая его психологически позитивистским представлением по набору личностных свойств в статическом тестировании), а *изменением* поведения (и личности) человека под воздействием каких-то условий, определяющих объект и предмет этой прикладной области знания. Так, педагогическая психология изучает изменения человека в процессе обучения, социальная психология — изменения человека под воздействием различных социумов и социальных организаций и т. д. Эти условия всегда выражены некоторой системой норм, правил, инструкций. Подобные нормы и правила могут быть четко сформулиро-

ваны (например, нормы права, инструкции по обучению, тренировке), а могут быть и достаточно расплывчатыми (так называемые неписанные законы, различные групповые, конвенциональные нормы). Также и регуляция исполнения норм и правил может быть различной. Наиболее жесткой является правовая регуляция. Кстати, с этой точки зрения юридическая психология одновременно и венчает и начинает разработку методологии прикладной психологии в целом, так как представляет собой предельную (наиболее жесткую и законченную) модель нормативной регуляции поведения человека. Однако и неписанные законы могут исполняться в определенных условиях жизнедеятельности достаточно жестко. Примеры тому тюремная субкультура, копированием которой являются во многом и современные молодежные субкультуры, как нам удалось показать это в наших эмпирических исследованиях [14], тюремные «понятия», различные кодексы тайных обществ и сектантские установления. Однако важно заметить, что все эти как бы неписанные нормы и правила могут (и должны!) получить правовую оценку. Таким образом, человек в правовом поле становится конечным объектом прикладной юридической психологии и источником рефлексии для ряда других прикладных дисциплин.

Именно с этой точки зрения в юридической психологии должно вестись обсуждение вопроса о ее предмете как самостоятельной науки. При этом, как уже указывалось, сходство предмета родственных областей научного знания может компенсироваться различной методологией исследования, той глобальной точкой зрения, на которой стоит ученый-

исследователь. По методологической позиции также происходит определение места научного знания в системе наук. Однако здесь развитие юридической психологии в определении ее предмета подстерегает позитивистская ловушка. Возьмем несколько имеющихся определений. М.И. Еникеев и О.Л. Кочетков рассматривают юридическую психологию как область близкую к социальной психологии и изучающую «проявление и использование психологических закономерностей, психологических знаний в сфере правового регулирования и юридической деятельности» [4].

В докторской диссертации М.И. Еникеев пишет: «являясь пограничной наукой между психологией и правоведением, юридическая психология остается психологической дисциплиной — ее теоретическая основа состоит в закономерностях и особенностях психики человека; *специфично лишь приложение, учет и использование этих закономерностей и особенностей человеческого поведения* (курсив наш — Д.С.): юридическая психология рассматривает их применительно к сфере правовой регуляции» [3].

Подобное определение предмета научных изысканий уже полностью закрепляет за юридической психологией статус не только прикладной, но и исключительно позитивистски ориентированной дисциплины, не имеющей вектора дальнейшего развития, так как у нее нет собственной философско-мировоззренческой опоры. Этот позитивизм как практически принятая методология юридической психологии может опираться на какие-то принципы общей методологии, однако без соответствующей рефлексии. Так, М.В. Костицкий тщательно проанализировав различные

определения предмета юридической психологии, имеющиеся в литературе, приходит к выводу, что она изучает «психологию государственно-правовых явлений как целостность, в которой нельзя отделить юридическое от психологического» [6]. В данном случае обоснованием специфичности предмета юридической психологии выступает указание на простое системное правило, что целое всегда больше простой суммы составляющих его частей, а следовательно, уже может идти речь о некоей методологии (с точки зрения системного подхода и его позитивистских приложений) со своими принципами, требующей отдельного изучения, в этом случае специальной науки.

Еще один пример применения системного подхода в определении предмета юридической психологии — это определение В.В. Романова: «предметом юридической психологии являются различные явления психики, индивидуально-психологические особенности личности участников правоотношений, вовлеченных в сферу правоприменительной деятельности, социально-психологические закономерности этой деятельности, воздействующей на психику и поведение участвующих в ней людей» [10]. Общей для этих определений выступает методология позитивизма, обуславливающая не рефлексия методологических принципов и подходов общей психологии (например, системного подхода) в соответствии со спецификой прикладной области, а прямой перенос их действия на новую объектную сферу. С этой точки зрения, абсолютно справедлив вопрос Ф.С. Сафуанова [9], а чем собственно отличается эмпирическое исследование семьи сотрудников правоохранительных

органов в юридической психологии, от такого же исследования в общей психологии. Действительно, чем?

Пришло время отрефлексировать специально для методологии юридической психологии принципы общей психологии, которые (не будем забывать) есть рефлексия общефилософской методологически-мировоззренческой мысли.

В самом лаконичном варианте предмет юридической психологии часто определяют как поведение человека в правовом поле. В целом никакая отрасль психологии не может исследовать поведение человека вне правового поля, правоприменительной деятельности, хотя на этом и не делается акцент, кроме как в сфере юридической психологии. Однако одного указания на этот акцент, по нашему мнению, недостаточно для того, чтобы определить предмет самостоятельной теоретической области психологического знания. На наш взгляд, определению предмета юридической психологии не достаёт теоретико-психологического анализа специфики поведения человека в сфере правоприменительной деятельности, в правовом поле. Следует определить те устойчивые изменения поведения человека, которые возникают под действием применения к нему правовых норм. Таким образом, при определении предмета юридической психологии на первый план должно выступить некоторое *измененное поведение* человека в условиях применения к нему норм права.

По мнению М.И. Еникеева, к юридической психологии относятся исследования «особенностей поведения человека в системе жесткой соционормативной регуляции — в системе права» [3]. Оче-

видно, что далеко не всякую соционормативную регуляцию поведения человека в системе права следует называть жесткой. Жесткой правовая регуляция становится лишь в ситуациях запретов, содержащихся в нормах права. В этом случае психологически возникает противоречие между внутриличностными морально-нравственными установками и положениями правовых норм. Следовательно, возникшая психологическая ситуация, в которой развивается поведение, становится в той или иной степени *экстремальной* для ее участников. Именно в этом состоит специфика изучения семьи (сотрудников) с точки зрения юридической психологии, а также специфика принципов общей психологии, отрефлектированных для юридической психологии с позиции экстремальности условий жизнедеятельности сотрудников.

В связи с этим В.И. Чернинилов пишет: «Для понимания негативных психологических следствий диспропорции между результатами подобного рода правотворчества и природой (не говоря уже о возможностях реализации) человека совершенно необязательно было ссылаться на зарубежный авторитет. Достаточно было вспомнить предостережения отечественных ученых, сделанные еще в первой половине прошлого века (И.П. Павлов и его «рефлекс свободы», С.Л. Рубинштейн о внешних детерминантах поведения и внутренних условиях, А.Н. Леонтьев о единстве внешней и внутренней деятельности и др.). ... история человеческой цивилизации доказала, что тотальное регламентирование жизнедеятельности (в любой форме) ведет к нарушению меры регулирования и саморегулирования в поведении чело-

века. И в этом плане неконтролируемое никакими сдерживающими соображениями вторжение норматива в систему регуляции поведения человека не оставляет ему «ни глотка» самостоятельности, разрушает ее и по своим последствиям ничем не лучше политической тирании, с которой его роднит власть принуждения. На подобном фоне как-то блекнут феномены правового нигилизма или неразвитого правового сознания, о которых так пекутся многие юристы и юридические психологи» [17]. Следовательно, правовые ограничения привносят в жизнь человека экстремальность условий его жизнедеятельности (УЖД) [13], которая может быть большой или малой, такой заметной, как это представлено в предыдущей цитате, или не очень, как в некоторые периоды жизни балованного подростка в обеспеченной семье.

Так или иначе, теперь мы готовы ответить на поставленный ранее вопрос. Специфика исследования семьи сотрудников, как и любых других людей, в юридической психологии заключается в том, что она исследуется с точки зрения *экстремальности* их бытия (УЖД), порожденной ограничениями правового поля. Во внешне одинаковых УЖД люди ведут себя по-разному, а следовательно, экстремальность этих УЖД для каждого конкретного человека есть сложная многомерная индивидуально-личностная функция их внешней (с точки зрения обобщенного субстанционального деятеля) экстремальности, определяющая его эмоциональное, волевое и когнитивное поведение. Внешние факторы определяют лишь ячейку УЖД в правовом поле, в которой находится индивид (например, бомж, неработающая золотая молодежь, студент, курсант, летчик, военный, мили-

ционер, пенсионер, преступник, осужденный). Если личностная функция экстремальности выходит за пределы, предусмотренные ячейкой, то человек рано или поздно попадает в какую-то другую ячейку. Он может уйти на пенсию, может не выдержать экстремальности и быть отчисленным из вуза, уволенным со службы и т. д. Если же размах личностного непринятия ограничений оказывается слишком велик, то человек оказывается за гранью общественного бытия, где так или иначе проявляет свою асоциальность вплоть до того, что может превратиться в психически больного или преступника.

Однако для того чтобы человек действительно оказался в экстремальных условиях жизнедеятельности, недостаточно только наличия внешних факторов экстремальности. Главным и определяющим является изменение функции экстремальности по многим внутриличностным параметрам или же по немногим, но с большим весом изменения.

Подведем некоторые итоги. Итак, положение человека в правовом поле изменяет его поведение, и *таким именно образом измененное* поведение является самым общим предметом юридической психологии.

Подобное изменение обусловлено жесткостью правовой регуляции, что порождает *экстремальность условий жизнедеятельности* человека в правовом поле (сейчас неважно высокую или низкую).

Указанное изменение происходит в двух направлениях: со стороны внешнего мира и со стороны внутреннего мира. Для юридической психологии необходима специальная рефлексия принципа детерминизма С.Л. Рубинштейна, при-

мер которой мы видим в цитате В.И. Чернинилова, однако касающейся только высокой экстремальности УЖД. В целом же внутренние изменения следует рассматривать с психодинамической или психоэнергетической точки зрения, а внешние изменения правового поля как изменения целостного субстанционального деятеля, которым в данном случае выступает индивидуальное правосознание. В этом направлении, видимо, возможна рефлексия принципа единства сознания и деятельности специально для юридической психологии. Мы намеренно не приводим никаких собственных формулировок, так как заинтересованы в настоящее время в обозначении направления построения (а точнее открытия неявно существующей) методологии прикладной юридической психологии, а не в расстановке каких-либо точек на этом пути. Таким образом, нам остается только пригласить читателей к дальнейшей дискуссии.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. — М., 1960.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: в 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1.

3. Еникеев М.И. Структура и система категорий юридической психологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1996.

4. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология. — М., 1997.

5. Корнилова Т.В., Смирнов Д.С. Методологические основы психологии. — СПб.: Питер, 2006.

6. Костицкий М.В. Введение в юридическую психологию. — Киев, 1990.

7. Лосский Н.О. Чувственная интеллигенция и мистическая интуиция. — СПб., 1938.

8. Мироненко И.А. Кризис психологии: имманентный и системный или локальный // Вопросы психологии. — 2008. — № 4. — С. 52–60.

9. Стенограмма круглого стола семинара «Прикладная юридическая психология» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1.

10. Романов В.В. Юридическая психология. — М., 1998.

11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1989.

12. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 8–18.

13. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.

14. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологии современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4.

15. Философская энциклопедия. — М., 1964. — Т. 3.

16. Христиан Вольф и философия в России. — СПб., 2001.

17. Чернинилов В.И. Цивилизационная миссия юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 19–26.

МЕТАЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: МЕТАСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Н. В. Яковлева

Аннотация: в статье рассматриваются методологические вопросы использования метасистемного подхода для анализа жизнедеятельности человека, адекватная концептуализация здо-

ровьесозидающего поведения в рамках понятия метажизнедеятельность.

Ключевые слова: метасистемный подход, метапроцессы, жизнедеятельность, метажизнедеятельность, здоро-

вье как индивидуальная мера оптимальности мета жизнедеятельности.

The summary: *this paper discusses the methodological issues of using meta-system approach to the analysis of human activity, an adequate conceptualization of health behavior in the creative concepts metazhiznedeyatelnost.*

Keywords: *a metasystem approach Metaprocess, Life, metazhiznedeyatelnost, health as an individual measure of optimality metazhiznedeyatelnosti.*

К концу XX в. возникла актуальная потребность в поиске новых гносеологических средств, адекватных научному пониманию мира как системы систем. Таким новым гносеологическим средством выступает метасистемный подход. Если классический системный подход предполагает в качестве основания интеграции внутрисистемную фундаментальную структуру, к которой сводится все многообразие явлений [15], то метасистемному подходу присуща ориентация на метафакторы, которые предполагают необходимость выхода за пределы исходного. Объект исследования рассматривается не только в плане одной линии структурных или генетических связей, а через призму ряда совершенно различных систем и специфических связей, причем в разных конкретных случаях различные системы приобретают решающее значение [12, 13, 18]. Метасистемный выход за пределы изначально анализируемого объекта не предполагает обязательной внешней локализации метасистемного уровня анализа, в чем часто усматривается его принципиальное ограничение. Как пишет А.В. Карпов, данный уровень может быть «встроен в собственную

структуру системы, получая при этом, однако, качественно новые — иные по сравнению с его «экстрасистемной» представленностью формы существования» [8, с. 49]. Такая ассимиляция категории метасистемного уровня в методологию системного подхода позволяет не просто дополнять методическую схему анализа объекта исследования, но и качественно преобразовывать ее, так как основные свойства системы как целого определяются требованиями, которые метасистема предъявляет к системе как своему элементу [7, 8, 10].

В контексте метасистемной парадигмы интегральными факторами могут выступать процессуальные средства, обеспечивающие функционирование основных составляющих психологической системы деятельности: целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования, программирования, контроля, самоконтроля. Эти метапроцессы осуществляют синтез первичных психических процессов (когнитивных, эмоциональных, мотивационных, волевых) при реализации последними своих регулятивных функций и, следовательно, выступают как динамический аспект психологической системы деятельности. Интегральные процессы характеризуются особыми системными свойствами: ортогональностью по отношению к иным процессам; дифференциацией по критерию соответствия какой-либо объективной функции; наличием индивидуальной меры выраженности.

Метасистемный подход создает возможность адекватной концептуализации интегральных психологических феноменов, каким является жизнедеятельность субъекта [9].

Приступая к исследованию жизнедеятельности человека как сложному, многоаспектному и многоуровневому процессу реализации человеческой сущности в условиях меняющегося мира, мы считаем логичным и научно оправданным введение нового понятия «метажизнедеятельность» — специфическая человеческая активность по организации индивидуального жизнеобеспечения субъекта. Актуальность исследования этого аспекта жизнедеятельности потенцируется современными исследованиями в русле онтологического подхода, основы которого заложены в работах С.Л. Рубинштейна (Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, А.П. Журавлев, Е.А. Сергиенко), исследований процессов саморегуляции (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий), концепций самоорганизации человека (В.Е. Ключко), жизненного пути личности (К.В. Карпинский, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, Н.А. Логинова), исследований в области психологии человеческого бытия (В.В. Знаков), социокультурной концепции жизненных сил (С.И. Григорьев), теории самодетерминации (Э. Деси и Р. Райан), теории самоменеджмента (Л. Зайверт, М. Биркенбиль, Н.-Б. Энкельменн).

Метажизнедеятельность является процессом активного здоровьесозидания, ресурсного управления жизнеобеспечивающим поведением в конкретных жизненных ситуациях. По сути метажизнедеятельность — особая форма самоуправления индивидуальными жизненными ресурсами (self-менеджмента), которая обеспечивает условия для освоения суверенного жизненного пространства.

Концепция метажизнедеятельности созвучна более устоявшимся в литера-

туре психологическим категориям, описывающим регуляцию, организацию и проектирование поведения субъектом жизни (Василюк, 1984; Логинова, 1985; Кон, 1987; Дикая, 1990, 2003; Альбуханова, 1991; Толочек, 1992; Дорфман, 1995; Анцыферова, 1996; Кроник, 1994; Бурлачук, Коржова, 1998; Осницкий, 1999; Селиванов, 2002; Сергиенко, 2000; Григорьев, 2002; Прыгин, 2006; Ключко, 2007; Моросанова, 2007; Рослякова, 2009 и др.).

В соответствии с принципами метасистемного подхода метажизнедеятельности присущи следующие свойства: первичность для обеспечения любого вида деятельности, интегральность, субъектность, системная оптимальность. Раскроем эти свойства подробнее.

Понятие метажизнедеятельности базируется на идее индивидуально активного человека и позволяет исследовать процессуальные аспекты личностной самоорганизации и самореализации. Она не сводима к отдельным формам жизнедеятельности и выступает как неспецифическая основа их осуществления. Метажизнедеятельность является первичным процессом, инструментальной деятельностью по отношению к самореализации личности и лишь в критических ситуациях угрозы жизни может выступать как особая форма самовыражения.

Метажизнедеятельность обеспечивает общую регуляцию поведения личности и оказывает существенное воздействие на отдельные процессы жизненной активности, такие как социализация, социальная адаптация, профессиональная деятельность, самореализация и т. д. Интегральная регуляционная функция метажизнедеятельности особенно ярко

проявляется в ситуации хронического заболевания, длительной реабилитации после заболевания, при инвалидизации личности. В этих ситуациях стратегия субъектного здоровьесозидания в существенной степени определяет эффективность жизненной организации и реализации личности.

Психические ресурсы, выступающие средствами обеспечения отдельных управленческих действий в структуре метажизнедеятельности, бесконечно многообразны. В целостную индивидуальную психологическую систему здоровьесозидания эти компоненты объединяет смысложизненная концепция личности. Качество индивидуальной смысложизненной концепции человека как системообразующего фактора задает предел развития индивидуального здоровьесозидания. Иными словами, человек здоров настолько, насколько это необходимо для воплощения жизненных целей.

Метажизнедеятельность как функциональная система здоровьесозидания субъекта характеризуется индивидуальной степенью оптимальности. Уровень здоровья не задан однозначно ни социальной, ни биологической ситуацией развития и не сводится к статичной характеристике состояния организма. Социальные и биологические обстоятельства — многомерный мир социального взаимодействия, сложная экологическая ситуация, уровень благосостояния — лишь определяют степень сложности задач, которые необходимо решать субъекту на пути развития ресурсов собственного здоровья. Индивидуальная мера оптимальности метажизнедеятельности закреплена в понятии индивидуального здоровья человека [3, 4, 5, 16, Дубровина, 2002].

Метасистемный подход к исследованию жизнедеятельности не только позволяет по-новому концептуализировать объект исследования, но и выйти на качественно иной гносеологический уровень решения методологических и теоретических проблем исследования. Так, концепция метажизнедеятельности снимает проблему неспецифичности распространенного в психологической и педагогической литературе социологизаторского подхода к здоровью как качеству жизнеосуществления в континууме индивидуального бытийного пространства. Подобная постановка вопроса в философской антропологии [2, 17] совпадает с современными положениями экзистенциальной психологии, которые характеризуют здоровье как меру способности человека выступать активным и автономным субъектом своей жизни в изменяющемся мире (Д. Бьюдженталь, И. Ялом, К. Витакер, С. Минухин). Фактически о том же пишет В.П. Казначеев, определяя сущность здоровья как «уровень сохранения и развития оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности активной жизни» [6].

В контексте концепции метажизнедеятельности здоровье — индивидуальная мера оптимальности метажизнедеятельности личности, результат активного управления личностью биологическими и социальными ресурсами. На первый план выдвигаются метапроцессы взаимодействия человека со сложной многоуровневой средой: восприятие проблемы — получение информации об эффективности различных уровней жизнедеятельности субъекта; моделирование проблемы — анализ и сравнение полученной информации с

индивидуальной и социальной модели здоровья; принятие решений об уровне здоровья; программирование — формирование программы действий здоровьесозидающего поведения; контроль и коррекция — оценка полученного эффекта и коррекция моделей здоровья, стратегий и тактик здоровьесозидания. Степень синергичности этих процессов в системе мета жизнедеятельности личности определяет индивидуальную систему здоровьесозидания. Эта система имеет свои закономерности развития, свою структуру, не тождественную ни схеме диагностического медицинского обследования, ни схеме любой другой современной экспертной оценки здоровья. Различные умения и навыки, усвоенные человеком в процессе жизнедеятельности, личностные свойства могут свидетельствовать либо не свидетельствовать об уровне здоровья в зависимости от того, насколько они интегрированы в эту систему. Следовательно, нет, и не может быть прямых психологических критериев здоровья, поиском которых длительное время занимаются отечественные и зарубежные исследователи в области медицинской психологии и психологии личности [1, 3, 6, 11 и др.].

Метажизнедеятельность представляет собой интегральную саморегуляционную и саморазвивающую активность субъекта, направленную на обеспечение условий (характеристик и уровней индивидуального здоровья), позволяющих оптимально реализовывать базовую жизненную стратегию. Метасистемная парадигма органично вписывается в современную теорию здоровья и позволяет вскрывать новый психологиче-

ский пласт актуальных исследований в области интегральных форм активности субъекта.

Литература

1. *Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учеб. пособие. — М.: Академия, 2001.
2. *Воробьев М.З.* Психосоматика в культуре личности и социума (теоретическое обоснование роли и места) // Телесность человека: междисциплинарные исследования / отв. ред. В.В. Николаева, П.Д. Тищенко. — М., 1990. — С. 3–7.
3. *Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г.С. Никифорова.* — СПб.: Речь, 2007.
4. *Дмитриева Н.В., Глазачев О.С.* Индивидуальное здоровье и полипараметрическая диагностика функциональных состояний человека (системно-информационный подход) / под общ. ред. К.В. Судакова. — М., 2000.
5. *Индивидуальное здоровье как базисное понятие валеологии / Е.А. Строев, М.М. Лапкин, Н.В. Яковлева [и др.].* — Ижевск, 1998. — С. 26–27.
6. *Казначеев В.П.* Основы валеологии. — М., 1997.
7. *Карпов А.В.* Психология сознания. Метасистемный подход. — М., 2011.
8. *Карпов А.В.* Метасистемная организация уровней структур психики. — М., 2004.
9. *Карпов А.В.* Метасистемный подход в психологии // Самосознание и саморегуляция. — М., 2007.
10. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. — М., 2003.
11. *Куликов В.Н.* Психогигиена и психокоррекция здоровья. — М., 2004.
12. *Марарица В.Ф.* Общество и социальные интересы: Метасистемный подход. — СПб., 1999.
13. *Мионов С.В., Пищухин А.М.* Метасистемный подход в управлении: монография. — Оренбург, 2004.
14. *Психолого-педагогические технологии обучения здоровому образу жизни / под ред. Н.В. Яковлевой.* — Рязань, 2006.
15. *Садовский В.Н.* Основы общей теории систем: логико-методологический анализ. — М., 1974.
16. *Судаков К.В.* Диагноз здоровья. — М., 1993.
17. *Тищенко П.Д.* Жизнь как феномен культуры // Биология в познании человека. — М., 1989. — С. 243–253.
18. *Турчин В.Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М., 2000.
19. *Яковлева Н.В.* Здоровье как предмет психологических исследований. — Рязань, 2004.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ И ЧИСЛЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА УБИЙСТВА В РОССИИ

А. В. Датий, Б. Г. Бовин

Аннотация: в статье предпринят анализ количества зарегистрированных убийств за период с 1986 по 2010 год и предложена линейная модель, отражающая основную тенденцию количественных изменений этого вида преступлений за 25-летний период. Динамика убийств рассматривается в соотношении с изменением количества осужденных за убийства, находящихся в местах лишения свободы. Выявлена обратная зависимость количества убийц, находящихся в местах лишения свободы, от зарегистрированных убийств. В работе приводится также описание психологических особенностей личности осужденных к пожизненному лишению свободы за убийства.

Ключевые слова: зарегистрированные убийства, численность осужденных, динамика численности, соотношение показателей, линейная модель, обратная зависимость, социально-демографический портрет, личностные особенности убийц.

Annotation: the article deals with the number of registered murders between 1986 and 2010, the linear model reflecting the main tendency of quantitative changes of this type of crime for 25 years. Murder dynamics views in relation to the change of numbers of murder convicts, located in institutions of confinement. An inverse dependence of number of murder convicts, located in institutions of confinement from registered murders is identified. In the article also the depiction of

psychological characteristics of the life sentence murders personality is given.

Keywords: registered murders, number of convicts, dynamics of number, ratio of indexes, linear model, inverse dependence, socio-demographic portrait, personality characteristics of murders.

В Российской Федерации на 31 декабря 2009 г. в исправительных учреждениях находилось 734 292 осужденных, из которых 122 929 были осуждены за умышленное убийство (ст. 105 УК РФ), то есть 16,7% или каждый шестой осужденный. За последние 10 лет это наибольшее число убийц, находящихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, причем их количество неуклонно возрастает, подчиняясь линейной модели:

$$A = 92702 + 3358 \times t,$$

где A — число осужденных за убийство в России, t — время в годах на начало отчетного периода, 3358 чел. — коэффициент ежегодного прироста.

Данные о количестве лиц, осужденных за убийство и находившихся в местах лишения свободы, за более ранний период, начиная с 1986 г., авторам не представилось возможным проанализировать в связи с их закрытым характером. При этом нами был использован ретроспективный прогноз, исходя из полученной модели (рис. 1) за постсоветский период, предполагаем, что эта линейность сильно не исказила реальность (на рисунке значения отмечены*).

Если же проанализировать данные о количестве зарегистрированных убийств за весь период, начиная с 1986 г., то возможно аппроксимировать динамику также линейной зависимостью:

$$B = 9437 + 1610 \times t,$$

где B — число зарегистрированных убийств в России, t — время в годах, на начало отчетного периода, 1610 чел. — коэффициент ежегодного прироста.

Эта тенденция линейного роста числа зарегистрированных убийств возможно продолжалась бы до 2001 г., если бы не «эпоха перемен» в России.

Сравнивая ежегодный прирост зарегистрированных убийств (1610 чел.) и ежегодное увеличение осужденных за убийство (3358 чел.), можно увидеть на первый взгляд парадоксальное превалирование количества лиц, осужденных за убийство над числом зарегистрированных убийств. Возможно, что причиной этого могут быть два обстоятельства.

Первое — групповой характер совершенных убийств. Результаты проведенного нами социологического исследования показывают, что 28,5 % убийств совершаются в различных формах группового соучастия. Второе — это раскрытие убийств, совершенных в предыдущие годы.

С 1986 по 1991 год рост зарегистрированных убийств подчинялся линейной зависимости, но в связи с распадом СССР в 1992 г. возникла явная нелинейность, проявившаяся в резком скачке зарегистрированных убийств, который продолжался с 1992 по 1998 год. Затем число убийств, как это не удивительно, вернулось к той же линейной закономерности, характерной для советского периода (1986–1991 гг.), и достигла максимума в 2001 г. (33 583 убийства). С окончанием «ельцинского периода» отмечается медленное снижение числа зарегистрированных убийств,

подчиненное новой линейной зависимости:

$$C = 33583 - 684 \times t,$$

где C — число зарегистрированных убийств в России, t — время в годах, на начало отчетного периода, 684 чел. — коэффициент ежегодного снижения убийств.

С 2005 г. процесс снижения числа зарегистрированных убийств в России еще более ускоряется, в соответствии уже с другой линейной зависимостью:

$$D = 30848 - 3292 \times t,$$

где D — число зарегистрированных убийств в России, t — время в годах, на начало отчетного периода, 30848 чел. — число зарегистрированных убийств на 1 января 2005 г. — это точка нового перелома и начало более резкого снижения числа зарегистрированных убийств, 3292 чел. — коэффициент ежегодного снижения числа зарегистрированных убийств.

Этот линейный процесс продолжается до сих пор. Однако он не может привести к нулевому результату по числу зарегистрированных убийств. На 1 января 2010 г. число зарегистрированных убийств в России составило 15 562, хотя линейной моделью прогнозировалось 14 338 (рис. 2).

Предполагается, что это минимальное значение, после которого начнется новый рост числа зарегистрированных убийств в России, причем спрогнозировать скорость роста пока затруднительно. Можно предположить возможную стабилизацию числа убийств в пределах 15–16 тыс. на ближайший 5-летний период.

Возвращаясь к динамике численности осужденных за убийство, находящихся в местах лишения свободы, можно заметить, что происходит дальнейшее увеличение числа убийц в исправительных учреждениях, несмотря на резкое

снижение числа зарегистрированных убийств. Если с 2001 по 2010 год число зарегистрированных убийств снизилось с 33 583 до 15 563, то есть более чем в два раза, то численность осужденных за убийство линейно росла с 92 720 до 122 929 чел. Сравнивая эти две линейные модели можно отметить, что ежегодный прирост численности убийц в местах лишения свободы на 3358 чел., приводит к уменьшению числа зарегистрированных убийств на 3292 случая. Изложенное позволяет сделать вывод, что чем больше убийц содержится в местах лишения свободы, тем меньше совершается убийств на свободе. И эта обратная зависимость наглядно иллюстрируется динамикой численности осужденных и количеством зарегистрированных убийств. Однако из этого вытекает совсем не тривиальное следствие, заключающееся в том, что лица, совершающие умышленные убийства,

нашли способ решения своих проблем путем умышленного лишения жизни другого человека и если их не остановить, то убийство у этих преступников будет привычным и самым эффективным способом поведения в определенных условиях. Самым ярким примером являются серийные убийцы. Однако и у так называемых бытовых убийц превалирует этот способ разрешения конфликтов, которым он и будет пользоваться в сложных конфликтных ситуациях. То же самое можно сказать и об организованной преступности, где убийство является весьма распространенным способом решения проблем, а также о лицах, связывающих себя с террористической деятельностью и заказными убийствами.

Можно предложить еще один показатель, оценивающий социальную безопасность граждан от этого самого опасного вида преступлений. Показатель (П) равен отношению числа зарегистриро-

ванных убийств к числу осужденных за убийства, находящихся в местах лишения свободы.

Теоретически показатель должен находиться в пределах от 0 до 1.

При «П» равному нулю, число зарегистрированных убийств стремится к нулю, то есть резко сокращается количество убийств, так как все убийцы находятся в местах лишения свободы.

При «П» равному единице число зарегистрированных убийств соответствует числу убийц, находящихся в исправительных учреждениях. Следовательно, не происходит аккумуляции убийц в ИУ, что является неблагоприятным фактором, поскольку лица, выходящие на свободу, снова совершают убийства и возвращаются в ИУ.

В действительности коэффициент «П» за период с 1994 по 2009 год изменялся от 0,46 до 0,14 (рис. 3). Тенденцию его изменений можно представить следующей линейной зависимостью:

$$P = 0,46 - 0,024 \times t,$$

где 0,46 — значение коэффициента «П» на 1 января 1994 г., t — время в годах, 0,024 — ежегодное уменьшение коэффициента «П».

С 1986 г. коэффициент «П» имел противоположную тенденцию, то есть ежегодное увеличение от 0,24 до максимального значения 0,46, после чего началось непрерывное снижение до значения «П», равного 0,14 в 2009 г., далее прогнозируется его снижение.

Следует заметить, что лица, совершающие умышленные убийства, это особая категория преступников, которые перешли определенный психологический порог, обесценив чужую человеческую жизнь, нашли способ решения конфликтных ситуаций, возникающих в

процессе межличностных отношений.

Социологическое исследование осужденных, проведенное в 2010 г., позволило составить усредненный социально-демографический портрет осужденного за умышленное убийство.

Возраст: до 20 лет — 15 %, до 30 лет — 30, до 40 лет — 26, до 50 лет — 15, свыше 50 лет — 15 %. Наиболее типичный возраст убийцы — от 20 до 40 лет (56 %). После 40 лет у преступников наступает снижение криминальной активности, связанное скорее с физиологическим истощением убийцы, нежели с его исправлением.

Семейное положение: 81 % осужденных за убийство не состояли и не состоят в браке. Как правило, эти лица не склонны к семейной жизни.

Образование: 13 % — имеют начальное образование или не имеют образования вообще, 24 — неполное среднее образование, 36 — среднее образование, 22 % — среднее специальное или незаконченное высшее образование. Образовательный уровень достаточно низкий по сравнению с законопослушной популяцией.

Род занятий: 47 % — без определенных занятий или безработные, 18 — рабочие, 13 — учащиеся, 7 — военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, иные — 15 %.

У 76% убийц — первая судимость, 24 % — вторая и более судимости.

10 % из числа убийц были освобождены условно-досрочно.

Использование оружия: в 70 % случаев использовалось холодное или огнестрельное оружие.

Отношение к наркотикам: 90% осужденных при анкетировании не отметили употребления наркотических средств.

Психологическая помощь: 75 % — не пользовались психологической помощью в ИУ. Как правило, эти лица не обращаются к психологам.

Личная безопасность в ИУ: 98 % — не обращались к администрации ИУ с просьбой об обеспечении личной безопасности. Им никто не угрожает и они чувствуют себя в безопасности в условиях изоляции.

Трудоспособность: 85 % — трудоспособны, 12 % — инвалиды и ограниченно годные к труду.

Поощрения и взыскания: 64 % — не имеют поощрений, 66 % — не имеют взысканий. Две трети осужденных убийц не имеют ни поощрений, ни взысканий.

Общая характеристика: положительно характеризуются — 46 %, нейтрально — 20, отрицательно — 20, злостные нарушители — 14 %.

При изучении выборки лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, выяснилось, что более 50 % всех убийств было направлено на слабую наиболее незащищенную часть населения: малолетних или несовершеннолетних детей, женщин, престарелых лиц и пенсионеров. 72 % совершенных убийств не связаны с употреблением алкоголя или наркотиков и характеризуются спонтанностью, необдуманностью, нелепостью, отличаются неясностью мотивов, недомыслием, противоречивостью и вместе с тем безжалостностью, аморальностью, жестокостью, презрением к человеческой жизни и наличием нескольких жертв.

Психодиагностическое обследование с помощью опросника СМИЛ обнаружило выраженное презрение к общественным нормам, обычаям, и неспособность учитывать свой негативный опыт,

даже приобретенный в результате наказания.

Эмоциональное напряжение находит непосредственный выход в поведении, минуя систему установок, отношений и социальных ролей без учета норм морали и нравственности. Непосредственная реализация возникших побуждений и неразвитость рефлексии приводят к отсутствию тревоги и страха перед потенциальным наказанием.

К этой категории осужденных часто применяется термин «шизоидная личность», которой свойственны определенные расстройства мышления и поведения и склонность к выхолащиванию рассуждательству (резонерству), маскирующему интеллектуальную несостоятельность. Для них характерно своеобразное восприятие окружающей обстановки, находящее свое выражение в странных и необычных мыслях и поступках, чувстве неадекватности и неполноценности, сопровождающихся отсутствием интересов и привязанностей. Их образование и профессиональная деятельность характеризуются отсутствием каких-либо достижений и минимальной адаптацией к социуму. Индивидуалистичность их лишь усугубляется при противодействии окружающих. Коррекция поведения чрезвычайно затруднена, оно характеризуется не агрессивным характером, а скорее криминальными эпизодами, совершенными в результате социальной дезадаптации, своеобразия мышления, эмоциональной холодности, невозможности прогнозирования последствий своих преступных действий. Как правило, их преступления бессмысленны, плохо спланированы и чрезвычайно жестоки.

Длительные сроки отбывания наказания способствуют их дальнейшей психопатизации. Личностный рост и нравственное возрождение оказались для этой категории осужденных невозможными ни в условиях свободы, ни в условиях исправительных учреждений.

Вывод, который вытекает из проведенного анализа, можно сформулировать следующим образом: чем больше осужденных этой категории находится в местах лишения свободы, тем меньше зарегистрированных убийств. Эта закономерность подтверждается приведенными ранее данными. Сравнительно небольшие сроки заключения за убийства

(51,4 % осуждены на срок от 2 до 10 лет) и их условно-досрочное освобождение лишь снижают степень защищенности общества от этого опасного преступления.

Приведенные данные о динамике убийств и покушений на убийство не включали в себя лиц, умерших от причинения тяжкого вреда здоровью, пропавших без вести, суммарное количество которых по численности, вероятно, значительно превосходит количество зарегистрированных убийств. С высокой вероятностью можно предположить аналогичную динамику и этих преступлений.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Н. М. Гориславская, Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье рассмотрены подходы к изучению субъективного качества жизни в отечественной и зарубежной психологической науке.

Ключевые слова: качество жизни, субъективное качество жизни, удовлетворенность жизнью.

Abstract: this article approaches the study of subjective quality of life in domestic and foreign scientific psychology.

Key words: quality of life, subjective quality of life, satisfaction with life.

Исследование проблем качества в последние десятилетия находится в центре внимания ученых различных отраслей знаний: социологов, экономистов, медиков, психологов. В дискуссию о качестве жизни вовлечены исследовательские центры, правительственные

органы, различные международные организации. Это многостороннее и комплексное понятие включает в себя вопросы жизни, быта, мировоззрения, потребления, окружающей среды, психики, поведения, общественной и трудовой деятельности отдельной личности, социальных групп, слоев и классов.

В настоящее время вопрос о содержании и структуре понятия «качество жизни» остается дискуссионным. По словам О.А. Ковынёвой и Б.И. Герасимова, среди большого множества работ в различных отраслях знаний, посвященных специально рассмотрению качества жизни населения и различных его сторон, до настоящего времени нет единства в понимании того, какие социально-экономические процессы и явления обозначаются этим термином.

С одной стороны, встречается предельно расширительное толкование данной категории, которое, по существу, вбирает в себя все процессы жизнедеятельности человека и общества. С другой — в показатели качества жизни иной раз включается безо всякой научной аргументации только узкая часть процессов жизнеобеспечения людей [11].

Понятие «качество жизни» возникло сравнительно недавно — в 60-х годах XX в. Принято считать, что впервые этот термин появился в экономической науке, а конкретно в книге экономиста Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия» в 1958 г. Под качеством жизни подразумевались все блага, которые могут быть предоставлены потребителю «развитым индустриальным обществом», «обществом менеджеров» [18, с. 143]. Однако, как отмечает Б.Г. Генкин, различные аспекты качества жизни столетиями обсуждаются в мировой философской, социологической и экономической литературе. Еще Аристотель писал: «Цель государства — это совместное продвижение к высокому качеству жизни» [7, с. 34]. В политический лексикон этот термин был введен бывшим президентом Дж. Кеннеди в «Докладе о положении нации» в 1963 г., где был выдвинут тезис о том, что «качество американской жизни должно идти в ногу с количеством американских товаров» [16, с. 235].

Однако, по свидетельству американского социолога С. Маккола, выражение «качество жизни» было впервые употреблено в 1964 г. президентом США Л. Джонсоном, заявившим, что цели американского общества «не могут быть измерены размером наших банковских депозитов. Они могут быть измерены

качеством жизни наших людей» [28, с. 229].

Состоялись многочисленные дискуссии по вопросам определения понятия «качество жизни», анализа его содержания, разработки критериев, построения моделей. Активный интерес к данной проблеме был связан с переходом к постиндустриальной стадии развития в ряде этих стран и осознанием общечеловеческих глобальных проблем современности. В период конца 1950-х — начала 1960-х годов обострились противоречия существующего типа общественного развития, проявившиеся в усилении, наряду с позитивными (резкий рост производительных сил, улучшение материального положения населения), негативных его последствий (рост количества стрессовых ситуаций, ухудшение состояния окружающей среды и др.) [2].

Понятие «качество жизни» имеет довольно сложную структуру. Многие авторы отмечают, что оно включает в себя: качество здоровья популяции, образования и природной среды, духовность и пр., охватывая при этом характеристику показателей уровня жизни, условий труда и отдыха, жилищные условия, социальную обеспеченность и гарантии, состояние окружающей среды, наличие свободного времени и возможности его продуктивного использования, а также субъективные ощущения покоя, комфортности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

При многообразии позиций авторов относительно факторов, формирующих качество жизни, отмечается единство относительно их безусловной множественности.

Существует объективный подход к рассмотрению категории «качество

жизни», однако многие ученые отмечают наличие и субъективного понимания указанной категории, которое сводится к состоянию сознания субъекта, его ощущениям, представлениям, пониманию им степени удовлетворенности жизнью, и определяется как «субъективное качество жизни».

Концепция «бинарного», объективного и субъективного качества жизни была разработана в 1970-е годы XX в. [24]. Тем самым было положено начало доминирующему до сих пор пониманию психологического компонента только как субъективной оценки людьми своего качества жизни в целом или ее отдельных аспектов (синонимы — «субъективное качество жизни», «субъективное благополучие»). В наше время такое понимание психологического аспекта нашло отражение в структуре субъективного качества жизни, предложенной сотрудниками Института социологии РАН Е.В. Давыдовой и А.А. Давыдовым [9]. Эта структура включает ряд подструктур: субъективное экономическое благополучие, субъективное психологическое благополучие и другие виды благополучия. Основными оценочными показателями субъективного качества жизни являются «счастье» (аффективный компонент качества жизни) и «удовлетворенность жизнью» (когнитивный компонент).

Субъективное понимание присутствует в работах многих ученых, занимавшихся изучением проблем качества жизни. В зарубежных исследованиях, так же как и во многих отечественных, качество жизни часто отождествляется с понятиями «удовлетворенность жизнью», «счастье».

Первые результаты в этом направлении были получены Н. Бредбери, он

применял понятие «удовлетворенность жизнью», а в качестве его показателя использовал эмоциональный баланс (сумма положительных эмоций — сумма отрицательных эмоций). Этот показатель имел нормальное распределение и мог свидетельствовать о качестве жизни [5].

Так, одна из характерных черт теории О. Тоффлера — выдвигание психологических критериев для определения содержания качества жизни. Основываясь на этой точке зрения, он ограничивает качество жизни лишь хорошим настроением, положительными эмоциями, эстетическими наслаждениями и т. д. Фактически он сводит «качество жизни» к элементам «стандарта жизни», с тем лишь отличием, что при измерении качества жизни мы пользуемся психологическими элементами. О. Тоффлер пишет, что при потреблении товаров и услуг люди делают акцент не на их функциональном назначении, а «на психологическом характере удовлетворения ими». Взяв это утверждение за основу, он продолжает: «Мы переходим от экономики «количественной» к экономике «психологической», потому что обладаем уже количественным содержанием, способным нас удовлетворить» [21, с. 95].

В одном из первых исследований субъективного качества жизни, проведенном М. Абрамсом, описывалась удовлетворенность такими сферами, как работа, жилище, город, здоровье, район, свободное время, уровень жизни, полученное образование, демократические права, финансовое положение [4]. В. Хэндей использовал анкету, состоящую из 26-ти блоков, где оценивались: состояние здоровья, отношение к родителям, брак, работа, степень самореа-

лизации, успех, жизненные стандарты, отношение к друзьям, к правительству, местным властям, степень беспокойства и т. п. [8].

Наиболее фундаментальными работами в области «ощущаемого благополучия» являются работы А. Кемпбелла [25], Ф. Конверса, В. Роджерса [26], Ф. Эндрюса, С. Утни [24]. В этих и других работах качество жизни связывают с достигнутым обществом уровнем благосостояния, субъективным восприятием индивидуального благополучия как жизни в целом, так и в отдельных жизненных областях.

А. Кемпбелл фокусирует внимание на «внутреннем самочувствии» американцев: «Если мы попытаемся объяснить мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, мы оставим непонятой большую часть того, что нам необходимо объяснить» [25]. Более того, общая оценка людьми своего существования является суммой оценок частных сфер: семейная жизнь, дружеские отношения, уровень жизни (в частности, дом и машина), город или другое место жительства, нация, домовладение (имеющее физический и физиологический смыслы), образование, здоровье и пр. В исследованиях А. Кемпбелла в измерениях применяется триада «обладание-отношение-существование», что предполагает наличие удовлетворенности материальным положением, межличностными отношениями, уровнем самооценки. А. Кемпбеллом было установлено, что наличие хороших межличностных отношений, позитивной самооценки, ощущения контроля над своей жизнью «играют более важную роль в общем благополучии, чем реальная жизненная

ситуация», то есть категории «отношение» и «существование» признаются столь же, если не более важным, фактором качества жизни, как и категория «обладание».

Учеными было обнаружено существенное влияние социального окружения на удовлетворенность жизнью, но его не следует преувеличивать. А. Кемпбелл, П. Конверс и В. Роджерс [26] выявили связи между переменными социального окружения и параметрами удовлетворенности жизнью, а Ф. Эндрюс и С. Утни [24] показали, что объединенные воздействия возраста, гендера, дохода, образования и занятости ответственны за часть изменения общей степени удовлетворенности жизнью. Доказано, что персональные ценности, цели и перспективы, имеющие отношение к качеству жизни, включают в себя: персональные нужды, внутренние состояния, материальные и постматериальные ценности, религиозные факторы, характеризующие членство в том или ином религиозном сообществе. Психологические подходы показали, что источник качества жизни — удовлетворенность личных потребностей.

Р. Инглхарт и Дж. Рабье отмечают, что удовлетворенность жизнью в целом (глобальная сторона восприятия качества жизни) аддитивна, отражая сумму степеней удовлетворенности индивидов разными областями жизни [27]. При этом исследователи отмечают, что ощущение счастья, удовлетворенность и самочувствие неизоморфны, хотя и могут перекрываться. Люди существуют как члены семей, организаций и локальных сообществ, и могут оценивать их. В связи с этим многие исследователи рассматривают оценки качества

жизни в разнообразных контекстах (локальных сообществ, этнических групп, региональных групп, наций и т. д.).

Несмотря на то что у непредвзятого исследователя могут возникать сомнения в возможности измерения субъективных компонентов качества жизни, проведенные исследования раскрывают высокие степени достоверности и надежности этих измерений. Самоотчеты о долгосрочном самочувствии коррелируют с внешними оценками, например, мнениями окружающих, выявленными в интервью.

Согласно современным американским исследованиям, соответствие объективной окружающей среды и субъективного опыта сложно для понимания. «Если мы попытаемся объяснить мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, мы оставим непонятой большую часть того, что нам необходимо объяснить». Более того, общая оценка людьми своего существования является суммой оценок частных сфер: семейная жизнь, дружеские отношения, уровень жизни (в частности, дом и машина), город или другое место жительства, нация, домовладение (имеющее физический и физиологический смыслы), образование, здоровье и т. д. [17].

По Э. Алларду, качество жизни достигается за счет удовлетворения трех систем базовых потребностей: «иметь», «любить» и «быть». Потребительские потребности определяются как относящиеся к материальным условиям, необходимым для выживания и избежания нищеты. Сюда относятся экономические ресурсы (минимальный доход на душу населения), условия проживания, занятость, условия труда, здоровье, образование. «Любовь» относится к потреб-

ностям общаться с другими людьми и образовывать социальные идентичности. Также к ним относятся контакты в локальном сообществе, дружеские отношения, социализация в группах и организациях и отношения с коллегами, потребности в бытии, интеграция в обществе и жизнь в гармонии с природой, политической активности, досуге и т. д. [23].

Достаточно интересен и плодотворен, с нашей точки зрения, подход М. Сирги, Г. Самли и А. Мидоу. Наиболее привлекательная сторона этой научно-исследовательской программы исследования качества жизни — ее деятельностный подход. Он служит социально-философской основой, способной обеспечить необходимый для синтеза уровень абстракции. Анализ качества жизни с позиции деятельностного подхода включает в себя четыре измерения: 1) рассматривает качество жизни с точки зрения взаимного соответствия целей и способов их достижения, то есть методов и результатов деятельности; 2) анализирует различия между долгосрочными и краткосрочными результатами; 3) рассматривает социальный потенциал качества жизни и его реализацию; 4) различает 4 уровня анализа — индивидуальный, групповой, социетальный и мировой [30].

Модель качества жизни при этом подходе определяется из иерархической теории потребностей, сформулированной А. Маслоу. Согласно этой модели, в развитых обществах имеются люди, в основном занятые удовлетворением потребностей низшего порядка (биологических и относящихся к безопасности). Качество жизни определяется в терминах уровня иерархий потребностей

большинства членов данного общества. Чем больше удовлетворение потребностей большинства его членов, тем выше качество его жизни. Общественные институты предназначены для удовлетворения человеческих потребностей и относятся к качеству жизни общества. Социетальные институты, обслуживающие потребности людей, включают в себя «производственные», обслуживающие, менеджериально-политические и адаптивные учреждения. По рассматриваемой модели прогрессивные изменения качества жизни сопровождаются иерархическими изменениями этих социетальных учреждений.

С точки зрения деятельностного подхода, цели качества жизни могут быть определены как удовлетворение человеческих потребностей в локальном сообществе или в обществе в целом. Исследования, относящиеся к социально-психологическому подходу, указывают на то, что эффективное социально-эмоциональное функционирование является движением в направлении удовлетворения потребностей высшего порядка, то есть самореализации. Самореализация же, согласно А. Маслоу (1954), является состоянием наиболее полного раскрытия индивидом своего личностного потенциала. Это состояние может быть достигнуто только после удовлетворения потребностей низшего порядка — биологических потребностей и потребностей в обеспечении безопасности. Подавляющее большинство специалистов-психологов утверждает, что человеческие потребности организованы в определенную иерархическую структуру; удовлетворение потребностей низшего уровня обеспечивает возможность удовлетворения

потребностей более высокого порядка [14].

Иерархия потребностей выглядит следующим образом (в порядке перехода от низших к высшим): биологические потребности — вода, еда, кислород и т. д.; потребности в безопасности — физической и психологической; социальные потребности — признание, дружба; потребности достижительные — успех, признание и потребности в самореализации. При этом чем выше уровень потребности, тем в меньшем количестве ресурсов она нуждается.

Одними из первых в выработке методик измерения были исследования Портера, анкета которого содержит следующие блоки вопросов:

1) потребности выживания: а) потребности в обеспечении безопасности; б) размер заработка;

2) социальные потребности: а) потребности в общении; б) потребности в членстве в определенной группе;

3) Эго-потребности: а) потребности в уважении; б) потребности в независимости, автономии;

4) потребности в самореализации: типичная область измерений состоит в измерении чувства личной безопасности: а) состояние на данный момент времени; б) сколько должно быть (оба показателя в интервале от 1 до 7) [29].

Рейтинг первого из двух вопросов раскрывает меру имеющихся ресурсов; рейтинг второго — отражает значение уровня потребности. Интервалы от 1 до 7 используются для замеров потребностей в безопасности и размеров оплаты. Потребности в межличностных отношениях и дружбе замеряются при помощи двучленных интервалов, потребности в самоуважении и самореализации —

трехчленных, а потребность в автономии (независимости) — четырехчленных. Удовлетворенность потребностей выводится в качестве абсолютной разницы между «есть» и «должно быть».

Несмотря на эффективность методики Портера, область ее применимости оказалась достаточно узкой, поскольку она была выработана для оценки качества труда организациях. В связи с этим дальнейшее совершенствование методик измерения качеств жизни пошло в направлении расширения области применимости для включения качества жизни в целом. Вопросы стали охватывать следующие позиции.

1. Чувство безопасности. 2. Чувство получения и оказания помощи другим людям. 3. Чувство дружбы. 4. Чувство «узнавания». 5. Чувство гордости за свои достижения, степень довольства собой. 6. Чувство репутации, престижа. 7. Чувство независимости в мыслях и поступках. 8. Чувство уверенности в правильности образа жизни. 9. Чувство роста и индивидуального развития. 10. Чувство самореализации. 11. Чувство наличия значительных достижений.

Для замеров 1–11 использовалась шкала с интервалами от 1 до 7. 1 пункт служил для измерения безопасности, 2–4 — социальных потребностей, 5–7 — потребностей в самоуважении, 9–11 — самореализации. Общая степень удовлетворенности жизнью получается путем нахождения средней величины по 11 пунктам.

В процессе конкретных исследований найдены значительные корреляции между удовлетворенностью жизнью и доходом, брачным статусом и отрицательные связи между удовлетворенностью жизнью и количеством времени,

проводимым перед телевизором, и материальными ценностями, включавшими три фактора — радость от обладания вещами, жадность и зависть.

В конце прошлого века, с самого своего зарождения, позитивная психология и провозгласила своей задачей изучение путей и возможностей достижения человеком хорошей и достойной жизни, процветания. Этому посвящены работы М. Аргайла, Э. Динера, Д. Майерса, М. Селигмана и др.

Анализ философской и психологической литературы показал, что «счастье» является феноменом, принадлежащим в значительной мере экзистенциальному аспекту бытия личности, восприятию и пониманию мира в целом и природы человека. В самом этом понятии скрыто множество противоречий. Укажем лишь на то, что по эмпирическим данным психологических исследований понятия «счастье» и «несчастье» почти полностью независимы друг от друга. Переживание счастья имеет значительную культуральную и этническую обусловленность. Так, в социологических опросах выявлено, что чаще всего людей, ощущающих себя счастливыми, можно встретить в Индии и реже всего в Швеции. Следовательно, уровень жизни, качество жизни оказывают лишь очень малое влияние на переживание собственной счастливости. Это понятие лишь отчасти является психологическим. Нет достаточных оснований рассматривать его как достаточно конструктивное, с широкими возможностями использования. Неслучайно М. Аргайл в своей книге с интригующим названием «Психология счастья» редко использует это понятие. Уже в начале книги он так проясняет свою позицию. «Счастье

можно рассматривать как осознание своей удовлетворенности жизнью или как частоту и интенсивность позитивных эмоций» [1].

Одним из главных в позитивной психологии стал вопрос об операционализации и измерении счастья. За условную меру счастья была принята характеристика «субъективного благополучия», связанная с удовлетворенностью от жизни и положительными эмоциями. Для измерения счастья были созданы шкала удовлетворенности жизни Динера (SWLS), шкала счастья Фордайса (HM), аффективный баланс Брендберна (положительные эмоции минус отрицательные) (AB) и др.

М. Аргайл в книге «Психология счастья» рассматривает этот феномен с социологической точки зрения. Его поход наиболее наукообразен, человек рассматривается как совокупность тех или иных качеств, процессов и взаимосвязей. При таком подходе понятие «душа» просто не предполагается. Согласно его выкладкам, состояние счастья складывается из трех базовых составляющих: положительные эмоции, состояние удовлетворенности и отсутствие отрицательных эмоций.

М. Аргайл приводит данные исследований, согласно которым у разных людей преобладают разные способы мотивации, и это заложено на генетическом уровне. У одних людей мотивация направлена на достижение, и такие люди нацелены на получение. В том числе удовольствия и радости. Этот тип людей называется экстраверты [1].

Еще один важный момент — общение с людьми признается одним из мощных источников удовольствия и радости. Именно за счет своей активности в

общении экстраверты получают много положительных эмоций.

Другой тип людей нацелен на избегание проблем, неприятностей и т. д. Это тип тревожных людей, чей девиз может быть «как бы чего не вышло». Называется такой тип людей невротики. И их способность к общению гораздо ниже, они менее успешны в межличностных отношениях, в том числе за счет избегания ситуаций, которые в потенциале могут принести неприятности.

Концепция «аутентичного счастья» американского ученого М. Селигмана — идентификация, развитие наиболее сильных сторон человеческой личности и использование их в жизни (в частности, в семье и на работе). Показано, что для ощущения аутентичного счастья необходимо обращаться к наиболее сильным сторонам собственной личности. М. Селигман включает в представления об аутентичном счастье следующие аспекты:

- «семейный круг» (субъективное благополучие на 50 % наследуется от биологических родителей, причем по его данным, генетически обусловлены прежде всего отрицательные эмоции, а то, что связано с положительными эмоциями, в большей мере зависит от среды и индивидуального развития (наследуется социально);

- «индивидуальный уровень» счастья (характерный для определенного человека, к которому он каждый раз возвращается через какое-то время после пережитых положительных или отрицательных событий);

- «объективное качество жизни» (обстоятельства, находящиеся вне непосредственного контроля людей, в этом контексте М. Селигман иногда называет

современную Россию «самой несчастливой страной»;

- «субъективное качество жизни» (то, что находится (или в принципе может находиться) под контролем людей — отношения между ними, в частности любовь, дружба, хорошая семейная жизнь, поддерживающие духовно-религиозные сообщества) [20].

М. Селигман также отмечает, что счастье включает в себя одновременно два типа переживаний: удовольствие и удовлетворение. Удовольствие — имеет сильный чувственный эмоциональный компонент (например, экстаз, восторг, оргазм) и в нем практически никак не задействованы когнитивные процессы. Удовлетворение имеет место тогда, когда мы занимаемся любимым делом, что вовсе не обязательно предполагает сильные чувства, но здесь важна полная вовлеченность в такую деятельность, когда мы растворяемся в ней и при этом соприкасаемся с сильными сторонами нашей личности.

В зарубежной психологии субъективное благополучие исследуется с позиций психологического благополучия личности. Подходы к исследованию психологического благополучия условно разделяются на эвдемонистические и гедонистические (А.С. Ватерман, Э. Деси, Д. Каннеман, Р. Райан). Как отмечают исследователи, главным недостатком гедонистического подхода является его теоретическая неразработанность, а эвдемонистического — трудность эмпирической оценки психологического благополучия. Попытки преодоления данных недостатков привели к сближению указанных подходов, построению интегративных моделей психологического благополучия (М. Яхода, К. Рифф). Так,

в зарубежной психологии наибольшей популярностью среди исследователей пользуется многомерная модель психологического благополучия К. Рифф, базисом которой послужили основные теоретические концепции, ориентированные на исследование позитивного психологического функционирования личности. Названная модель включает шесть основных компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономию, управление окружающей средой (компетентность), наличие целей в жизни и личностный рост [12].

Одна из первых попыток в отечественной науке рассмотреть категорию «качество жизни» с точки зрения субъективного подхода была предпринята в рамках проекта «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (А. Возьмитель). Исходя из понимания качества жизни как неразрывного (хотя порой и противоречивого) единства социальных условий, норм и целей, было предложено выделять три группы показателей, раскрывающих: отношение к условиям жизнедеятельности, самой жизнедеятельности, а также характер терминальных и инструментальных ценностей [6]. В рамках этого проекта разрабатывались понятия социального благополучия, отражающего субъективное восприятие и оценку людьми своей жизненной ситуации. Фиксировалось общее ощущение удовлетворенности жизнью и такими ее сторонами, как материальное благополучие, отношения в семье, на работе, возможности для образования и воспитания детей, здоровье и т. п. [13].

За последнее время в России выполнен достаточно большой ряд работ

по измерению и оценке субъективного качества жизни населения, удовлетворенности жизнью.

Е.В. Балацкий предложил методику построения интегрального индекса удовлетворенности жизнью. Ее особенностью является детальная проработка всех измерительных процедур и использование оценок субъектами не только значимости, но и важности тех или иных элементов жизни [3].

Методику субъективных оценок, охватывающую все аспекты качества жизни населения, предложил Н.П. Фетискин [22]. Работа включает три опросника.

Опросник «Интегральная оценка качества жизни» содержит 41 вопрос, в том числе те, которые используются в социологических опросах Левада-Центром, ВЦИОМ, ВНИИТЭ. Интерпретация результатов и оценка качества жизни осуществляются по 13 позициям:

1. Социально-личностное качество жизни.
2. Социально-экономическое качество жизни.
3. Качество семьи.
4. Социально-психологическое качество жизни.
5. Качество общества (социальной среды).
6. Качество эпохи.
7. Качество самореализации.
8. Качество свободы и жизненных ограничений.
9. Качество досуга.
10. Качество жизненных ценностей и предпочтений.
11. Качество потребностной сферы.
12. Качество жизненных перспектив и их реализации.

Второй опросник «Интегральная самооценка качества средовых условий и потенциалов жизнедеятельности личности» включает в себя вопросы, характеризующие состояние здоровья, преобладающее настроение, условия жизни и труда.

Третьим предлагается использовать модифицированный опросник Ж. Нютена «Оценка жизненных целей и ценностей».

Большой интерес представляют исследования субъективного качества жизни, проведенные сотрудниками института психологии РАН. Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной качество жизни определяется как «интегральный показатель жизнедеятельности людей, который включает как объективные, так и субъективные компоненты. Объективные показатели характеризуют уровень жизнедеятельности конкретного человека, а субъективные — степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур разного уровня» [19].

Т.И. Савченко, Г.М. Головина сообщили о результатах исследования Института психологии РАН, направленного на выявление структуры удовлетворенности жизнью и построение модели удовлетворенности жизнью в зависимости от свойств личности и ценностных структур. Использовались разработанный авторами опросник для выявления личностного смысла ценностей и доминирующих ценностей, опросник «Индекс жизненной удовлетворенности», личностные психологические тесты.

Показано, что на уровень удовлетворенности жизнью влияет мотивационная направленность, причем структуры восприятия реальных представлений и представлений об идеальном качестве

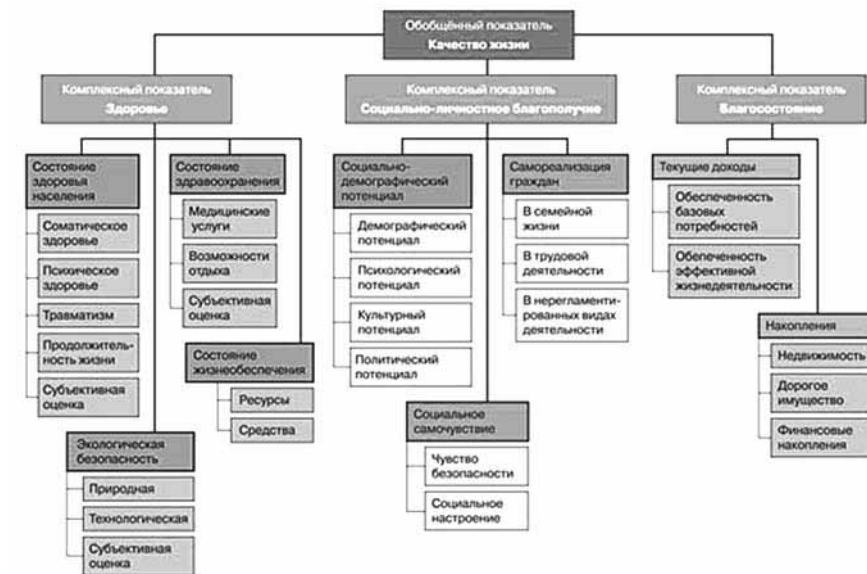

Рис. 1. Структура показателей качества жизни

жизни неодинаковы у людей с различной мотивационной направленностью. Обе структуры содержат параметр «душевное спокойствие», но основной ценностью респондентов с мотивом достижения успеха является высокий социальный статус, а для респондентов с мотивом избегания неудачи — деньги. Получены и другие зависимости, свидетельствующие о том, что без их включения в номенклатуру показателей и критериев оценивать качество жизни невозможно.

Особая роль в разворачивании в России на рубеже XX–XXI вв. систематических и многоаспектных исследований по проблемам качества жизни принадлежит Всероссийскому НИИ технической эстетики. Его специалистами была разработана концепция качества жизни, обобщившая результаты многих преды-

дущих исследований и практических работ и впервые представившая проблему качества жизни населения России в целом со всеми нюансами. Была издана и разослана почти во все регионы страны коллективная монография [10]. Это послужило стимулом для расширения круга исследовательских групп и принятия некоторых практических решений.

Инициаторы и руководители этого исследования М.В. Федоров и Е.Е. Задесенец приняли следующее определение понятия «качество жизни»: «... Качество жизни есть комплекс характеристик жизнедеятельности индивида (группы людей или населения в целом), обуславливающих ее оптимальное протекание в конкретное время, в определенных условиях и месте и обеспечивающих адекватность ее (жизни) параметров основным видам деятельности

и потребностям человека (биологическим, материальным, духовным и др.) [10]. Это определение было положено в основу разработанной методологии измерения и оценки показателей качества жизни населения России. Она построена как процедура измерения, свертки и последующей интеграции полученных значений показателей первичного уровня иерархической системы.

Специфическая методология измерения и оценки качества жизни населения России, предлагаемая Всероссийским научно-исследовательским институтом технической эстетики (ВНИИТЭ), явилась результатом исследований по проблематике качества жизни, проводимых с 1998 г. В результате анализа разных предложенных классификаций, показателей и номенклатур качества жизни проведенного сотрудниками ВНИИТЭ разработаны два варианта иерархической общероссийской номенклатуры показателей качества жизни населения России: первый — в 2003 г., второй — в 2006 г. [15].

В структуру первого варианта номенклатуры показателей (три верхних уровня) (рис. 1) входит блок «Социально-личностное благополучие». В основу разработки показателей качества жизни, относящихся к этому блоку, были положены следующие представления.

Социально-личностное благополучие — это компонент качества жизни, который комплексно характеризует специфику социально-психологического аспекта качества жизни. Он включает три частных компонента: социально-демографический потенциал, социальное самочувствие и самореализацию граждан в разных сферах жизнедеятельности.

Под социально-демографическим потенциалом понимается совокупность свойств общества, определяющих его способность к продуктивной жизнедеятельности в направлении повышения качества жизни всех его членов и собственной устойчивости во все расширяющихся границах внутренних и внешних условий. Этот обобщенный потенциал складывается из четырех частных потенциалов:

1) демографического потенциала — совокупности популяционных свойств общества (состояния и динамики количества населения, его различных слоев и групп);

2) психологического потенциала — системного свойства общества, выражающегося в агрегации психологических и психофизиологических свойств, образующих общество людей;

3) культурного потенциала — системного свойства общества, выражающегося в агрегации культурных свойств, образующих общество людей (духовных ценностей и интересов, образования стереотипов социального поведения);

4) социально-политического потенциала — совокупности свойств социальной организации общества (типа власти, характера взаимодействия властных структур и остального населения, стратификации общества и т. д.).

Под социальным самочувствием понимается системное свойство общества, возникающее как агрегация самочувствия образующих это общество людей. Оно включает в себя две группы свойств: чувство безопасности, то есть самочувствие, обусловленное уровнем защищенности граждан от природных, техногенных и социальных угроз, и настроение, то есть самочувствие, обу-

Рис. 2. Структура показателей качества жизни

словенное всеми остальными факторами.

Под самореализацией граждан в разных сферах жизнедеятельности понимается системное свойство общества, возникающее как агрегация самореализации людей в личной и семейной жизни, труде, общественной деятельности и различных видах нерегламентированной деятельности (активный отдых, хобби).

Второй вариант номенклатуры показателей качества жизни (рис. 2) представляет собой доработку первого варианта и может стать унифицированной общероссийской номенклатурой показателей качества жизни населения России.

Унифицированная общероссийская номенклатура показателей качества жизни включает в себя как объективные, так и субъективно-оценочные показатели, в ней имеются показатели, используемые для оценки индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)

по методике ООН, что позволяет, помимо обобщенного показателя качества жизни населения, давать оценку ИРЧП. Для работы с номенклатурой показателей создана система компьютерной поддержки принятия решений по критерию качества жизни [9].

Таким образом, с психологической точки зрения наиболее важной является именно субъективная составляющая понятия «качество жизни», так как она связана с восприятием субъектом качества своей жизни через личностные структуры: ценностные ориентации, потребности, чувства, мотивы деятельности и т. д.

Субъективное качество жизни — это динамичный феномен, который не может быть зафиксирован «раз и навсегда». Динамичный характер актуального субъективного качества жизни детерминирован системой ценностных ориентации, потребностями субъекта, его активностью, осознанием себя и своего места в мире, особенностями самореализации

и т. п. Смыслообразующая функция субъективного качества жизни состоит в том, что оно, как интегральное отношение личности в конкретный момент к жизни, является не простым переживанием человеком жизненной ситуации, а имеет для него ценностное значение, придает смысл и «задает» цели будущего развития и жизнедеятельности субъекта.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. — М., 1990.
2. Базарова А.Г. Территориальная дифференциация качества жизни населения Республики Бурятия: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Улан-Удэ, 2001.
3. Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. — 2005. — № 4 (76). — С. 42–52.
4. Бестужев-Лада И.В., Батыгин Г.С., Гришаева Н.П. Категория «качества жизни» в современной западной социологии // Современные концепции уровня, качества и образа жизни. — М., 1978. — С. 151–159.
5. Бодалева А.А. Психология личности. — М.: Моск. гос. ун-т, 1988.
6. Возителъ А.А. Изучение качества жизни в социологическом исследовании. — М.: ИС АН СССР, 1986.
7. Генкин Б.Г. Экономика и социология труда: учеб. для вузов. — 5-е изд., доп. — М.: Норма, 2003.
8. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993. — 52 с.
9. Зараковский Г.М., Пенова И.В. Система компьютерной поддержки принятия решений по критериям качества жизни // Стандарты и качество. — 2005. — № 3. — С. 60–62.
10. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования / под ред. Л.А. Кузьмичева, М.В. Федорова, Е.Е. Задесенца. — М.: ВНИИТЭ, 2000.
11. Ковыньёва О.А., Герасимов Б.И. Управление качеством жизни населения: монография / под науч. ред. Б.И. Герасимова. — Тамбов, 2006.
12. Козырева П.М., Герасимова С.В., Киселева И.П., Низамова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. — М., 2001.
13. Левыкин И.Т. К вопросу об интегральных показателях социалистического образа жизни // Социол. исследования. — 1984. — № 2.
14. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999.
15. Методика оценки качества жизни. — М.: ВНИИТЭ, 2000.
16. Митин М.Б. НТР, образ жизни и идеологическая борьба // Проблемы социалистического образа жизни. — М.: Наука, 1977.
17. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социол. исследования. — 2003. — № 3. — С. 100–105.
18. Попов С.И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. — М.: Политиздат, 1977. С. 143;
19. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. — М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
20. Селигман М. Новая позитивная психология. — М.: София, 2006.
21. Современные концепции уровня, качества и образа жизни. — М., 1978.
22. Фетискин Н.П., Кулайкин В.И., Миронова Т.Н. Психодиагностика качества жизни в российской ментальности: науч.-метод. пособие. — М.; Кострома: Костром. гос. ун-т имени Н.А. Некрасова, 2006.
23. Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research // The Quality of Life. M.C. Nussbaum and A. Sen (eds.). P. 99–94.
24. Andrews F.M., Withey S.B. Social indicators of well-being. — N.Y.; L.: Plenum, 1976.
25. Campbell A. The Sense of Well-Being in America. Recent patterns and Trends. — N.Y.: McGraw Hill, 1981.
26. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The Quality of American Life. — N.Y., 1976.
27. Inglehart R., Rabier J. Aspirations Adapt to Situation — But Why Are the Belgians so Much Happier than French? // Andrews F.M., ed. Research on the Quality of Life. Ann Arbor. 1986. — P. 1–56.
28. McCall S. Quality of Life // Social Indicators Research. — Vol. 2. — № 2. — 1975. — P. 229.
29. Porter L.W. A Study of Perceived Need Satisfaction in Bottom and Middle Management Job // Journal of Applied Psychology. — 1961. — Vol. 45. — P. 1–10.
30. Sirgy M.J., Meadow H. Lee, Goskun Samli A. Past, Present and Future: An Overview of Quality of Life Research in Marketing // Quality-of-Life Research. Ed. by M.J. Sirgy, A. Coskun Samli. — P. 335–369.

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АГРЕССИИ И КАУЗАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ АГРЕССИВНОСТИ *

С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова

Аннотация: в статье представлен анализ когнитивных факторов агрессии и эмпирическое исследование их каузальной атрибуции на выборке испытуемых студентов.

Ключевые слова: когнитивные факторы, когнитивные механизмы агрессии, каузальная атрибуция, феномен агрессивности.

Abstract: This article presents an analysis of the cognitive factors of aggression and an empirical study of causal attribution on a sample of subjects students.

Keywords: cognitive factors, cognitive mechanisms of aggression, causal attribution, the phenomenon of aggression.

Проблема когнитивных факторов агрессии рассматривается в контексте фундаментальной проблемы функционирования субъективного опыта в структуре личности. Целью исследования является выделение значимых параметров картины мира и когнитивных механизмов, детерминирующих склонность к агрессивному поведению. Представление о враждебности мира, уверенность в возможности свести любую задачу взаимодействия с миром к простой и уже известной, представление о существовании единственно правильного понимания — все эти весьма различные по своим когнитивным механизмам убеждения, определяющие тип картины мира, создают условия для склонности к

агрессивному поведению. Ставится задача изучения взаимосвязи типа картины мира и формы агрессивности: склонности к враждебному, деструктивному или насильственному поведению.

Исследования факторов агрессии в мировой психологии преимущественно ведутся в области выделения ситуативных и личностных предикторов. Образ мира как «интегральное образование познавательной сферы» (А.Н. Леонтьев) редко рассматривается в качестве регулятора восприятия и мышления, имеющих своим объектом ситуации, требующие агрессивной реакции. В связи с этим актуальной представляется задача выделения тех особенностей образа мира, воплощенных в специфических элементах и убеждениях картины мира, которые обеспечивают предпочтение агрессии в ситуациях определенного типа.

Агрессивное поведение (в отличие от агрессии как реакции на опасность или изменения) предлагается рассматривать как порожаемое определенными особенностями картины мира. Предполагается, что склонность к таким формам агрессивности, как враждебность, деструктивность и насилие, формируется на основе принципиально различных типов картины мира. Враждебность возникает как продукт переживания недоброжелательности мира, как «базовое недоверие миру» (К. Хорни,

* Работа поддержана грантами РФФИ 10-06-00236а и РФНФ 10-06-00834а.

Э. Эриксон). В этом случае собственная агрессия интерпретируется как ответная и легитимизируется. При этом высокая тревожность не разряжается до конца в открытой агрессии. В отличие от враждебности, деструктивность может не восприниматься как агрессия, поскольку не требует формирования специальной мотивации причинения вреда, а возникает как результат применения стратегии репродуктивного мышления к задачам, требующим переструктурирования проблемной ситуации и порождения новой точки зрения и новых знаний. Такой подход к реальности, основанный на сочетании когнитивной простоты и высокой самооценки и личностного эгоцентризма, характеризует картину мира «новых варваров». Результатом становится неадаптивность поведения по отношению к решаемой задаче и высокий уровень сопротивления адаптирующим воздействиям извне. Деструктивность появляется в совместной деятельности — как на уровне выработки общих целей, так и при выборе средств достижения поставленных целей. Наконец, насилие возникает как действие по «продвижению» правильного способа действия: партнеру навязывается точка зрения, признаваемая субъектом насилия единственно верной. Так, семейное насилие в современных теориях семейной психотерапии выступает в виде навязывания эмоций, категорий оценивания, образов будущего и т. д. Формирование цели принуждения партнера к правильному переживанию, знанию, поведению основывается на существовании «презумпции абсолютной истины» в картине мира человека. Тогда насилие как форма агрессивного поведения развивается вследствие функционирования в со-

ставе дисфункциональной группы (например, дисфункциональной семьи).

В нашем исследовании в методологическом плане мы опираемся на основные положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и рассматриваем агрессию и тревожность взрослого человека как опосредствованные присвоенными в онтогенезе предлагаемыми культурой орудиями — поведенческими и перцептивными эталонами, ценностями, мыслительными стратегиями и т. д. В теоретическом плане при анализе явлений агрессии мы опираемся на концептуальный аппарат теории деятельности А.Н. Леонтьева, теории морального оправдания насилия А. Бандуры, гипотезы легитимизации агрессии М. Хогбена.

В методическом плане в современных исследованиях агрессивного поведения встает проблема взаимосогласования описаний агрессии на общепсихологическом и социально-психологическом уровнях. Модельным примером, на котором к решению этой проблемы можно приблизиться, является феномен каузальной атрибуции эмоций агрессивного круга, таких как гнев, презрение, вина, стыд. Приписывание характера и причин эмоционального переживания другого человека может быть рассмотрено и как результат работы механизма построения целостного образа при распознавании эмоций, и как результат социальной перцепции, обусловленный работой стереотипов, предубеждений и ролевых ожиданий. Следовательно, модель процесса приписывания агрессивных намерений в ходе коммуникации должна учитывать влияние как личностных (в широком смысле слова), так и социально-психологических факторов.

Мы предположили, что тревожность испытуемого, его склонность к гневу или переживанию чувства вины способствуют неверной идентификации им чужого эмоционального состояния. Социально-психологические факторы, такие как ценности и убеждения, также оказывают влияние на восприятие эмоциональной мимики партнера и приписывание ему определенных эмоциональных и мотивационных состояний.

Исследование проводится с помощью созданного авторами инструмента измерения способности к распознаванию эмоциональной мимики — методики РЭМ. Она была разработана авторским коллективом в 2006–2008 гг. (при поддержке гранта РГНФ № 06-06-00638а) и доказала свою эффективность как исследовательский инструмент в работах, поддержанных РФФИ (грант № 07-06-80159). Полученные в ходе этих работ результаты [3–6] дают основания считать, что эмоциональное благополучие, в частности снижение тревожности и агрессивности, обеспечивается переходом от натуральной формы эмоционального реагирования к высшей психической функции эмоций, опосредствованной присвоенными в подростковом возрасте психологическими орудиями дифференцировки своих и чужих эмоциональных состояний. Следовательно, один из интересующих нас факторов атрибуции эмоций — наличие психологических орудий восприятия эмоций — измеряется с помощью показателей методики РЭМ. В то же время процедура данной методики, при которой испытуемый решает задачу обнаружения изменений в выражении лица человека на экране компьютера и определения его эмоционального состояния, высту-

пает в исследовании в качестве экспериментального приема, позволяющего зарегистрировать склонность испытуемого к тенденциозному восприятию различной эмоционально окрашенной мимики как выражающей враждебность, подозрительность, обиду, страх, вину и тому подобные проявления агрессивности окружающих. Для измерения эмоционального статуса испытуемого, особенностей его ценностной и интеллектуальной сфер использованы: опросник агрессивности Басса-Перри в адаптации С. Ениколопова [1], опросник Кэттелла, тест Люшера, опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д. Люсина [8], портретный ценностный вопросник Ш. Шварца [9], модификация семантического дифференциала Ю. Кузнецовой [2], методика дискриминации свойств понятий (МДСП) [10].

В методике РЭМ испытуемый решает задачу обнаружения изменений в выражении лица девушки на экране компьютера и определения ее эмоционального состояния. Переход в выражении лица от нейтрального к эмоционально окрашенному осуществляется с помощью процедуры морфинга, что позволяет создать испытуемому условия для разворачивания процесса построения мимического образа эмоций и измерять время, необходимое субъекту восприятия для формирования гештальта данного эмоционального состояния. Предлагаемая процедура задается как трансформация на основе использования двух функций: функции деформации (направленности трансформации черт лица) и функции переходов (интенсивности трансформации). Этим функциям соответствуют два показателя методики — точность и время ответа. Трансформа-

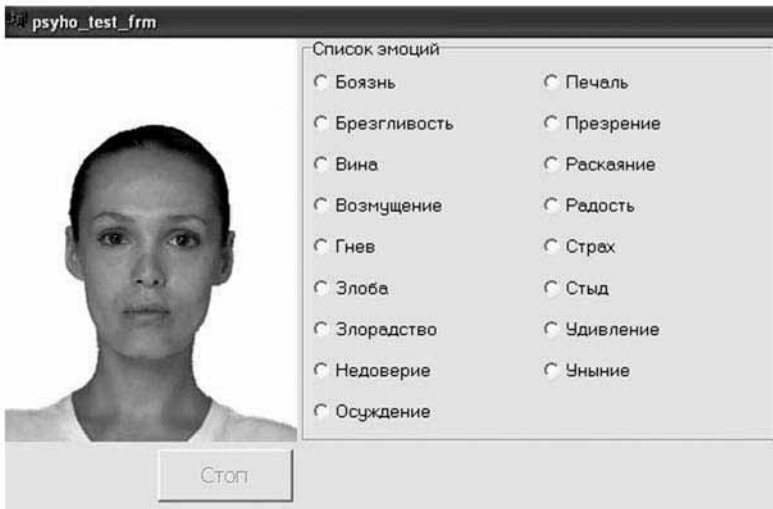

Рис. 1. Начальное изображение — нейтральное выражение лица модели

ция: Ψ -множества признаков исходного и целевого изображения, W — функция деформации из начального изображения в целевое, $W: \Phi \rightarrow \Psi$, так что $W(\phi) = \psi$, $W^{-1}(\psi) = \phi$, где ϕ и ψ вектора признаков; T — функция переходов, так что $T(p,t)$ определяет скорость переходов каждой точки p первого изображения в точку t второго.

Испытуемому последовательно в случайном порядке предъявляются задачи на узнавание следующих эмоций: гнев, печаль, презрение, радость, страх, удивление. Когда он принимает решение о том, что характер эмоции в данном предъявлении ему ясен, он нажимает кнопку «стоп» и затем выбирает из списка эмоций нужную. Для данного исследования создана модифицированная компьютерная процедура исследования процесса распознавания эмоций на основе методики РЭМ. Теперь эмоция, зарождающаяся и постепенно усиливающаяся на мужском или женском

лице в видеоролике, может быть отнесена испытуемым не только к одной из шести базовых эмоций, но и к одной из синонимичных (страх — боязнь) или замещающих эмоций, указывающих на определенную мотивационную тенденцию (радость — злорадство). Это дает возможность ввести новые показатели методики: помимо скорости реагирования и точности распознавания измеряется склонность к семантической нюансировке и склонность к каузальной атрибуции, когда человек не просто называет эмоцию, но и одновременно указывает на ее причину. Для этого исследования, где предметом изучения выступала склонность приписывать другим намерения агрессора или переживания жертвы, в качестве таких «смещенных» синонимов использовались слова, характеризующие эмоции, возникающие именно в ситуации угрозы-нападения.

В пилотажном исследовании приняло участие 55 чел.: студенты (средний

Рис. 2. Процедура морфинга приводит к тому, что постепенно лицо модели начинает приобретать все более отчетливое выражение определенной эмоции. Испытуемый останавливает процесс и выбирает название эмоции

возраст — 17,5 лет), школьные учителя (средний возраст — 42 года), профессора математики (средний возраст — 61 год).

Рассмотрим наиболее интересные с точки зрения понимания феномена агрессивности результаты.

Враждебность. В первую очередь необходимо отметить, что «враждебные» (испытуемые с высокими показателями по шкале враждебности методики Басса-Перри) не отличаются более высоким уровнем тревог и неудовлетворенности потребностей (по тесту Люшера). Из этого следует, что враждебность не является следствием внутриличностных конфликтов и фрустрированных потребностей, а значит враждебность, измеряемая опросником Басса-Перри, — это установка, убеждение в картине мира испытуемого, его представление о враждебности мира, а не реакция на препятствия.

Враждебность представлена на уровне сознательных предпочтений как ценность самостоятельности и ценность универсализма, входящая в категорию «Выход за пределы Я». Иными словами, враждебная установка и склонность к гневу (она значительно выше в группе враждебных) опосредованы в самосознании таких людей одобряемыми в современной культуре ценностями индивидуализма и глобализма. Можно предположить, что индивидуалистическая позиция, требующая значительных усилий по сепарации с одной стороны и для поисков единомышленников с другой, у некоторых людей поддерживается энергией противостояния: «мир — это война», потому что Мир устроен так, что требует Войны.

Отметим также, что значимость ценности Традиция и в целом всей категории «Сохранение» коррелируют не с враждебностью, а со склонностью к физиче-

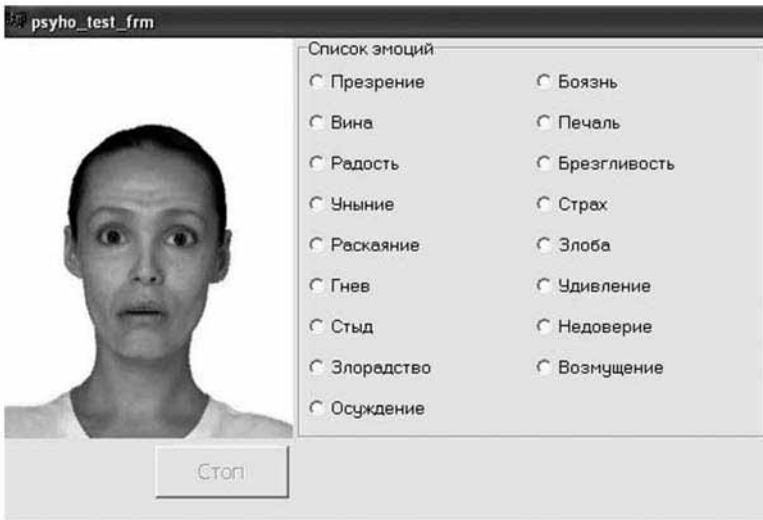

Рис. 3. В следующей пробе на лице модели постепенно возникает другое выражение — испытуемый должен определить название, соответствующее данному эмоциональному состоянию

ской агрессии и гневу. Таким образом, готовность решать все вопросы силой легко находит себе культурную форму в виде уважения к традиции и для самосознания предстает в форме охранительной идеологии. В свою очередь, враждебность как установка картины мира позволяет поддерживать эту идеологию только у тех людей, которые одновременно склонны и к реакциям гнева (напомним, однако, что именно таких людей в группе «враждебных» больше, чем в группе «невраждебных»).

Итак, полученные нами данные позволяют предположить, что враждебная картина мира представляет собой прежде всего установку на борьбу, противостояние; личностные же особенности определяют то, с кем именно и за что будет вестись эта борьба — это может быть борьба за благополучие окружающей среды или толерантность к предста-

вителям иных культур (ценность Универсализма), борьба за свою точку зрения и путь в профессии (ценность Самостоятельности), борьба за нравственность и/или национальные и конфессиональные традиции (ценность Традиции).

«Враждебные» отличаются, как и можно было ожидать, высокой «силой Эго», низкой тревожностью и склонностью к переживанию чувства вины (шкалы С и О теста Кеттелла). Их самонадеянность, уверенность в собственной правоте и в своем праве проявляются и в общении — их показатели по шкале L теста Кеттелла не только значимо ниже в сравнении с показателями группы «невраждебных», но и находятся в зоне 1–3 стенов. Это позволяет характеризовать их как людей, не просто лишенных подозрительности, но способных «обидеть из-за неточного понимания состояния собеседника, мотивов его поведения или

из-за недостаточного проникновения в суть ситуации». Большинство из «наших враждебных» редко чувствуют нюансы общения, сохраняют его стиль и дистанцию, независимо от изменения коммуникативной ситуации. Неудивительно, что они имеют более низкие показатели эмоционального интеллекта (по методике ЭМИн). Эти вполне ожидаемые отличия указывают на то, что враждебность не позволяет чувствовать себя уверенно в работе с эмоциями, своими и чужими.

Указанные результаты подтверждаются и данными корреляционного исследования. Обнаружено что, чем выше сила Эго, тем выше и враждебность, и гневливость, и склонность к физической агрессии; чем ниже тревожность и чувствительность в общении, тем выше враждебность; чем ниже эмоциональный интеллект и его отдельные показатели, тем выше враждебность и склонность к гневу. Выявлено также что, чем выше склонность к физической агрессии, тем выше уровень фрустрированности потребностей (количество тревог по тесту Люшера) и ниже внутриличностный эмоциональный интеллект (способность понимать собственные эмоции и управлять ими). Последний факт может быть проинтерпретирован двумя способами. В терминах психоанализа — физическая агрессия не приветствуется современной культурой и желание ударить репрессируется сознанием, а затем и на все другие эмоции человека появляется перцептивная защита. Объяснение в терминах необихевиоризма также допускает отсылку к культурным нормам: культура допускает физическую агрессию лишь в определенных областях деятельности, легити-

мизируя насилие (например в спорте), но не разрешая ее в воспитании детей. На основании этого человек учится распознавать у себя спортивную злость, но не злость как таковую.

При категоризации эмоций (в методике РЭМ) люди с низкой враждебностью используют низкочастотные синонимы названий базовых эмоций (боязнь, возмущение, уныние, осуждение и др.) почти также часто, как и названия базовых эмоций (страх, гнев, печаль, презрение, удивление, радость). В группе «враждебных» и «средне-враждебных» синонимы используются почти в три раза реже, чем основные названия. Видимо, низкая враждебность позволяет ориентироваться не на частотность слов, а на специфику личного переживания, в терминологии А.Н. Леонтьева — не на значение, а на личностный смысл эмоциональных состояний. Время же распознавания эмоций по мимике оказалось не связано с уровнем агрессивности субъекта восприятия: ни склонность к физической агрессии, ни склонность к гневу, ни враждебность никак не влияют на скорость реагирования на базовые эмоции ни на женском, ни на мужском лицах.

Конфронтационность. В группе, образованной людьми с конфронтационной стратегией удовлетворения потребностей (группировка основных цветов с черным по Л), наблюдается более высокая эмоциональная нестабильность по Кэт («слабое Эго») и целый ряд отличий по структуре ценностей по Ш. По другим шкалам всех применяемых нами личностных опросников значимых различий не выявляется.

В этой группе не приветствуются такие ценности, как Риск-новизна и Гедо-

низм, входящие в категорию «Открытость изменениям», и одновременно ценность Власти-богатства, входящая в категорию «Самоутверждение». Видимо, конфронтационность как стиль агрессивного поведения обеспечивается в первую очередь определенным «жизнеотрицающим» паттерном структуры ценностей, возникающим при утверждении ценностей будущего (категория «Выход за пределы Я») и прошлого (категория «Сохранение») на фоне игнорирования ценности настоящего.

Представляется возможным выдвинуть предположение о механизме конфронтационного, бунтарского поведения. Основой его является слабое Эго, не позволяющее человеку удовлетворять свои потребности здесь и сейчас, в реально сложившихся обстоятельствах настоящего. В связи с этим ситуация удовлетворения потребностей рассматривается им как проектируемая, требующая ломки настоящего и либо выхода за пределы, предлагаемые ему нормами его культуры (ценность Универсализма — ср. нацболы и «зеленые»), либо возвращения к прошлому (ценность Традиции — ср. «Русский марш»).

Деструктивность. Исследовалось влияние определенных характеристик интеллектуальной сферы, а именно структурно-процессуальных особенностей картины мира на склонность к агрессивному поведению. Изучались такие параметры интеллекта, как когнитивная простота-сложность, когнитивный стиль «абстрактная-конкретная концептуализация» и категоричность суждений.

При выдвигании гипотезы о взаимосвязи интеллектуальных особенностей и склонности к агрессии мы исходи-

ли из предположения о существовании механизма деструкции как склонности к разрушению сложных структур. Предполагалось, что работа такого механизма приводит как к разрушению понятийных гетерархических систем и замене их простыми отношениями рядоположности, так и к готовности создавать упрощенные модели действительности (в частности, модель враждебного мира). Ожидалось также, что активность механизма деструкции проявляется и в стремлении человека руководствоваться «бритвой Оккама» в межличностных отношениях, например, не предпринимать попыток разобраться в уникальных тонкостях переживаний другого человека.

Первый изучаемый нами параметр интеллектуальной сферы определялся по размерности семантического пространства. В качестве меры когнитивной простоты-сложности использовался традиционный показатель связности факторов, обобщающих индивидуальные конструкты испытуемого. Полученные ранее результаты психосемантического исследования организации ценностной сферы [2] позволили применить для диагностики когнитивной простоты процедуру, представляющую собой модификацию метода семантического дифференциала. В приведенной работе было доказано существование трех факторов ценностного семантического пространства (эмоциональной и рациональной оценки, а также энергетизации), на групповом уровне проявляющих свойство независимости. В связи с этим в использованной в данном исследовании модификации испытуемым предлагалось оценить вербальные стимулы — названия ценностей — всего по трем соответствующим шкалам: Хороший-Плохой,

Активизирующий-Позволяющий расслабиться, Полезный-Бесполезный. Корреляционный анализ индивидуальных оценок по этим шкалам показал, что у большинства испытуемых выявляется связь факторов эмоциональной и рациональной оценки, и такая картина была расценена как нормативная. На основании этого ситуацию, когда оценочные шкалы оказываются связанными в большей степени и растет число корреляций (чаще всего первая шкала коррелирует со второй и третьей, в некоторых случаях наблюдается полная перекрестная корреляция всех трех шкал), можно рассматривать как отклонение от этой условной нормы. Таким образом, среди наших испытуемых были обнаружены люди, проявившие несколько более высокую, чем большинство, связность осей семантического пространства, и на этом основании отнесенные нами к категории «условно когнитивно простые». Несколько человек продемонстрировали отклонение в противоположную сторону — у них оценки по трем шкалам никак не коррелируют; однако в силу малочисленности этой группы она не была выделена при проведении последующего статистического анализа.

Второй параметр определялся по показателям методики МДСП, оценивающим склонность человека к оперированию общепринятыми или редкими, латентными признаками, а также склонность минимизировать или расширять число признаков при сравнении понятий. Как утверждают авторы методики МДСП, «при сравнении понятий испытуемые с большой частотой привлекали родовые и видовые различия и сходства; меньшей частотой актуализировались функциональные признаки, детализи-

рующие различия и сходства понятий; ... с частотой менее 2,0 % актуализировались случайные, произвольные, мало-существенные, латентные соотношения признаков понятий». Второй параметр трактуется как склонность к конкретной концептуализации: «показателем нарастания конкретного стиля концептуализации является увеличение общего числа привлекаемых признаков понятий за счет все более мелкой детализации различий и сходств между ними». Авторы методики МДСП указывают на то, что «конкретный способ концептуализации обуславливает закрытость ума в виде склонности к свехупрощению понимания... Абстрактный способ характеризует открытость ума, проявляющуюся в учете непосредственных обстоятельств».

Третий параметр — склонность видеть мир только как «черный или белый» без различения деталей — измерялся с помощью методики ОКМ в адаптации С. Ениколопова и С. Лебедева [7]. Как указывает автор опросника конструктивного мышления С. Эпштейн: «ригидность мыслительных процессов и максимализм делают таких людей предвзятыми, быстро раздражающимися и злящимися при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы... категорическое мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям».

Обнаружено, что «когнитивно простые» меньше склонны к гневу, во всяком случае, не замечают в себе того, что свидетельствует о гневливости (шкала гнева опросника Басса-Перри). Эти люди быстрее реагируют на презрение, идущее от мужчины. Они чувствуют себя более уверенно в отношении собственных эмоций, они более отчетливо пере-

живают «потребность управлять своими эмоциями» и обладают более выраженной способностью «вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные» и способностью «контролировать внешние проявления своих эмоций» (опросник ЭМИн). В группе «когнитивно простых» значительно ниже показатели тревожности (фактор О теста Кеттелла), но больше число неудовлетворяемых потребностей (количество тревог по тесту Люшера).

Обобщая изложенное, следует отметить, что «когнитивно простыми» оказываются те, кто более всего похож на невротика по Фрейдю: их потребности фрустрированы, но они этого «не замечают», поскольку подавляют свои эмоции, контролируя их внешние проявления. При этом репрессивная работа супер-эго и в первую очередь отцовской фигуры, делает их чувствительными к признакам презрения, а возникающий в ответ гнев не регистрируется ими. В точном соответствии с психодинамической теорией у таких людей столь значительная часть энергии уходит на подавление, что их интеллектуальная деятельность оказывается недостаточно энергетизированной и не позволяет построить развитые, дифференцированные представления о мире. Эта неэффективность познавательных процессов работает, в свою очередь, как перцептивная защита при встрече с собственными эмоциями, что формирует кольцо положительной обратной связи от слабого Я к фрустрации потребностей и ожиданию санкций от наблюдающей инстанции.

Итак, когнитивная простота не связана напрямую с агрессивностью, но косвенно может оказывать деструктивное действие на межличностные отно-

шения, поскольку эти люди не склонны к сомнениям и раскаянию, они нечувствительны к одобрению или порицанию окружающих.

Склонность опираться только на небольшое число наиболее общих и очевидных признаков («бритва Оккама») коррелирует с уверенностью в своей способности управлять своими и чужими эмоциями, а также с низкой значимостью такой ценности, как безопасность. Склонность же при сравнении понятий расширять и конкретизировать признаковую базу по своему усмотрению коррелирует с предпочтением ценности самостоятельности, которое, согласно методике Шварца, как раз и проявляется в выборе такого поведения: «Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом. Для него важно самому принимать решения о том, что и как делать». Как видим, ни так называемый абстрактный, ни конкретный стили концептуализации с агрессивностью не связаны. Однако эти данные хорошо демонстрируют регулятивную функцию ценностей. При прочих равных интеллектуальных условиях (напомним, наши испытуемые не просто интеллектуально сохранны, но треть из них имеют ученую степень доктора физико-математических наук) склонность к самоограничению в задаче сравнения понятий связана с отказом от примата безопасности и патерналистских устремлений, а склонность искать и устанавливать необязательные, нестандартные, но интересные человеку отношения между понятиями, связана с готовностью к формированию собственной точки зрения.

Исследование ценностей «картины враждебного мира». Традици-

онный для изучения ценностей метод, предложенный Шварцем, дал следующие результаты. Предпочтение некоторых ценностей оказалось связанным с реакцией на страх, точнее, со временем реагирования на проявление на мужском лице эмоции страха. Чем значимее для человека такие ценности, как Конформность и Традиция, входящие в категорию «Сохранение», или ценность Самостоятельность, входящая в противоположную по смыслу категорию «Открытость изменениям», тем больше времени он уделяет задаче распознавания страха. Предпочтение ценности Конформность связано также с увеличением времени категоризации печали на женском лице и удивления на мужском.

Кроме того, наше исследование показало снижение с возрастом относительной значимости для наших испытуемых категории «Сохранение» и всех входящих в нее ценностей — Безопасности, Конформности, Традиции. Это могло бы показаться странным, ибо это традиционные ценности «старшего поколения», что было недавно зафиксировано в масштабном исследовании В. Магуна [9], если бы не специфика нашей выборки. Напомним, что группу «тех, кому за 60» составляют профессора математики, занятые разработкой новых информационных технологий, а группу взрослых (средний возраст — 45 лет) — педагоги, обучающиеся на новую для нашей системы образования специальность тьютора. «Молодежь» в нашем исследовании представлена традиционной для психологии группой испытуемых — студентами-психологами младших курсов. Полученные данные свидетельствуют о том, что в современном российском обществе традициональность есть свой-

ство не генерационное, а сугубо индивидуальное, определяемое не принадлежностью к социально-демографической или профессиональной группе, а личностным выбором.

Значительно более развернутую картину дает применение модификации методики семантического дифференциала, разработанной Ю. Кузнецовой для исследования ценностной сферы личности [2].

Анализ полюсных объектов позволяет уточнить представление о том, что обозначает шкала и ее полюса для испытуемых той и другой группы.

При исследовании отношения к различным объектам-ценностям картины мира обнаружены различия в том, какие объекты имеют наиболее выраженные среднегрупповые значения по шкалам для представителей групп «Враждебность ниже групповой нормы» (НВ) и «Враждебность выше групповой нормы» (ВВ). Самой «плохой» для представителей обеих групп оказывается ценность *Жестокость*; самая «хорошая» для НВ — ценность *Культура*, для ВВ — *Безопасность*. Самыми «активирующими» оказались ценность *Конфликт* (для НВ) и *Жестокость* (для ВВ). Расслабляющими оказываются соответственно *Покой* и *Принципиальность*. Наиболее полезной НВ считают *Культуру*, а ВВ — *Покой*; наиболее бесполезной для представителей обеих групп оказывается *Жестокость*.

Можно видеть, что наиболее «заряженной» из предлагавшихся для оценки является ценность (антиценность) *Жестокость*, задающая минимальные среднегрупповые оценки для представителей обеих групп по нескольким шкалам; *Покой* и *Культура* также относятся к катего-

рии «полюсных» объектов по более чем одной шкале. Для НВ расслабление ассоциируется прежде всего с состоянием покоя, бездействия, а активизация — с ценностью *Конфликт*, который через противопоставление с *Покоем* приобретает качество «психоэмоциональное напряжение», а шкала «Активизирующий-Расслабляющий» для не склонных к враждебности людей может определяться именно через категорию психоэмоционального состояния. Для группы ВВ, если судить по полюсным объектам (на полюсе активации — *Жестокость*, на полюсе расслабления — *Принципиальность*), энергетизация в меньшей степени связывается с данной сферой, а определяется скорее через параметры социального взаимодействия.

Арифметические разницы среднегрупповых шкальных оценок рассматривались в качестве меры, отражающей различия в отношении к ценностям со стороны испытуемых, вошедших в группы с разным уровнем враждебности. Полученные данные свидетельствуют о том, что:

- более позитивно по шкале эмоциональной оценки (тяготение к полюсу «Хороший») представители группы НВ, чем представители группы ВВ, относятся к следующим ценностям (в порядке убывания разницы): *Независимость*, *Конфликтность*, *Жалость*, *Культура*. Испытуемые, относящиеся к группе ВВ, более позитивно оценивают ценности: *Власть*, *Агрессия*, *Покой*, *Принципиальность*. Нет различий в эмоциональном отношении к ценностям *Свобода* и *Уступчивость*;

- для испытуемых из группы НВ такие ценности, как *Принципиальность*, *Свобода*, *Развитие* и *Конфликтность*, оказываются в большей степени побуж-

дающими к активности (относительно более выраженное тяготение к полюсу «Побуждающий»), чем для представителей группы ВВ; последних же в большей степени, чем первых, активизирует представление о ценностях *Покой*, *Порядок*, *Власть*. Практически не различаются оценки по данной шкале ценностей *Уважение*, *Агрессия*, *Традиции*;

- ценности *Порядок*, *Конфликтность*, *Жалость* и *Независимость* видятся относительно более полезными (тяготеющими к полюсу «Полезный») представителям группы НВ, а *Покой*, *Власть*, *Уступчивость* и *Агрессия* — «враждебным» испытуемым;

- наиболее противоречивым оказывается отношение к ценностям *Власть*, *Конфликт* и *Покой* — для них выявляются значительно расходящиеся оценки по всем трем шкалам. При этом *Власть* и *Покой* для группы НВ «хуже», менее побуждают к активным действиям и менее полезны, чем для ВВ, а ценность *Конфликт* — «лучше», более энергетизирует и полезнее.

Положение объекта-ценности в трехмерном семантическом пространстве. В соответствии с разработанной процедурой, на основе выраженности отклонения объекта от нулевых координат семантического пространства каждому объекту приписывается «код»: «+» — при выраженном отклонении к положительному полюсу одной из шкал, «-» — при отклонении к отрицательному полюсу, «0» — при положении объекта в зоне невыраженности оценок по шкале. При совпадении «кодов» можно говорить о психологической эквивалентности объектов, при инверсии — о том, что объекты являются психологически антиномами друг друга.

Таблица 1

	Враждебность НН	Враждебность ВВ
Агрессия*	-1+2-3	-1+2-3
Безопасность	+1-2+3	+1-2+3
Власть	000	0+20
Доверие	+1-2+3	+1-2+3
Жалость	000	00-3
Жестокость	-1+2-3	-1+2-3
Конфликт	-1+20	-1+2-3
Культура	+1-2+3	+10+3
Независимость	+10+3	00+3
Обман	-1+2-3	-1+2-3
Покой	0-20	+10+3
Порядок	+10+3	+1+20
Принципиальность	000	+1-20
Развитие	+1+2+3	+1+2+3
Разрушение	-1+2-3	-1+2-3
Свобода	+10+3	+1-20
Сила	0+20	0+2+3
Традиции	+10+3	+100
Уважение	+10+3	+10+3
Уступчивость	0-20	0-20
Число различающихся/неразличающихся кодов		9/11
Различий по шкале «Хороший – Плохой»		3
Различий по шкале «Активизирующий – Расслабляющий»		5
Различий по шкале «Полезный – Беспольный»		7

* Курсивом выделены ценности, не различающиеся для представителей обеих групп.

В обобщенном семантическом пространстве 9 из 20 ценностей: *Агрессия*, *Безопасность*, *Доверие*, *Жестокость*, *Обман*, *Развитие*, *Разрушение* и *Уступчивость* — оказываются в одном и том же квадранте для представителей групп НВ и ВВ. Ценности *Власть*, *Жалость*, *Конфликт*, *Культура*, *Независимость*, *Покой*, *Порядок*, *Принципиальность*, *Свобода*,

Сила, *Традиции* и *Уважение* занимают различное положение. При этом отличаются по двум параметрам и поэтому могут рассматриваться как наименее схожие ценности: *Покой*, *Порядок*, *Принципиальность*, *Свобода*. Можно видеть также, что при выделении среди испытуемых групп в соответствии с уровнем враждебности на наибольшее число несо-

впадения выявляется для третьей шкалы — НВ и ВВ по-разному оценивают полезность семи объектов из двадцати, в то время как несовпадений по шкале эмоциональной оценки (инверсии эмоционального отношения к ценности) обнаружено только три. Таким образом, несовпадения между людьми, имеющими различный уровень враждебности, касаются рационализируемых представлений — мир не по-разному переживается, скорее, он по-разному объясняется.

Выясняется, что отношение к ценности *Развитие* можно считать практически совпадающим для наших испытуемых вне зависимости от уровня враждебности, при этом это ценностное образование характеризуется сочетанием положительной эмоциональной и рациональной оценок, а также способности к побуждению. Это ценность, которая и хороша, и полезна, и желанна — абсолютная ценность, в которой представлены все аспекты функционирования системы ценностной регуляции личности. В структуре других ценностей обнаруживаются отрицательные характеристики («плохой», «расслабляющий», «бесполезный») или отсутствие выраженного признака (в коде стоит 0 в соответствующей позиции).

В силу смещения положения в семантическом пространстве объектов, восстановленных для сравниваемых групп испытуемых, между самими ценностями у представителей данных групп возникают различные отношения.

Конstellляции и противопоставления объектов. Объединения объектов позволяют выявить близость значений для испытуемых вне зависимости от уровня враждебности таких ценностей/антиценностей, как *Агрессия*,

Жестокость, *Обман* и *Разрушение*. В семантическом пространстве эти понятия оказываются в одном квадранте и могут рассматриваться как психологические синонимы. Такая же картина наблюдается в отношении ценностей *Безопасность* и *Доверие*. В то же время конstellляции, выявленные лишь для группы ВВ, показывают, что для них к первому списку прибавляется понятие *Конфликт*, которое в силу этого приобретает отсутствующий у НВ испытуемых смысловой оттенок агрессивности, жестокости, разрушительности и нечестности. Вероятно, это говорит о том, что ВВ не признают конструктивные варианты развития конфликтных отношений и в случае возникновения противоречий склонны «рубить с плеча» — терять уже нечего, все равно все идет прахом. Отсутствие в оценке *Конфликта* НВ однозначной бесполезности можно считать признаком более высокой социальной компетентности, поскольку это свидетельствует о позитивном опыте конструктивного разрешения конфликтных ситуаций. Отметим также, что ценности *Безопасность*, *Доверие*, а для НВ еще и *Культура* характеризуются наличием качества «расслабляющий», их можно отнести к категории «ценностей благополучия», объединяющей такие жизненные приоритеты, которые высоко значимы для субъекта в силу возможности не достигать их, а пользоваться ими, если они присутствуют в жизни, без усилий. Хорошо и полезно, если в жизни есть возможность безопасных доверительных отношений, и вообще в жизни ничто не угрожает (а еще неплохо бы чувствовать свою принадлежность к культурному пространству). Однако ни для построения такой реальности, ни даже для

ее поддержания затрачивать собственную энергию нет необходимости — таков смысл расположения данных объектов в указанной области семантического пространства. Противоположные «раздражающие» ценности — деятельность побуждают, но при этом оцениваются негативно. Что делать? Приходится реагировать на угрозы активными действиями, а иногда превентивно и самому прибегать к каким-то формам насилия. Это не нравится и не приводит к выигрышу, но ценности *Агрессия*, *Жестокость*, *Обман* и *Разрушение*, в отличие от перечисленных, активизируют.

Содержательно, если для испытуемых с низким уровнем враждебности *Культура* в силу вхождения в описанную констелляцию ассоциируется прежде всего с социальной открытостью, возникающей в благоприятной среде, то у испытуемых с относительно высоким уровнем враждебности *Культура* ассоциируется с обеспечивающей спокойствие стабильностью иерархических социальных отношений. Для НВ *Власть* определяется вполне идеалистически: это следование принципам, смягчаемое в случае необходимости снисхождением к человеческой слабости (констелляция с *Жалость* и *Принципиальность*). Для ВВ же это понятие определяется прежде всего как «неуступчивость», то есть как твердость и последовательность. Другие компоненты названной констелляции у ВВ также приобретают специфические смысловые оттенки: *Жалость* определяется как отсутствие *Независимости*, а *Принципиальность* — как *Свобода*. В то же время для НВ испытуемых *Свобода* ассоциируется со стабильностью социальной структуры, обеспечиваемой следованием традициям. Наконец, для ис-

пытываемых данной группы *Покой* достигается мягкостью в общении и отказом от силового решения проблем.

Как в науке в целом, так и в психологии развитие знания об изучаемой сфере реальности не в последнюю очередь связано с созданием и применением адекватных решаемым задачам методических средств. В отношении таких социально значимых явлений, как агрессивность, враждебность, склонность к насилию, наличие точного и надежного диагностического инструментария приобретает особую важность, поскольку хорошо работающие методики, дающие объемную и достоверную информацию, позволяют решать задачи мониторинга, психопрофилактики, реабилитации как на индивидуальном и групповом, так и на уровне социума в целом.

Литература

1. Ениколов С.Н., Цибульский Н.П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. — 2007. — № 3. — С. 41–72.
2. Кузнецова Ю.М. Структурные и содержательные характеристики ценностных образований личности: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2006.
3. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. К вопросу о развитии восприятия эмоций // XI Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием, г. Дубна, 29 сент. — 3 окт. 2008 г.: тр. конф. — Дубна, 2008.
4. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Компьютерная методика диагностики способности к распознаванию эмоционально окрашенной мимики (РЭМ) // Психологическая диагностика (в печати).
5. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Развитие способности к распознаванию эмоций: гипотеза ВПФ // Третья международная конференция по когнитивной науке: тез. докл.: в 2 т. (г. Москва, 20–25 июня 2008 г.). — М.: Худ.-изд. центр, 2008. — Т. 2.
6. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Способность к распознаванию эмоциональной мимики в контексте личностных особенностей // Когнитивные исследования. — 2010. — Вып. 4.
7. Лебедев С.В., Ениколов С.Н. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Психологическая диагностика. — 2004. — № 3. — С. 19–38.

8. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. — 2006. — № 4. — С. 3–22.

9. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении

с другими европейскими странами // Вестн. общественного мнения. — 2008. — № 1 (93).

10. Методика дискриминации свойств понятий (МДСП) / В.В. Плотников, Л.А. Северьянова, Д.В. Плотников [и др.]. — М.: Когито-Центр, 2009.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОДИНАМИКИ САМООТНОШЕНИЯ У ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

Ю. Н. Гольшева

Аннотация: в статье предложена психодинамическая типология самоотношения осужденных женщин молодежного возраста, раскрыт тип самоотношения более расположенный к исправлению и духовно-нравственному психологическому воздействию, а также дальнейшей ресоциализации осужденных женщин.

Ключевые слова: самоотношение, психодинамика, типология, факторный анализ, кластерный анализ, исправление юридическое, исправление психологическое.

Abstract: This paper introduces a typology of the psychodynamic samootnosheniya female convicts youth age groups, revealed the type of samootnosheniya more located to the correction and spiritual and moral psychological impact, as well as further re-socialization of women offenders.

Keywords: samootnoshenie, psychodynamics, typology, the factor-reflex analysis, cluster analysis, correcting the legal, psychological correction.

В данной статье мы предполагаем исследовать психодинамику самоотношения (в смысле С.Р. Пантелеева [1], то

есть на основе использования разработанного метода диагностики — МИС) осужденных женщин молодежного возраста в ее связи с их целостной психодинамикой личности и в первую очередь с точки зрения отношения к преступлению и раскаяния как осознания своей виновности и самоосуждения. На основе современного психодинамического подхода, развиваемого Д.В. Сочивко [2]. Согласно автору анализ психодинамики личности на ряду со статическим предполагает психоэнергетическое, психодинамическое рассмотрение основных уровней и в особенности факторных показателей. С этих позиций факторные решения могут также рассматриваться как энергетические векторы, направляющие психодинамику поведения [3].

Проведенный нами факторный анализ структуры самоотношения у осужденных женщин молодежного возраста определил три фактора, которые существенно отличаются от стандартной факторной структуры, приводимой в описаниях методики МИС С.Р. Пантелеева (табл. 1). Эмпирическому обследованию были подвергнуты 82 женщины до 21 года одной из колоний общего режима.

Таблица 1

**Факторная структура самооотношения
у осужденных женщин молодежного возраста**

	Фактор закрытости (адаптации в м.л.с.)	Фактор самопринятия-раскаяния (исправления в м.л.с.)	Фактор (криминального) лидерства (криминализации в м.л.с.)
Открытость	0,813664	-0,159803	0,034770
Самоуверенность	0,735833	0,304236	0,381960
Саморуководство	0,114561	-0,014355	0,626515
Зеркальное Я	0,235044	0,201156	0,607576
Самоценность	0,799778	0,116856	0,283715
Самопринятие	0,069359	0,779400	0,391295
Самопривязанность	0,108402	-0,100536	0,873557
Внутренняя конфликтность	0,425288	0,756469	-0,043776
Самообвинение	-0,200259	0,810196	-0,165154

Можно видеть, что факторы, выявленные в статическом анализе С.Р. Пантелеева: «самоуважения» — шкалы 1–4, «аутосимпатии» — шкалы 5–7 и «внутреннего конфликта» — шкалы 8–9 — перемешены в полученной нами факторной структуре, что само по себе вполне соответствует духу психодинамического подхода [4].

В первый фактор вошли две шкалы самоуважения и шкала аутосимпатии — «самоценность». Этот фактор мы назвали фактором (личностной) закрытости. Следует напомнить, что по методике МИС первая шкала открытости является обратной, то есть чем больше оценка, тем выше не открытость, а «закрытость» личности. Чем более закрыта личность осужденного, тем более он самоуверен и тем более ощущает собственную самоценность. Это довольно обычная для мест лишения свободы картина, сами условия жизнедеятельности и общения порождают этот вектор поведения, поскольку открываться опасно и не принято. Чувство самоценности порождается скрытым чувством, что я не такая, как

все. Таким образом, если рассмотреть этот фактор с психодинамической точки зрения, то он отражает энергетический вектор реакции на условия пребывания в местах лишения свободы.

Второй фактор мы назвали фактор «самопринятия-раскаяния». Он включает шкалы факторов С.Р. Пантелеева «аутосимпатия» и «внутренний конфликт». Самопринятие осужденной женщины тем выше, чем выше внутренний конфликт и самообвинение. И наоборот, внутренняя конфликтность и самообвинения — состояния, сопровождающие раскаяние, — порождают высокое самопринятие, что является уже неким новым латентным качеством личности осужденной. С психодинамической точки зрения этот вектор поведения направлен именно на новое самопринятие себя через преодоление внутреннего конфликта, порожденного самообвинением и раскаянием.

Третий фактор мы назвали фактором (криминального) лидерства. Криминального, потому что неформальное лидерство в местах лишения свободы

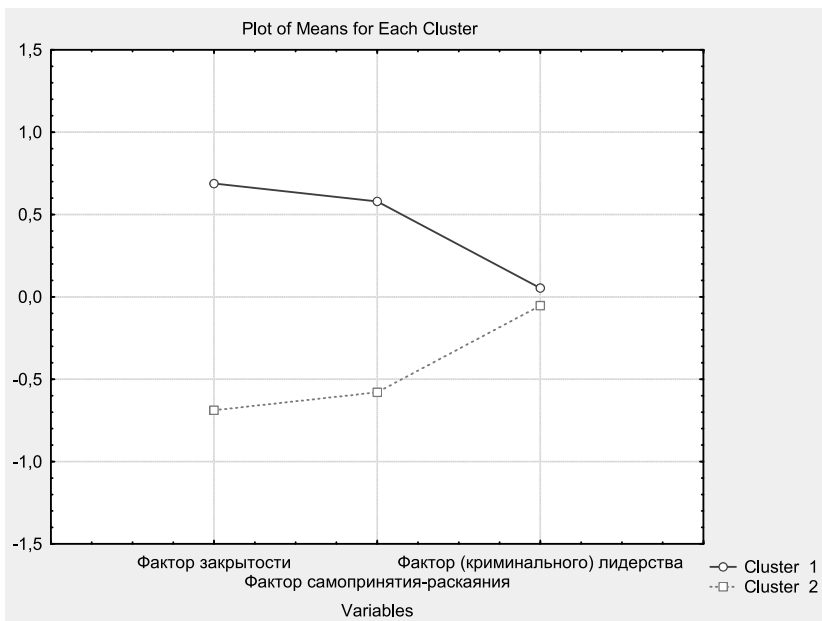

Рис. 1. Двухкластерная типология самооотношения осужденных женщин молодежного возраста

всегда носит глубокий криминальный окрас.

Мы привели анализ психологических названий факторов, которые будут нам важны для дальнейшего поиска путей исправления через покаяние. Однако общеизвестно, что существует два уровня исправления: юридическое и собственно психологическое. На первом уровне человек отказывается от криминального жизненного пути под страхом наказания, на втором — у него на основе покаяния уже формируется личностное неприятие возможности совершения преступления. В ориентации от юридического исправления к психологическому *факторы* в нашей таблице могут быть названы: 1) адаптации к условиям пребывания в местах лишения свободы; 2) исправления (в перспективе психологического);

3) дальнейшей криминализации личности в условиях пребывания в местах лишения свободы.

Дальнейший анализ был посвящен исследованию типологии самооотношения осужденных женщин молодежного возраста, построенной на основе кластеризации факторных решений. Построение двухкластерной типологии позволило определить два типа самооотношения (рис. 1).

Первый тип самооотношения (кластер 1) объединяет личности с высокой закрытостью и высокой степенью внутреннего конфликта и самообвинения, сопутствующих раскаянию. Это довольно типичные клиенты практикующего в местах лишения свободы психолога.

Обычно они конфиденциально сообщают о себе, что они не такие, как все

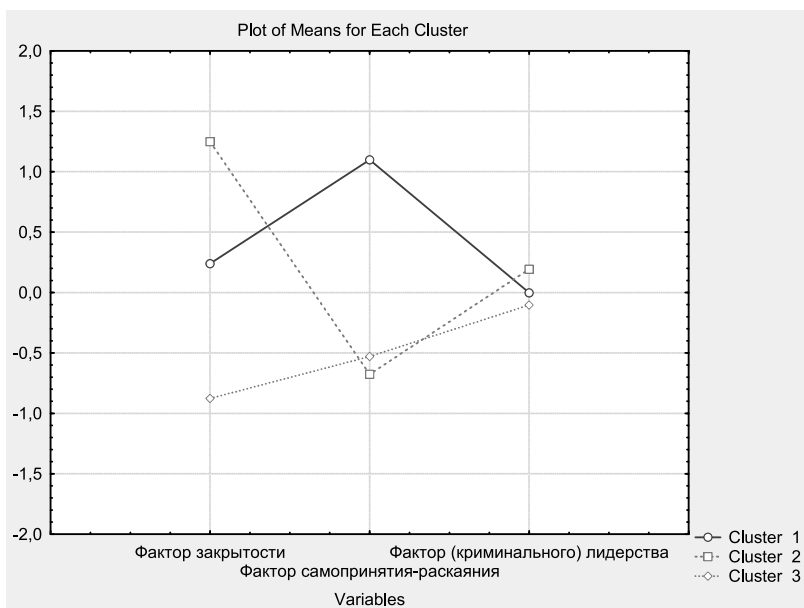

Рис. 2. Трехкластерная типология самооотношения осужденных женщин молодежного возраста

здесь, что они только подстраиваются под общие правила (обратим внимание на отсутствие различий по третьему фактору — все стремятся к криминальному лидерству одинаково в среднем), поэтому от всех закрыты, ждут освобождения, чтобы начать новую жизнь. Однако, как показывает практика, этого намерения еще мало для уверенного отказа от криминального образа жизни, и представители этого типа, хоть и реже, чем второго, но достаточно часто совершают повторные преступления. Мы назвали этот тип самооотношения ресоциализационно-ориентированным или скрыто-покаянным.

Второй кластер объединяет личности с высокой степенью открытости и низким самопринятием-раскаянием. Это люди хорошо приспособившие свое

самоотношение к криминальной среде, им особенно нечего скрывать, незачем закрываться, они принимают себя такими, как есть, и в общем считают свой преступный жизненный путь не самым плохим. Это асоциально ориентированный тип.

Для получения более детальной типологии самооотношения осужденных женщин мы построили также трехкластерную типологию. Это позволило нам выделить тот самый покаянный тип самооотношения, который, как мы попытаемся показать, наиболее предрасположен (не только по своей структуре самооотношения, но и по ряду других социально-психологических и психодиагностических показателей) к принятию психологического и духовно-нравственного исправительного воздействия (рис. 2).

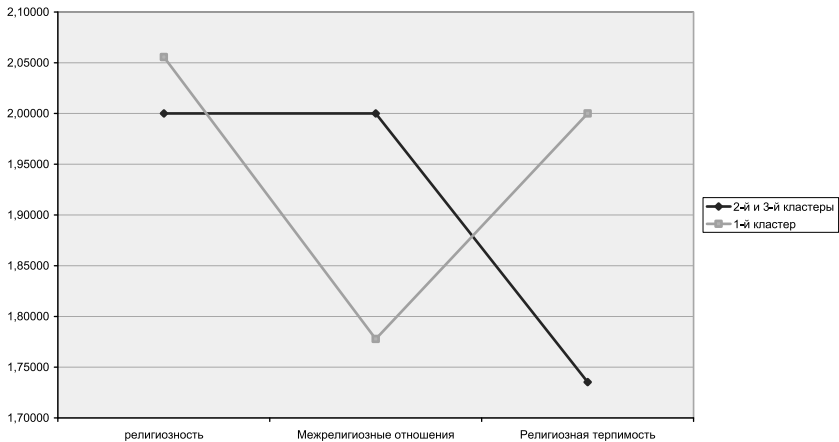

Рис. 3. Особенности некоторых особенностей религиозности в группе с покаянным типом самоотношения в сравнении с другими типами осужденных женщин молодежного возраста

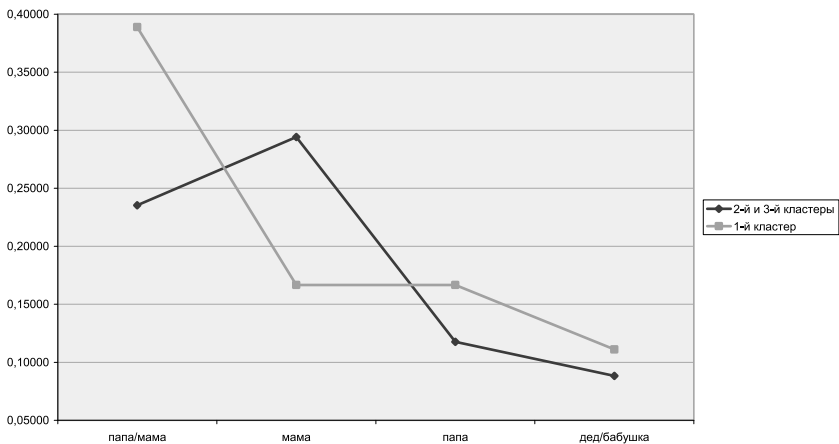

Рис. 4. Сравнительные показатели особенностей семейного воспитания в группе с покаянным типом самоотношения

В этой кластеризации получились следующие типы самоотношения. Первый тип (кластер 1) мы назвали покаянным. Он объединяет личности с большей (относительно всех других средней) открытостью и высоким уровнем

самопринятия-раскаяния. Эти женщины уже не закрываются полностью, часто не скрывают своего раскаяния и нового уровня личностного самопринятия, основанного на готовности изменить себя. Более детально мы проанализи-

руем этот тип самоотношения ниже с привлечением данных по другим психологическим методам, использованным в нашем исследовании.

Второй тип можно назвать типом (криминального) лидера — закрытые и не раскрывающиеся в своих поступках люди, не задетые самообвинением и внутренней конфликтностью.

Третий тип — открытые и не раскрывающиеся женщины. Это просто криминально зараженный тип. Их вполне устраивает их судьба, их не тревожит самообвинение и внутренняя конфликтность, им особенно нечего скрывать. Вряд ли они всерьез задумываются об изменениях в своей жизни, они вполне смирились с ее криминальным образом.

Итак, нашим основным гипотетическим предположением является то, что тип самоотношения, который мы назвали «покаянный», объединяет личности с большей готовностью к воспитательному, исправительному и психологическому духовно-нравственному воздействию, по сравнению с двумя другими типами. Чтобы получить какие-то доказательства этого предположения, мы сформировали отдельную матрицу первичных данных для представительниц данного типа и сравнили показатели по ряду психологических методик с матрицей объединившей два оставшихся типа.

Начать наш анализ мы хотели бы непосредственно со сравнения некоторых особенностей религиозности осужденных женщин молодежного возраста с разным типом самоотношения (рис. 3). Результаты получены путем прямых анкетных вопросов.

Из рисунка 3 можно видеть, что для покаянного типа действительно

характерна несколько более высокая религиозность, но главные различия имеются в реализации этой религиозности. Так, они ниже оценивают межрелигиозное согласие, что характерно для серьезно верующих людей, для которых речь может идти о диалоге или о совместных действиях, но никак не о согласии по апологетике религиозного отношения к действительности и Богу. Это же подтверждают и противоположные различия по религиозной терпимости, которая в покаянном кластере выше.

Обратимся к некоторым особенностям воспитания, которые были присущи семьям осужденных женщин разных сравнительных групп (рис. 4).

Для покаянного типа отношения характерна большая частота встречаемости полных семей. В неполных семьях намного реже встречаются в качестве единственного родителя мать, а чаще отец, что, возможно, говорит о большей строгости в детстве.

Перейдем теперь к некоторым результатам детского воспитания, касающегося «вечных» христианских ценностей (рис. 5). Для личности с покаянным типом самоотношения характерно выправление структуры отношения к таким вечным проблемным ценностям, как богатство, положение в обществе (социальный статус), что в христианстве является неотъемлемыми качествами фарисея, а также радости жизни.

Для покаянного типа характерно снижение интереса к тому, чтобы стать богатой, а также занять высокое общественное положение с высоким социальным статусом. Зато выше стремление радоваться жизни, несмотря на тяжелые условия отбывания наказания, во

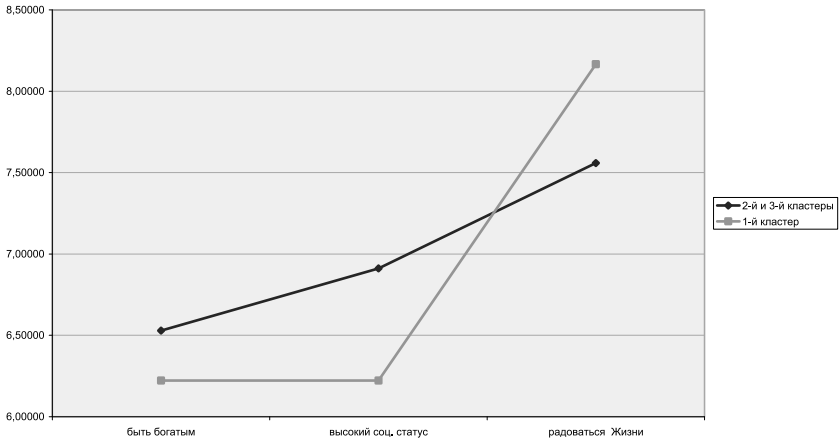

Рис. 5. Различия в отношении к некоторым вечным ценностям в разных группах осужденных женщин

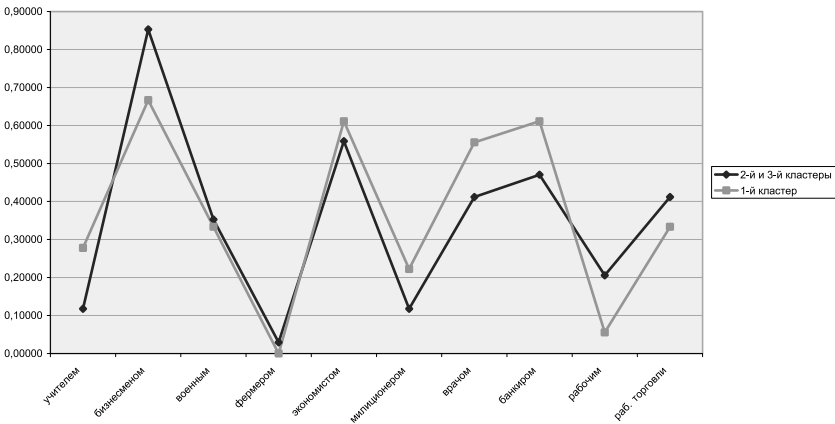

Рис. 6. Отличия профессиональных ценностных ориентаций в группе осужденных женщин молодежного возраста с покаянной структурой самоотношения

исполнение заповеди Апостола «Всегда радуйтесь».

Однако наиболее рельефно отличия этого типа самоотношения просматриваются в оценках предпочтений выбора возможной будущей профессии. Прослеживаются буквально все проблем-

ные профессии современности, не получившие признания у узко ориентированной на богатство и успех большей части современной молодежи, но нашедшие признание у осужденных женщин молодежного возраста с покаянным типом самоотношения (рис. 6).

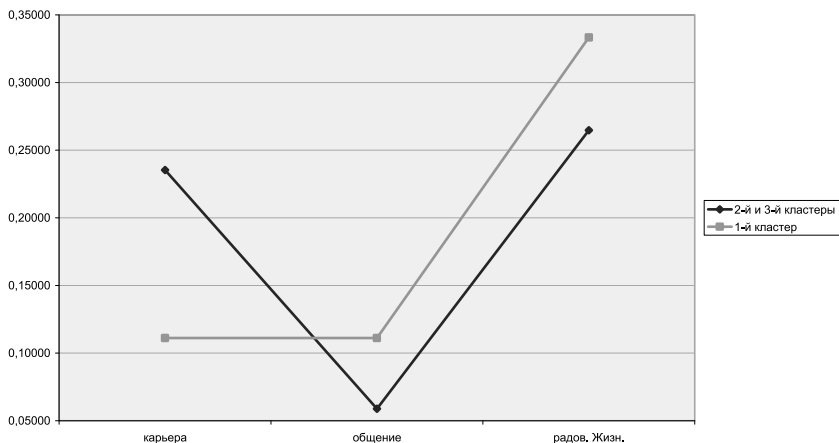

Рис. 7. Отношение к некоторым ценностям с точки зрения главного в жизни в группах осужденных женщин с разными типами самооотношения

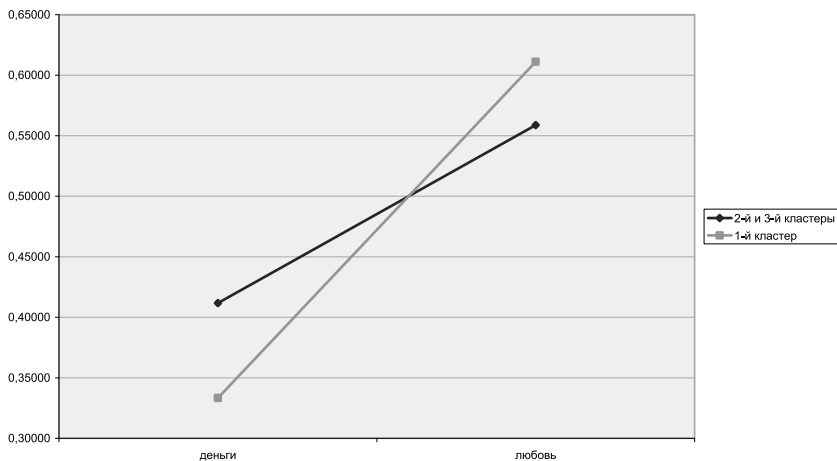

Рис. 8. Оценки по анкетному блоку «главное в жизни»

Из рисунка 6 видно, что предпочтения таких не престижных профессий, как учитель, врач и даже милиционер выше в группе осужденных женщин покаянного типа самооотношения. И даже в экономической сфере (которая, конечно, не может быть совершенно чужда молодым женщинам, они все-таки

не монашки) эти личности выше оценивают образовательные профессии такие, как банкир, и ниже такие, как бизнесмен и работник торговли. Следующие два рисунка по заключительному блоку анкеты наиболее рельефно очерчивают то, что было представлено выше (рис. 7 и 8).

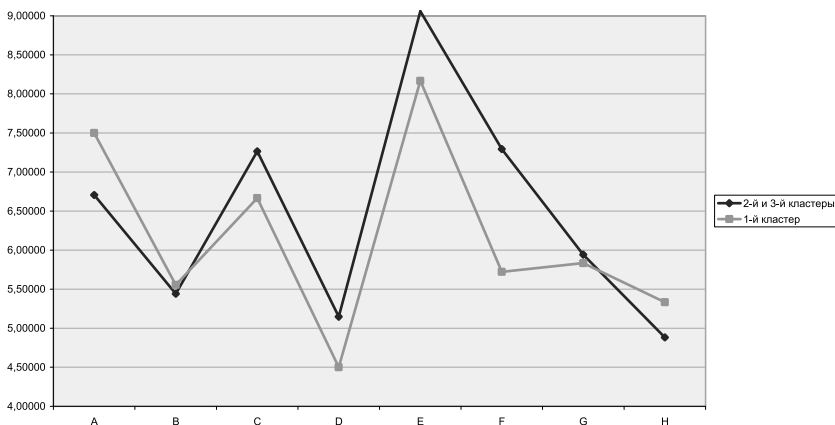

Рис. 9. Различия защитной сферы в общей группе и группе с покаянной структурой самооотношения у осужденных женщин молодежного возраста

Осужденные женщины молодежного возраста с покаянным типом отношения в качестве главного в жизни чаще рассматривают «радоваться жизни» и «общение», чем карьеру.

Также личности покаянного типа самооотношения реже в качестве главного в жизни выбирают деньги и чаще любовь по сравнению со сравнительной группой представителей двух других типов (рис. 8).

По нашему мнению, все приведенные факты представляют собой факторы социально-психологической и духовно-нравственной готовности к исправлению и ресоциализации, которая выше у осужденных женщин молодежного возраста с покаянным типом самооотношения.

Проанализируем некоторые моменты индивидуально-психологической готовности к психологическому исправительному воздействию, что предполагает изучение сравнительных результатов наших исследований по некоторым широко применимым в пенитенциарной

психологии психодиагностическим методам.

В данной статье мы воспользуемся подходом анализа личности осужденного предложенного Д.В. Сочивко и О.А. Тоболевич, подробно разработанного в диссертации последней [5]. Авторы предлагают рассматривать структуры самооотношения как центральное ядро психодинамики личности и поведения у осужденных женщин, а подструктуры межличностного общения и защитной сферы как периферические регуляторы, выполняющие свои функции и под влиянием внешних воздействий, и под установочным влиянием ядерной структуры [5]. С этих позиций мы также приведем полученные нами данные по результатам исследования межличностного общения по методу ОМО и методу изучения жизненного стиля (LSI) — сферы психологических защит.

Из рисунка 9 можно видеть, что у осужденных женщин с покаянным типом самооотношения происходит снижение таких защит, как «регрессия» (С),

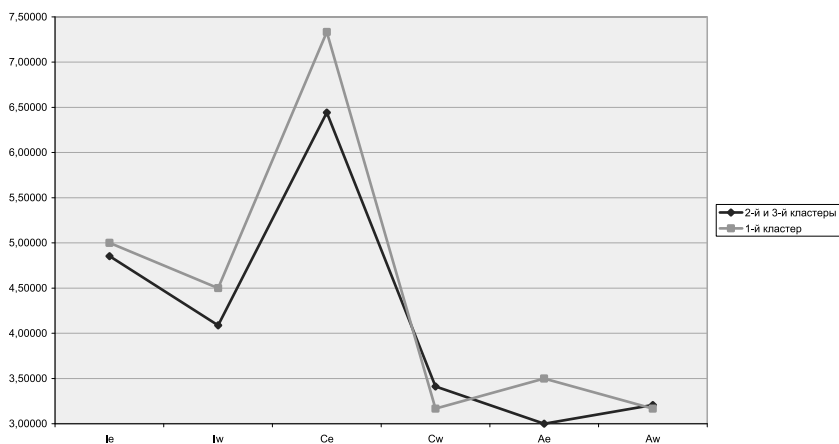

Рис. 10. Особенности межличностного общения в разных группах осужденных женщин

«перенос» или замещение (D), а также «проекции» (E) и «компенсации» (F). Повышенная регрессия (у двух других типов) влечет аддиктивное, вообще беспомощное поведение, подверженность (криминальным) влияниям, повышенный перенос — агрессивность к ближнему, более слабому, чем ты, проекция — неспособность признать вину, а компенсации опасны своими подменами, например: «ну и что, что я преступница, зато я умная» — раскаянию места не остается. Снижение среднего уровня этих защит говорит об обратных тенденциях в группе покаянного типа самоотношения.

При этом у представителей первого кластера наблюдается повышение таких защит, как «отрицание» и «реактивные образования». Отрицание как неприятие фактов буквально на уровне чувств опасно своей прямолинейностью, а реактивные образования — ригидностью жизненной концепции. Возможно, это единственная адекватная реакция людей с большей готовностью к исправлению в криминальной среде, но несомненно она

нуждается в конструктивной психотерапии и психологической помощи.

В завершение обратимся к особенностям межличностного общения (рис. 10).

Из рисунка 10 следует, что для представительниц покаянного типа самоотношения характерно повышение включения в общение по обоим его показателям (Ie, Iw), то есть они активны и сами включаются в общение чаще, чем представители других типов, и ожидают, что их захотят включать в общение. При этом у них выше стремление контролировать общение, возможно, не допускать его превращения в чисто криминальное. Важным также является повышение в этой группе аффективности, чувственной наполненности общения для самой себя (Ae).

Таким образом, выявленные тенденции изменения как защитной сферы, так и сферы межличностного общения, свидетельствуют о более благоприятном психологическом фоне для проведения исправительных психологических меро-

приятий в группе представительниц типа самоотношения, который мы назвали покаянным.

В целом представленные данные требуют дополнительной проверки на более широкой выборке осужденных женщин, а также сравнительного возрастного-полового анализа. Однако, как нам представляется, факт того, что предпосылки для эффективной исправительной психологической работы лучше сформированы в группе осужденных женщин молодежного возраста с покаянным типом самоотношения как на социально-психологическом, так и на индивидуально-психологическом уровне, можно считать подтвержденным.

Литература

1. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991.
2. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М.: МПСИ, 2007.
3. Подсознание терроризма / под ред. Д.В. Сочивко. — М.: ПерСэ, 2006.
4. Сочивко Д.В., Тоболевич О.А. Психологические особенности гендерной самоидентификации в структуре самоотношения личности осужденных // Преступление, наказание, исправление: Вестн. Волгод. ин-та права и экономики. — 2010. — № 11.
5. Долг и преступление: психологические портреты / под ред. Д.В. Сочивко. — Рязань, 2007. — С. 193–249.

ТИПОЛОГИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Е. Е. Гаврина, А. А. Балашов

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-54902 а/Ц.

Аннотация: в статье подчеркивается актуальность исследования особенностей формирования коррумпированного поведения, личностных детерминант, оказывающих влияние на совершение преступлений коррупционного и экономического характера, анализируются результаты эмпирического исследования, приводится типология осужденных за преступления коррупционного и экономического характера.

Ключевые слова: коррупция, преступления экономического и коррупционного характера, коррумпированное поведение.

The summary: in article the research urgency specialities of formations of the corrupted behavior, personal determinant is underlined, crimes of corruption and economic character influencing fulfillment, results of empirical research are analyzed, the typology of condemned for crimes of corruption and economic character is resulted.

Keywords: corruption, crimes of the economic and corruption character, the corrupted behavior.

Одним из приоритетных направлений деятельности Д.А. Медведева после его

вступления в должность главы государства стало проведение антикоррупционной политики. Однако все предложенные и проводимые мероприятия по противодействию коррупции пока не принесли желаемых результатов. Только в 2010 г. следственные органы Следственного комитета РФ возбудили более 11,4 тыс. уголовных дел о коррупционных преступлениях. Несмотря на эти показатели, Д.А. Медведев отметил, что с тех пор, как государство начало активно заниматься этим вопросом, практически все, кто наблюдал за коррупционной ситуацией, отметили происходящие изменения (хоть их и немного, но уже хорошо то, что о коррупции стали говорить вслух¹).

С нашей точки зрения, в антикоррупционной политике до сих пор отсутствует комплекс мероприятий, способствующих усилению психологической работы по предупреждению формирования антикоррупционного поведения чиновников. С учетом этого становится все более актуальным проведение психологических исследований, направленных на всестороннее изучение причин и последствий участия в коррупционной деятельности.

Проведенное нами исследование показывает, что борьба с коррупцией должна начинаться еще в школе и быть направлена на изменение менталитета молодежи. Кроме того, особое внимание необходимо уделять профотбору кандидатов на должности, сопряженные с вероятностью использовать должностные возможности для достижения материальных выгод.

С целью предупреждения отбора

на такие должности людей, склонных к коррупционной деятельности, по итогам эмпирического исследования были выделены личностные детерминанты, оказывающие существенное влияние на формирование коррумпированного поведения, на основе которых разработаны типологии осужденных за коррупционные преступления. Зная индивидуально-психологические особенности личностей, склонных к коррупционной деятельности, можно разрабатывать как профилактические, так и коррекционные мероприятия по предупреждению распространения коррупции.

Для качественного анализа заявленной нами проблемы были отобраны две группы лиц, осужденных за преступления коррупционного и экономического характера.

Выбор этих групп обусловлен сходством мотива при совершении преступлений этими осужденными — обогащение, отличается только способ. Сравнение психологических особенностей в выделенных группах осужденных позволит установить истинные детерминанты, лежащие в основе совершения преступлений коррупционного и экономического характера. Их учет позволит повысить качество профотбора сотрудников на должности, сопряженные с вероятностью использовать свои должностные возможности для достижения материальных выгод, что как раз и является одним из условий предупреждения распространения коррупции.

Полученные результаты были подвергнуты корреляционному анализу с помощью компьютерной программы «STATISTICA 6.0».

Анализ корреляционных связей позволил выделить следующие типы

¹ <http://www.rian.ru/politics/20110113/320858616.html> (дата обращения 13.01.2011).

осужденных за коррупционные преступления:

1. В зависимости от уровня активности и энергичности, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности.

Осужденные коррупционеры, проявляющие активность, энергичность во всех видах жизнедеятельности, стремятся к личной свободе (0,97), стараются соблюдать духовные обряды (0,92), чувствуют себя комфортно среди людей, имеют тенденцию искать их общества (0,99), испытывают потребность в том, чтобы другие стремились быть к ним эмоционально более близкими и делились с ними своими интимными чувствами (0,96), могут возложить на себя огромную ответственность (0,92). Другими словами, осужденные коррупционеры, проявляющие активность и энергичность во всех сферах жизнедеятельности, стремятся к личной свободе. Данный тип коррупционеров будет выполнять свои обязанности по должности только в удобное для себя время, и вряд ли они позволят какому-либо человеку помешать их личному счастью. Предпочитают жить так, чтобы быть уверенными в том, что им гарантирована возможность получать от жизни все — многие из них находят свое счастье в творчестве, чтении и т. д. Если их личной свободе что-нибудь начинает угрожать, они пытаются сделать все возможное, чтобы остаться при своих интересах. Эти лица избегают всякой эксплуатации, сопротивляются требованиям, которые считают неблагоприятными или непосильными для выполнения. Как ни странно, такой тип людей стремится соблюдать духовные обряды и традиции. Они чувствуют себя комфортно среди людей, более того, склонны искать их общества и испыты-

вают большую потребность в том, чтобы другие люди устанавливали с ними близкие эмоциональные отношения.

Во время как другие могут быть равнодушны к лидерству, эти люди из всех сил стремятся к руководящим позициям. Их кредо — желание командовать другими. Они способны возложить на себя огромную ответственность, не опасаясь краха. Готовы принимать власть и отдыхать душой. Никогда не уклоняются от борьбы, конкурируют с чемпионами. Однако распоряжение завоеванной властью будет зависеть от преобладания у них других психологических особенностей. Наибольших успехов достигают в пределах определенной структуры власти, где каждый знает свое место и всем ясны их полномочия. Такие люди очень целенаправленны, у них прагматичный подход к достижению своих целей. Сделают все, чтобы получить желаемый результат. Они не щепетильны, не обидчивы. Могут хорошо работать в довольно сложных условиях и в опасных ситуациях, не позволяя брать над собой верх волнению и опасениям.

Осужденные коррупционеры, не проявляющие активности и энергичности во всех видах жизнедеятельности, чувствуют себя некомфортно среди людей, они, скорее, будут демонстрировать склонность их избегать (0,99), очень осторожны при выборе лиц, с которыми устанавливают глубокие эмоциональные отношения (0,96), не стремятся соблюдать религиозные обряды и по большей части неверующие (0,92), не придают большого значения личной свободе (0,97), стараются не брать на себя ответственность.

Следовательно, для осужденных коррупционеров, не проявляющих активно-

сти и энергичности во всех сферах жизнедеятельности, характерно отсутствие такого понятия, как «личная свобода», что выражается в готовности подчиняться сильным личностям и, в частности, своему руководству. Так, если их начальнику нужно сделать что-то прямо сейчас, то они это делают «от сейчас и до ночи». Строят свою жизнь с учетом установленных определенных правил и требований, предпочитают, чтобы основные решения за них принимали окружающие. В общении с людьми проявляют повышенную осторожность, эмоциональную холодность и замкнутость. Такие люди не стремятся к лидерству и власти, опасаются ответственности и возможной неудачи. Они не любят бороться и уступают «лакомый кусочек» более агрессивным людям, могут быть обидчивы. В стрессовых ситуациях сильно волнуются и опасаются возможных отрицательных последствий.

2. В зависимости от уровня свободолюбия и важности личного жизненного комфорта.

Осужденные коррупционеры, стремящиеся к личной свободе и жизненному комфорту, стараются соблюдать религиозные традиции и обычаи, хотя и не всегда это получается [0,88], чувствуют себя комфортно среди людей, имеют тенденцию искать их общества [0,97], испытывают большую потребность в том, чтобы другие люди устанавливали с ними близкие эмоциональные отношения [0,91], стараются проявлять высокую активность во всех жизненных ситуациях [0,97]. Таким образом, для осужденных коррупционеров, стремящихся к личной свободе и жизненному комфорту, характерно соблюдение религиозных традиций и обычаев, если это не

мешает их комфорту и не забирает у них много свободного времени. Им привычно быть среди людей, они ищут их общества, испытывают большую потребность в том, чтобы окружающие устанавливали с ними близкие эмоциональные отношения. Эти лица очень активны: не могут сидеть на месте и не дают другим, делая все возможное, чтобы окружающие их люди отправились вместе с ними в путешествие. Для них характерны постоянный поиск новых впечатлений, стилей, любви, переменчивость настроения.

Осужденные коррупционеры, не стремящиеся к личной свободе и жизненному комфорту, не соблюдают религиозные традиции и обычаи [0,88], чувствуют себя некомфортно среди людей, скорее, будут демонстрировать склонность их избегать [0,97], очень осторожны при выборе лиц, с которыми устанавливаются глубокие эмоциональные отношения [0,91], пассивны и не целеустремленны [0,97]. Значит, осужденные коррупционеры, которые не стремятся к личной свободе и жизненному комфорту, нерелигиозны, осторожны в общении с людьми, замкнуты, проявляют неуверенность среди большого числа людей, предпочитают оставаться наедине с самими собой. Они выбирают пассивную, безынициативную жизненную позицию и стараются оставаться в стороне, не демонстрировать свои чувства. Эти лица неземонациональны и неимпульсивны.

3. В зависимости от принятия на себя ответственности и выбора ведущей роли в коллективе.

Осужденные коррупционеры, старающиеся принять на себя ответственность и выбирающие ведущую роль в коллективе, никогда не состояли в браке [0,96], имеют незаконченное высшее об-

разование (0,96), занимали должность в транспортной сфере (0,96), их средний заработок от 26 до 30 тыс. руб. (0,96), очень эмоциональные и яркие (0,90). Отличительная черта этих коррупционеров — дар эмоционально окрашивать жизнь окружающих. Когда к этому дару прилагаются способности, человек может превратить любой душевный порыв в высокое искусство. Даже в повседневной жизни их остроумие, понятие о красоте, непосредственность действуют на людей, как алкогольное опьянение. Весь мир — театр для индивидуумов этого типа, жизнь никогда не уныла и не скучна для них и, конечно, для тех, кто находится рядом с ними. Они эмоциональные, демонстративные и чувственные, быстро реагируют на все происходящее, мгновенно меняют настроение. Экспансивные, живые, яркие, они стараются быть в центре внимания. Обладают богатым воображением, рассказывают интересные истории. Они уделяют много внимания внешности и наслаждаются одеждой, стилем, образом. Легко оказывают доверие другим, быстро вовлекаются в отношения.

Осужденные коррупционеры, старающиеся не принимать на себя ответственность и ведущие себя пассивно в коллективе, состоят в браке (0,96), имеют высшее образование (0,96), связаны с любой из сфер бизнеса, только не с транспортной сферой (0,96), неэмоциональные (0,90), пассивные, унылые, плохие рассказчики, скрытны и желают оставаться в тени, консервативные и неотзывчивые.

Для осужденных коррупционеров, старающихся не принимать на себя ответственность и ведущих себя пассивно в коллективе, характерно желание жить

только для себя. В общении закрыты, неэмоциональны, консервативны, неотзывчивы, стараются оставаться в тени. Им трудно довериться другим людям, поэтому у них возникают сложности в построении межличностных отношений с окружающими. Если оценивать их ораторские качества, то можно сказать, что они унылые, пассивные, плохие рассказчики. Отличительная черта данного типа коррупционеров — дар скрашивать жизнь окружающих. Они не стараются следить за своим стилем, образом, им не важны последние тенденции моды.

Анализ корреляционных связей позволил выделить следующие типы осужденных за экономические преступления.

1. В зависимости от уровня агрессии.

Осужденные за экономические преступления, прибегающие к агрессии, обладают независимостью (0,84), мечтательны (0,80), рискованны (0,76), артистичны (0,79), самоуверенны (0,80), отличаются высокими моральными принципами (0,69). Другими словами, эти осужденные обладают исключительным пониманием окружающей среды, ничто не ускользает от их внимания. Постоянно действующий внутренний «рентген», просвечивающий ситуации и людей, готовность уклониться от сложных ситуаций делают их опасными противниками, особенно в деловых отношениях. Такой тип людей обладает специфической способностью к восприятию, они немедленно замечают ошибочные сообщения, скрытые побуждения, уклонения, искажения правды или попытки ввести их в заблуждение, они одаренные наблюдатели. Личности этого типа независимы и советуются исключительно с собой, не ищут советов извне, легко принимают

решения и могут сами о себе заботиться. Они воспринимают критику очень серьезно, не оценивая ее как запугивание. Осторожны в деловых отношениях и предпочитают узнать о человеке как можно больше, прежде чем контактировать с ним. Предпочитают жить совсем в ином ритме, чем остальные люди. Являются большими оригиналами и часто отличаются от других эксцентричностью, неординарностью, доходящей до гениальности. Они настроены на себя и поддерживаются собственными мыслями и убеждениями, для них неважно, принимают или отвергают их подход к жизни окружающие. Эти лица имеют собственную систему ценностей. На них не оказывают сильного влияния другие люди или нормы общества. Они самоориентированны и независимы, требуют небольшой близости в отношениях. Люди с преобладанием этого типа индивидуальности не боятся совершать опасные шаги. Они не слишком волнуются о других и считают, что каждый сам может о себе позаботиться. Для них важно жить в эмоциональном мире. Они эмоциональны, демонстративны, быстро реагируют на все происходящее, мгновенно меняют настроение. Их характеризует экспансивность, богатое воображение, они вступают в любые отношения, легко поддерживают новые идеи и предложения других. Они лидеры, светлые огни, центры внимания в обществе и семье. Их основное качество — звездность, порожденная самоуважением, самосознанием. Это самоуверенные люди, которые знают, чего хотят и добиваются этого, ожидая от других только хорошего отношения к себе. Это люди высоких моральных принципов, они очень обязательны, не позволяют себе отдохнуть до тех пор,

пока работа не выполнена, причем правильно. Они преданы своим семьям, своему делу, своим начальникам. Упорный труд для них — норма.

Осужденные за экономические преступления с низким уровнем агрессии конформны и зависимы (0,84), реалисты (0,80), не склонны к риску (0,76), незмоциональны (0,79), не уверены в себе (0,80), необязательны (0,69). Таким образом, эти лица зависимы от общества и в проблемных ситуациях стараются найти ответ не в самих себе, а получить его извне, то есть попросив у кого-нибудь помощи. Они реалистичны и рациональны, стараются не строить для себя иллюзий, не склонны к риску, следуют правилу: «Каждый риск должен быть оправдан на 100%». Для них характерно наличие такого качества, как альтруизм, то есть готовность оказывать помощь другим людям. Однако у них возникают трудности при построении межличностных отношений из-за недостатка навыков общения. Такие люди испытывают беспокойство за будущее, строят планы и стараются строго придерживаться их. Они скупы на эмоции, чаще унылы, не любят быть в центре внимания, стараются уйти в тень. Не уверены в своих силах и ни к чему не стремятся, главное, чтобы все было стабильно и без риска для них. Они необязательны, считают, что на работе необходимо следовать правилу: «Война войной, а обед по распорядку», уделяют много времени отдыху. Не всегда придерживаются моральных и этических норм.

2. В зависимости от степени целеустремленности.

Целеустремленные осужденные за экономические преступления не соблюдают религиозные обряды и традиции

(0,42), бдительные (0,81), склонные к риску (0,82), эмоциональные (0,82), стремящиеся к лидерству (0,80). Иначе говоря, они нерелигиозны, обладают специфической способностью к восприятию, быстро реагируют на ошибочные сообщения, скрытые побуждения, уклонения, искажения правды или попытки ввести их в заблуждение, очень наблюдательны. Предпочитают брать на себя роль социальных критиков, стражей порядка или активных участников общественных компаний, готовы к тому, чтобы разоблачить любые злоупотребления властью. Личности этого типа обладают независимостью, принимают решения самостоятельно и могут сами о себе заботиться. Они осторожны в деловых отношениях и предпочитают узнать о человеке как можно больше, прежде чем контактировать с ним. Конструктивно воспринимают критику, при построении межличностных отношений делают большую ставку на преданность и лояльность. Интенсивно работают и никогда не берут авансов. Отличаются склонностью к риску и бесстрашием. Никакой риск не может остановить их, так как для многих людей с этим типом личности он желателен, они в нем нуждаются. Не подвержены влиянию людей или норм общества. Такие люди не испытывают вины за прошлое и беспокойства за будущее, так как живут одним днем.

Нецелестремленные осужденные за экономические преступления стараются соблюдать религиозные традиции (0,42), они конформные (0,81), не склонны к риску (0,82), эмоционально сдержанны (0,82), неагрессивны (0,80). Такие лица ригидны при восприятии ложной информации, то есть им сложно отличить правду от лжи. Предпочитают нахо-

диться в тени, не стремятся выступать в роли обличителей личностей, злоупотребляющих властью. Для них очень важно, чтобы окружающие принимали участие в их жизни, они подвержены влиянию авторитетных личностей. Не склонны проявлять осторожность в деловых отношениях, почти пассивны к критике. К числу трудоголиков их отнести нельзя. Стараются планировать свою жизнь.

Сравнивая характеристики полученных типов осужденных за коррупционные и экономические преступления, можно обнаружить следующую закономерность. Преступления коррупционного характера опосредованы такими личностными детерминантами осужденных, как уровень активности и энергичности, проявляющимися во всех сферах жизнедеятельности; уровень свободолюбия и важности личного жизненного комфорта; желание принять на себя ответственность и выбор ведущей роли в коллективе. Преступления экономического характера опосредованы уровнем агрессивности и степенью целеустремленности преступника. Именно это отличие и кроется, по нашему мнению, в выборе способа достижения им материальных благ, точнее — варианта совершения противоправных действий. Следовательно, коррупция связана с личностными особенностями, которые назовем «социально ориентированными»: активностью во всех сферах жизнедеятельности, свободолюбием, лидерской ролью. Достижение этих позиций во многом обусловлено наличием финансов, поэтому как только у подобных лиц возникает возможность получения дополнительных материальных выгод, они пользуются этим и совершают преступление.

ПСИХОДИНАМИКА ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОДНОКРАТНО СУДИМЫХ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА

О. А. Марчук

Аннотация: в статье рассмотрены особенности межличностного взаимодействия осужденных с другими осужденными и сотрудниками ИУ. Выявлены доминирующие модели поведения в ситуации конфликтного взаимодействия осужденных, впервые и неоднократно судимых. Проанализированы различия сферы психологических защит осужденных данных групп. С учетом выявленных личностных особенностей предложены рекомендации по построению специфического воспитательного воздействия на осужденных.

Ключевые слова: особенности межличностного взаимодействия осужденных; стратегии поведения в конфликте; психологические защиты неоднократно судимых осужденных.

The summary: in article features of interpersonal interaction condemned with others condemned and employees IU are considered. Dominating models of behavior in a situation of disputed interaction condemned, for the first time and repeatedly offenders are revealed. Distinctions of sphere of psychological protection of the condemned given groups are analysed. Taking into account the revealed personal features recommendations about construction of specific educational influence on the condemned are offered.

Keywords: features of interpersonal interaction of the condemned. Behavior strategy in the conflict. Psychological protection repeatedly offenders condemned.

В статье рассмотрены особенности межличностного взаимодействия осужденных с другими осужденными и сотрудниками ИУ. Знание специфики этих особенностей, а в частности склонности избирать те или иные модели поведения в ситуации конфликтного взаимодействия осужденных, по нашему мнению, полезно для построения специфического воспитательного воздействия на них.

В исследовании приняли участие осужденные в количестве 100 человек. Всех испытуемых мы поделили на две группы:

I группа — осужденные, имеющие одну судимость (46 испытуемых);

II группа — осужденные, имеющие две и более судимости (54 испытуемых).

В анкету были включены вопросы, иллюстрирующие особенности взаимоотношений осужденных, тестовые методики, изучающие предрасположенность осужденных к конфликтному поведению, особенности психологических защит.

При анализе ответов на вопрос: «В жизни Вам мешает ...» на рисунке 1 мы видим, что осужденным из первой группы, имеющим одну судимость, мешает в жизни безразличие окружающих.

На наш взгляд, безразличие окружающих есть деструктивно измененные межличностные отношения людей в современном обществе, равнодушное отношение к другим людям: «мне все равно, что происходит за моей дверью, лишь бы меня не трогали». В данном случае

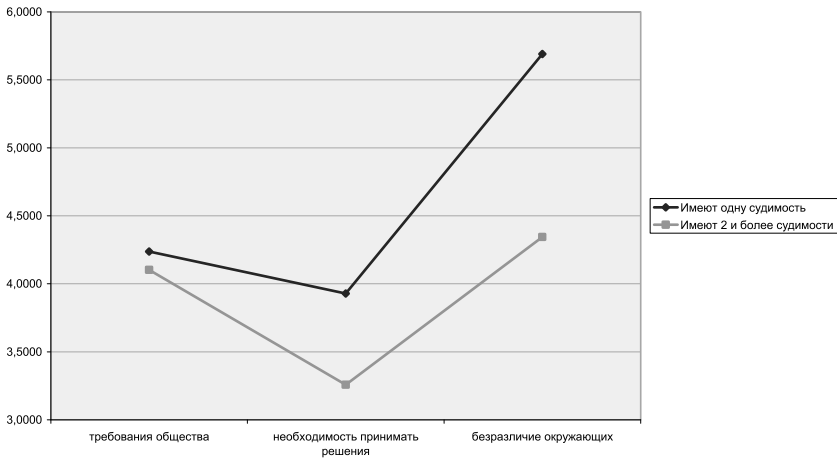

Рис. 1. Средние оценки факторов, мешающих хорошей жизни, в двух группах осужденных

возникает проблема глубокого изменения межличностных отношений, к которым люди просто привыкают.

В современном мире соседи часто просто не знают друг друга.

Осужденный после освобождения вынужден выстраивать межличностные отношения согласно требованиям того общества, в которое он попадает. Психологи ИУ ведут работу с осужденными на разных стадиях их пребывания в местах лишения свободы. Своей задачей они видят сопровождение осужденных в ИУ таким образом, чтобы у них затем была возможность социализироваться и адаптироваться к условиям современного общества, а процесс ресоциализации способствовал предотвращению совершения ими повторных преступлений, так как они будут знать, что в этом обществе кому-то нужны.

Вторая группа осужденных, имеющих две и более судимости, к безразличию окружающих относится спокойно, для них оно стало принципом жизни: все, что

необходимо, нужно добывать самостоятельно, рассчитывать абсолютно не на кого. «Они же не виноваты, что добыча благ таким образом приводит к совершению преступлений, просто по-другому они не умеют».

Эта группа осужденных на проблему межличностных отношений в гражданском обществе смотрит иначе. При определенном опыте социальных отношений в закрытом социуме (колония, отряд) эти отношения для них сложны и многогранны, у них возникают трудности при решении социально-бытовых проблем, в то время как в ИУ проблемы подобного характера решаются администрацией.

Опыт жизни в местах лишения свободы — это еще и богатый опыт человеческого общения. В условиях ИУ осужденные вынуждены учиться общаться, и научаются, со своим отношением, своими установками, ценностями. Забегая немного вперед, укажем, что у этой группы осужденных по тесту предрасположенности к конфликтному поведению про-

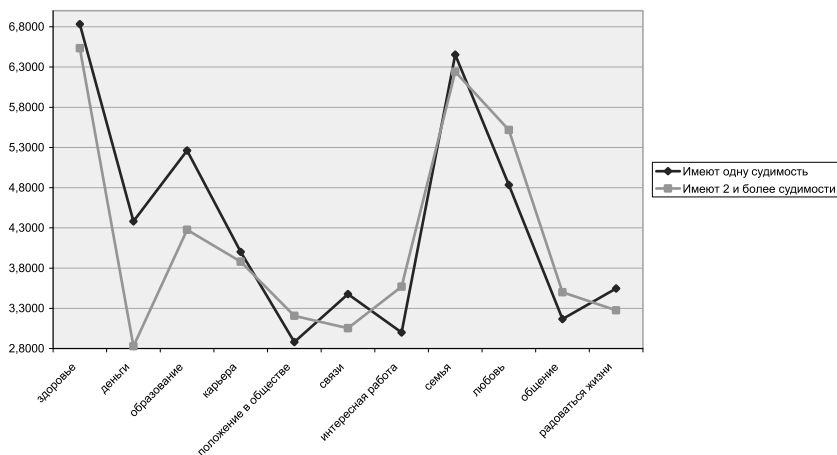

Рис. 2. Сравнение 1 и 2 групп осужденных по позиции «главное в жизни»

является направленное сотрудничество, то есть они делают что-либо по просьбе администрации ИУ с целью взаимной выгоды (например, подготовки к УДО). Таким образом, они стремятся к удовлетворению ростовых потребностей.

По теории А. Маслоу ростовые (высшие) потребности удовлетворяются, когда дефицитарные (низшие) удовлетворены. У осужденных второй группы удовлетворение дефицитарных потребностей отходит на второй план, так как они сосредоточены на удовлетворении именно высших потребностей, они научились удовлетворять свои дефицитарные потребности более или менее достаточно [1].

Жесткие условия ИУ вынуждают осужденных формировать такой стиль общения, в то время как сотрудники используют это в своих целях, например, для поддержания порядка в отряде.

На рисунке 2 видно, что различия в позиции «главное в жизни» прослеживаются в выборе денег у осужденных первой группы, имеющих одну судимость

(это статистически значимые различия $p < 0,03$). Деньги для них являются теми средствами, за которые можно приобрести различные блага. Эти осужденные как раз стремятся в первую очередь к удовлетворению дефицитарных потребностей, им о ростовых потребностях еще пока не приходится думать, они находятся в процессе адаптации.

Работа с осужденными данной группы сотрудниками и психологами должна строиться на том, чтобы ориентировать их на удовлетворение ростовых потребностей, которые невозможно удовлетворить в местах лишения свободы, а для этого им необходимо не совершать преступлений, находясь на свободе.

В ИУ попадают люди с разным материальным достатком в жизни, у которых отношение к деньгам как к средствам достижения определенных целей уже сформировано. Возможно, они привыкли в жизни многое оценивать количеством денег.

Деньги — это средство удовлетворения дефицитарных потребностей. «Ис-

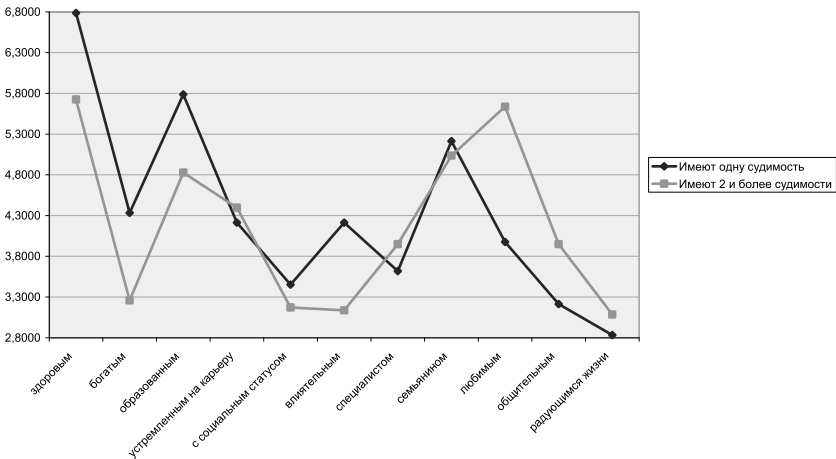

Рис. 3. Сравнение 1 и 2 групп осужденных по позиции «для того, чтобы хорошо жить, нужно быть»

следования показывают, что у осужденных наиболее значимы те ценности, которые обеспечивают индивидуальное существование (свобода, материальная обеспеченность и т. д.)» [2].

Немаловажным фактором для них является образование, значит, они хотят учиться, чтобы чего-то добиться в жизни. Уровень образования у осужденных первой группы, имеющих одну судимость, в целом выше, чем у осужденных второй группы, имеющих две и более судимости.

Осужденные из второй группы, имеющие две и более судимости, к деньгам относятся спокойно, их жизненный опыт показывает, что там, за решеткой, более важной ценностью является здоровье. Образование для этой группы осужденных уже не имеет по сути никакого значения, они не понимают, зачем учиться, так как прошли «тюремную школу жизни» и имеют жизненный опыт. А вот деньги — самое минимальное значение — они вообще не рассма-

тривают как важный фактор в жизни, тем более главный.

Однако такие факторы, как семья и любовь, имеют особую ценность для обеих групп осужденных. Им не чужды обычные нормальные человеческие ценности. Для первой группы эти факторы представляют ценность, потому что они, по сути, совсем недавно еще жили в семье, человеку очень трудно лишиться семьи, хотя бы на срок отбывания наказания. А для второй группы осужденных эти показатели имеют значение, так как для них важна ценность того, что их ждут на воле. Здесь речь идет об удовлетворении ростовых потребностей.

Работа сотрудников и психологов с данной категорией осужденных должна строиться на возврате их в общество, ибо в заключении невозможно создать семью, найти (обрести) любовь, стремиться к самоактуализации.

Еще одним не менее важным (статистически значимым $p < 0,02$) фактором осужденные второй группы, имеющие

две и более судимости, считают необходимость быть любимым, что мы видим на рисунке 3. Они не выбирают ни деньги, ни карьеру, ни связи, ни влияние — это отходит на второй план, они ценят то, что они любимы. На наш взгляд, здесь имеет место осознание того, что они проводят за решеткой многие годы своей жизни, поэтому важно то, что их ждут, они ощущают свою нужность. Любовь — это одна из ростовых потребностей по А. Маслоу.

Более того, проблема значимости для осужденных второй группы имеет такую ценность, потому что у них особенно остро стоит проблема социальной депривации, когда они лишены элементарного общения с друзьями, родственниками в той мере, в какой это необходимо, они привыкают к определенному, узкому кругу людей, не говоря о том, что они практически лишены общения с противоположным полом.

Депривация — намеренное лишение чего-либо. Формы социальной депривации различны не только по степени ее жесткости, но и по тому, кто является ее инициатором — она сама или общество, целенаправленно создавая для решения определенных задач в той или иной мере закрытое от других человеческих сообществ объединение людей.

Социальная депривация объясняется склонностью общества оценивать качества и способности некоторых индивидов и групп выше, чем других, выражая эту оценку в распределении таких социальных вознаграждений, как престиж, власть, высокий статус в обществе и соответствующие ему возможности участия в социальной жизни [2].

У осужденных первой группы, имеющих одну судимость, так остро эта по-

требность не ощущается, возможно, это связано с недавним осуждением либо небольшим сроком отбывания наказания.

Однако осужденным первой группы «для того, чтобы хорошо жить, нужно быть» образованным, здоровым и семьянином. Образованным, понятно, чтобы чего-то в жизни достичь, здоровым, чтобы была возможность работать, учиться, ценность здоровья вообще трудно переоценить, а семьянином, чтобы был крепкий тыл и статус, в общем, все то, что необходимо в жизни на свободе.

В то же время осужденные данной категории по мере адаптации к условиям ИУ начинают понимать, что недостаточно удовлетворения только дефицитарных потребностей, жизнь не заканчивается, поэтому начинают строить планы на будущее, то есть на создание семьи, получение образования.

Работа сотрудников и психологов должна строиться на стратегии невзврата в места лишения свободы, а также подготовке к реадaptации.

Далее проанализируем предрасположенность осужденных к конфликтному поведению, находясь в местах лишения свободы.

На рисунке 4 видно, что (статистически значимым показателем $p < 0,006$) для осужденных второй группы, имеющих две и более судимости, при возникновении конфликтной ситуации является *сотрудничество*, «когда участники конфликтной ситуации приходят к альтернативному решению, полностью удовлетворяющему интересы обеих сторон» [3].

Эта стратегия решения конфликтной ситуации, по мнению автора теста,

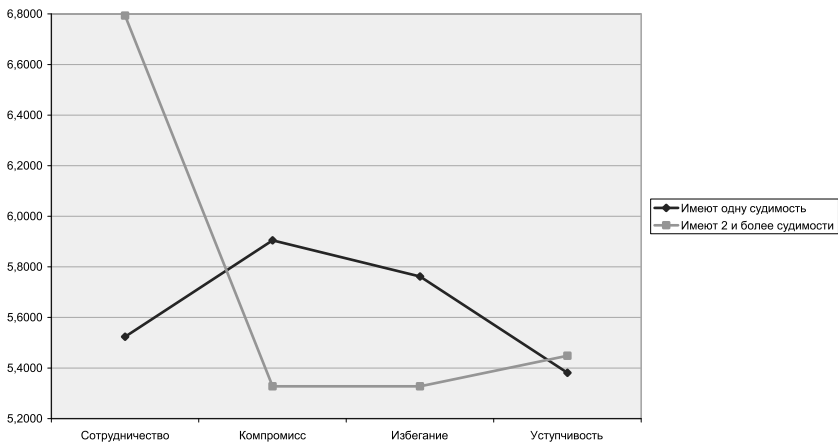

Рис. 4. Сравнение 1 и 2 групп осужденных по predisposition к конфликтному поведению по тесту К. Томаса

является единственно конструктивной. Все остальные стратегии в той или иной степени ведут к взаимному или индивидуальному проигрышу в ситуациях конфликта [5].

Главная цель сотрудничества здесь — получение взаимных выгод.

Осужденные, не являющиеся отрицательно направленными, идут на сотрудничество с администрацией ИУ для получения условно-досрочного освобождения за хорошее поведение.

Осужденные первой группы, имеющие одну судимость, нередко попадая в колонию, не знают, как себя вести в конфликтных ситуациях, которые случаются весьма часто, что объясняется отсутствием у них опыта разрешения подобных ситуаций. Притом, что другие осужденные могут намеренно провоцировать конфликтные ситуации для новичков, чтобы посмотреть, как будет разрешаться конфликт. Сам факт попадания в колонию для осужденных первой группы, имеющих одну судимость, становится внутрличностным конфликтом,

который и так будет отражаться на взаимоотношениях с другими осужденными. На основании этого они на данном этапе пребывания в колонии выбирают в качестве способа разрешения конфликтных ситуаций самый простой на их взгляд способ — компромисс либо избегание.

Компромисс состоит в желании оппонентов завершить конфликт частичными уступками. Он характеризуется отказом от части требований, которые ранее выдвигались, готовностью признать претензии другой стороны частично обоснованными, готовностью простить. Компромисс эффективен в случаях: понимания оппонентом, что он и соперник имеют равные возможности; наличия взаимоисключающих интересов; удовлетворения временным решением; угрозы потерять все.

Работа сотрудников и психологов с этой категорией осужденных должна строиться на компромиссах, договоренности в чем-либо, например, помощь осужденного психологу в организации тестирования, участие в самодеятель-

Таблица 1

	1 группа осужденных	2 группа осужденных
Уровень терпимости	9,1	11,03

ности колонии, а осужденному — помощь со стороны начальника отряда в подготовке к условно-досрочному освобождению и т. д.

Мы очень часто приводим условно-досрочное освобождение в качестве примера, так как этот стимул к право- послушному поведению для осужденных является очень сильным.

Также нам интересен такой показатель, как уровень терпимости, отраженный в таблице 1. Более всего он проявляется у осужденных второй группы, имеющих две и более судимости. Это можно объяснить тем, что они более сдержанны, более толерантны (терпимы) к окружающим, к их мнению, относятся к окружающим с большим уважением, также способны твердо отстаивать свои убеждения либо изменить свое мнение, если оно оказывается ошибочным, оче-

видно сказывается опыт, приобретенный за годы жизни в колонии. В то время как осужденные первой группы, имеющие одну судимость, в силу своего возраста менее гибки в отношениях с другими людьми, не стремятся прислушиваться к чужому мнению, вероятно, так проявляется затрудненная адаптация к условиям отбывания наказания, а также отсутствие жизненного опыта в местах лишения свободы.

Перейдем к анализу результатов методики Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х. Конта «Индекс жизненного стиля», адаптированной межрегиональной психологической лабораторией г. Ярославля. На рисунке 5 мы видим у осужденных первой группы, имеющих одну судимость, в качестве предпочтения такой механизм психологической защиты, как *КОМПЕНСАЦИЯ*.

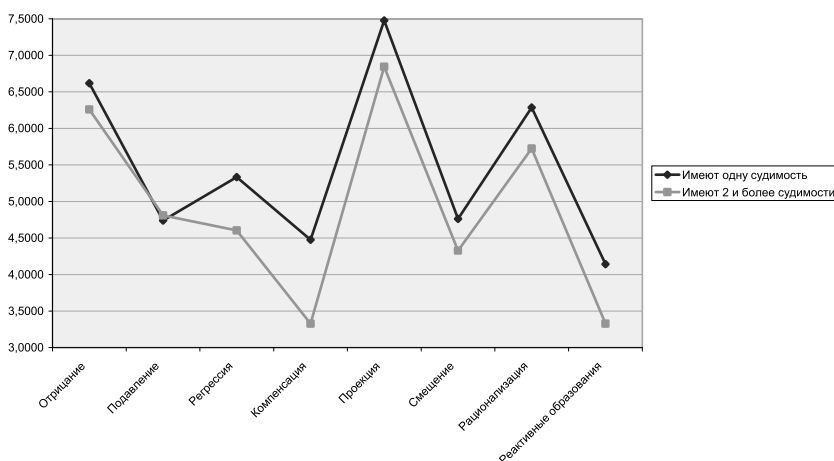

Рис. 5. Сравнение 1 и 2 групп осужденных по тесту Р. Плутчика

Этот механизм проявляется в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, дефекта, нестерпимого чувства другим качеством, чаще всего с помощью фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Например, ответственному осужденному нужно показать, что ответственность можно проявлять и в ситуации, которая может привести к совершению преступления, таким образом осуществляя воспитательное воздействие.

Люди, для которых компенсация — это наиболее характерный тип психологической защиты, часто оказываются мечтателями, ищущими идеалы в различных сферах жизнедеятельности.

У осужденных второй группы, имеющих две и более судимости, наоборот, компенсация снижается, они не думают о своем будущем на свободе, так как сумели адаптироваться к жизни в условиях отбывания наказания.

Наблюдается более высокий уровень защит у обеих групп осужденных, проявляются такие механизмы психологической защиты, как отрицание, проекция и рационализация.

Для людей с подобными механизмами защит характерен бессознательный отказ признать существование опреде-

ленных событий, переживаний или ощущений, который причинил бы боль при их осознании. Этот отказ проявляется в игнорировании неприятной информации [4].

Таким образом, основной особенностью межличностного взаимодействия неоднократно судимых осужденных выступает их высокая адаптированность в ситуациях специфически регламентированного общения и ориентированность на сотрудничество с другими осужденными, которое позволяет реализовать потребности в признании и эмпатическом общении. Именно эти особенности осужденных необходимо закладывать в основу построения воспитательного воздействия на них.

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2008.
2. Преступление и наказание от «А» до «Я»: словарь по пенитенциарной психологии / под ред. Д.В. Сочивко. — М.: МПСИ, 2009.
3. Практическая психодиагностика / под ред. Д.Я. Райгородского. — М.: Бахрах-М, 2004.
4. Сочивко Д.В. Долг и преступление: психологические портреты. — Рязань, 2007.
5. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. — М.: МПСИ, 2009.
6. Сочивко Д.В. Психодинамика. — М., 2007.
7. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. — М.: МПСИ, 2009.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

П. Ю. Аксенова

Аннотация: статья посвящена рассмотрению проблемы адаптации курсантов вузов ФСИН России. В ней выделены уровни развития адаптации, дано определение адаптивности как системообразующего качества адаптации.

Ключевые слова: адаптивные личностные качества, учебная и служебная деятельность, адаптивность, адаптация.

The summary: the article is devoted to the problem of adjustment of cadets of higher educational establishments of the Federal Penal Service of the Russian Federation. It reveals adjustment levels and defines the notion of adjustability as an integral part of adjustment.

Keywords: adjustive personal traits, academic and service activities, adjustability, adjustment.

В условиях развития пенитенциарной системы, ориентированной на реализацию принципов гуманизма, приоритета общечеловеческих прав и свобод, индивидуально-личностного подхода к осужденным в процессе их ресоциализации и реадaptации [5, с. 3] (Д.В. Сочивко, А.В. Пищелко, Ю.А. Александровский и др.), особенно актуальной является проблема подготовки высококвалифицированных кадров для Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) как основных субъектов ее деятельности, непосредственно влияющих на эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы

(УИС). Для успешной профессиональной адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы, выступающей необходимым условием эффективного выполнения ими своих функциональных обязанностей, необходимо наличие и развитие у них адаптивных качеств личности, формировать которые, на наш взгляд, следует уже на этапе вузовского обучения.

Важно отметить, что период адаптации курсантов к вузовскому обучению осложняется специфичностью их учебной и служебной деятельности: 1) совмещение учебной деятельности с выполнением служебных обязанностей (курсантам необходимо владеть приемами саморегуляции, умением эффективно организовывать учебную работу, требуется повышенное внимание и эмоционально-волевые усилия); 2) учебная деятельность жестко регламентируется распорядком дня (курсанты должны обладать навыками самостоятельной учебной работы, большей организованностью и рациональностью в ее планировании); 3) учебный процесс, как и вся деятельность, строится на принципах подчинения и субординации (что, с одной стороны, ведет к нивелированию индивидуальных особенностей личности курсантов, изменяет привычную систему общения, а с другой — формирует этику поведения, учит корректности и сдержанности); 4) преобладание групповых видов деятельности в процессе всего обучения (у курсантов формируется спо-

способность эффективной индивидуальной работы в группе и умение коллективной работы) [1, с. 46].

Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось изучение уровня адаптации курсантов к учебно-воспитательному процессу ведомственного вуза и сформированности у них базисных адаптивных качеств личности, детерминирующих успешность данного процесса. Всего в исследовании приняли участие 90 человек (40 курсантов 1-го курса Вологодского института права и экономики ФСИН России и 50 курсантов 1-го курса Псковского юридического института ФСИН России).

В исследовании использовались следующие методы и методики:

1. Для определения уровня развития адаптивных личностных качеств курсантов — многофакторный опросник личности Р.Б.Кэттелла (16PF—ОПРОСНИК) [6]. В нашем исследовании изучались факторы, наиболее существенно отражающие те индивидуально-психологические особенности и качества курсантов, которые влияют в целом на успешность процесса адаптации. Анализу подвергались следующие факторы, объединенные в такие блоки:

- поведенческий блок: факторы А, F, Q, Q2;
- когнитивный блок: факторы В, М, Q1;
- аффективный блок: факторы С, G, Q3.

В результате анализа полученных данных было выявлено три уровня развития адаптивных личностных качеств (АЛК) курсантов: высокий (19 %), средний (54 %), низкий (27 %).

Курсанты с *высоким уровнем развития АЛК* общительны; активны при

решении конфликтов и преодолении адаптационных трудностей и барьеров; динамичны в установлении социально значимых контактов (с сокурсниками, преподавателями, офицерами); уверены в себе и своих силах; независимы в принятии решений, при этом мнение группы для них имеет весомое значение; мышление носит абстрактный характер. Такие курсанты интеллектуально активны; стремятся к повышению общей эрудированности; легко и быстро осваивают новые для них формы учебной работы; имеют высокий творческий потенциал, обладают творческим воображением. Они легко воспринимают новые для них перемены в жизни, усваивают и следуют интересам и требованиям группы; обладают высокой работоспособностью; настойчивы в достижении цели; ответственные; соблюдают установленные нормы и правила поведения; имеют развитый самоконтроль; целенаправленны в решении поставленной задачи.

Курсанты со *средним уровнем развития АЛК* формально общительны, но при этом сами не проявляют инициативу при установлении контактов; в конфликтах и при решении проблем принимают позицию выжидания; умеренно искренны в межличностных контактах; социальные контакты не несут для них большой эмоциональной значимости. Они умеренно спокойны и уверены в своих силах, могут впасть в депрессивное состояние в результате критики их личностных особенностей или деятельности; склонны принимать решения, следуя общественному мнению; имея свое мнение, не стремятся доказать и навязать его окружающим. Для них характерен средний уровень эрудиции и вербальной культуры; испытывают сложности при освоении новых

форм учебной деятельности; ориентированы в большей степени на внешнюю реальность; имеют средний уровень развития креативности, воображение носит в основном воссоздающий характер. Достаточно настороженно воспринимают жизненные перемены; уровень интеллектуальной активности нестабилен; вполне выдержаны; при повышенных нагрузках им свойственно нервное утомление; соблюдают нормы и правила поведения, внутренне не всегда принимаемая и соглашаясь с ними; достаточно легко выполняют социальные требования, при этом иногда испытывают внутренние конфликты.

Курсанты с *низким уровнем развития АЛК* замкнуты; необщительны; скептически настроены по отношению к окружающим; озабочены и пессимистичны в восприятии действительности; тревожны; склонны впасть в депрессивные состояния даже при незначительных неудачах. Всегда и во всех решениях ориентируются на социальное одобрение; у них полностью отсутствует инициатива в принятии решений; склонны к ригидности мышления; имеют низкий уровень эрудиции и культуры. Интеллектуально пассивны; с большим трудом осваивают новые для них формы учебной работы; склонны к излишней внимательности к мелочам; практичны; консервативны; тяжело переживают какие-либо нововведения и изменения в окружающей действительности; имеют низкий уровень толерантности по отношению к фрустрации; свойственна повышенная утомляемость даже при незначительных нагрузках; переменчивость интересов; непостоянны; безответственны по отношению к выполнению установленных социальных норм, что может привести к

асоциальному поведению; недисциплинированы; испытывают постоянные внутренние конфликты.

2. Для изучения адаптационных возможностей личности курсантов — многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ), разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным [4]. В нашем исследовании мы использовали две шкалы опросника: достоверность (Д) и адаптивные способности (АС) или адаптивность. Шкала «Адаптивные способности» считается шкалой более высокого уровня, включает в себя шкалы: «Нервно-психическая устойчивость», «Коммуникативные особенности» и «Моральная нормативность» [5] и отражает в целом адаптационные возможности личности курсантов. С помощью этой методики мы классифицировали испытуемых на три группы по критерию развития уровня адаптивности: высокий (16 %), средний (48 %), низкий (36 %).

Курсанты с *высоким уровнем адаптивности* легко адаптируются к новым условиям деятельности; быстро учатся совмещать учебную деятельность (лекционные и семинарские занятия, участие в конференциях и др.) и служебные обязанности (наряды, строевую подготовку и др.); легко устанавливают социальные контакты с новым окружением (сокурсниками, преподавателями, офицерами). Они быстро ориентируются в новых для них ситуациях и вырабатывают оптимальные стратегии поведения; неконфликтны; обладают высоким уровнем эмоциональной устойчивости.

Курсанты со *средним уровнем адаптивности* в основном обладают признаками различных акцентуаций, которые в различных ситуациях компенсируются и могут нивелироваться. Успех адаптации

онного периода у них зависит в большей степени от внешних воздействий. Как правило, такие курсанты адаптируются к одному из видов деятельности в вузе (учебной или служебной), при этом испытывая трудности в другой. У них возможны конфликты с окружением, проявления асоциального поведения; уровень эмоциональной устойчивости зависит от степени воздействующего раздражителя.

Курсанты с *низким уровнем адаптивности* имеют низкий уровень адаптационных возможностей. Они испытывают трудности во всех видах деятельности в вузе; конфликтны; обладают низким уровнем нервно-психической устойчивости; могут допускать асоциальные поступки.

Используя методы математической статистики, мы установили, что полученные данные по методике «Адаптивность» (высокий уровень развития АЛК, средний уровень развития АЛК, низкий уровень развития АЛК) соответственно коррелируют с данными по 16PF–ОПРОСНИК (высокий уровень адаптивности, средний уровень адаптивности, низкий уровень адаптивности). При этом адаптивность личности курсанта, под которой мы понимаем явные и латентные возможности его личности вырабатывать адекватные условиям способы поведения и актуализировать способность быстро реагировать на изменения образовательного процесса вуза, на наш взгляд, является системообразующим качеством АЛК и адаптации курсантов к вузовскому обучению в целом. Специальное развитие этого качества в условиях учебной и служебной деятельности курсанта способно качественно оптимизировать адаптационный процесс.

3. Для диагностики мотивов учебной и служебной деятельности курсантов была использована методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи», предложенная А.А. Реаном [2]. В результате было выявлено три показателя: курсанты с мотивацией на успех (26 %); курсанты с мотивацией на неудачу (23 %); курсанты, у которых мотивационный полюс (МП) не выражен (51 %).

Экспериментально было показано, что у курсантов с *мотивацией на успех* адаптационные возможности намного выше; они всегда стремятся преодолеть препятствия и добиваться высоких показателей в учебной и служебной деятельности; постоянно самосовершенствуются, реализуют свои возможности и способности, тем самым повышая самооценку и самоуважение.

У курсантов с *мотивацией на неудачу* адаптационные возможности находятся на низком уровне. Как в учебной деятельности, так и при выполнении служебных обязанностей они боятся потерпеть неудачу; нацелены скорее на отрицательный результат, чем на положительный; в случае неудач (низкая успеваемость, «несдача» зачетов, экзаменов, замечания от офицеров, преподавателей и др.) значимость обучения для них снижается. У таких курсантов отсутствует уверенность в себе и своих возможностях.

Курсанты с *нев्यраженным МП* имеют средний уровень адаптационных возможностей. Кроме того, было выявлено, что из числа курсантов, принадлежащих к этой группе, 14 % получили показатели, свидетельствующие о том, что их мотивация ближе к избеганию неудачи, и лишь 4 % получили показатели, свидетельствующие о том, что их мотивация

ближе к стремлению к успеху. Причина данной «невывраженности», по нашему мнению, лежит, с одной стороны, в их индивидуально-личностных особенностях (неуверенность в себе, постоянная лабильность настроения, зависимость от общественного мнения, ориентировка в большей степени на внешние воздействия и др.), а с другой — в самом адаптационном периоде.

4. В качестве дополнительного инструментария для изучения индивидуальных особенностей мотивации достижений курсантов была использована методика «Потребность в достижении», разработанная Ю.М. Орловым. Тест направлен на выявление степени выраженности потребности человека в достижении успеха в любой деятельности (в том числе учебной и служебной), степени заряженности на успех. Иными словами, это потребность, превратившаяся в личностное свойство [3]. С помощью данной методики мы классифицировали курсантов на три группы по степени выраженности у них потребности в достижении (ПД): высокий уровень (27 %), средний (56 %), низкий (17 %).

У курсантов с *высоким уровнем ПД* в большей степени проявляются адаптационные возможности и качества личности. Они всегда нацелены на успешное выполнение своей деятельности (учебной, служебно-профессиональной); для них характерен внутренний и осознанный мотив деятельности; стремление к самосовершенствованию, учебному и служебно-профессиональному росту. Эти испытуемые четко осознают собственные возможности в достижении поставленной цели; инициативны и решительны в преодолении адаптационных трудностей.

У курсантов с *низким уровнем ПД* адаптационные качества и возможности находятся на низком уровне. Реальным мотивом их учебной и служебно-профессиональной деятельности выступает стремление избежать личной ответственности и боязнь отрицательной оценки со стороны (в лице курсантов, офицеров, начальства). У них практически отсутствует интерес к процессу обучения, состязательный мотив и стремление к самосовершенствованию; превалирует мотив избегания неудач; пессимистический настрой в оценке своей деятельности; незнание и недооценка своих возможностей и способностей.

У курсантов со *средним уровнем ПД* адаптационные возможности и качества находятся на среднем уровне. У курсантов, ориентированных на достижение успеха, наблюдается способность адекватно оценивать себя и свои способности, успехи и неудачи [7]. Для них характерен реалистический уровень притязаний; развит внутренний мотив деятельности, но при этом отсутствует стремление к познанию нового или оно доминирует в одной из сфер (учебной или служебной). У курсантов с преобладанием мотива на неудачу присутствует понимание своих возможностей, но при этом часто отсутствует инициатива для достижения поставленных целей, из-за боязни отрицательного результата. Результаты учебной или служебной деятельности они относят к личностно значимым, но при внешнем одобрении социального окружения. Экспериментальные данные, полученные в ходе проведения методик «Мотивация успеха и боязнь неудачи» и «Потребность в достижении», на наш взгляд, целесообразно объединить в мотивационный блок, содержа-

щий адаптивные личностные качества курсантов (мотивация на успех/боязнь неудачи; степень выраженности потребности в достижении; заряженность на успех; уверенность в себе и своих силах и др.), непосредственно влияющие на успешность процесса адаптации.

Обобщая данные, полученные с помощью перечисленных методик, мы классифицировали курсантов по уровню развития их адаптации к учебно-воспитательному процессу ведомственного вуза и сформированности у них базисных адаптивных качеств личности.

1 группа (22 %) — высокий уровень адаптации и адаптивных личностных качеств. Курсанты этой группы легко адаптируются к новым условиям деятельности; быстро и легко совмещают учебную деятельность и служебные обязанности; достаточно быстро адаптируются к специфике учебно-служебной деятельности ведомственного вуза. Они общительны, активны в решении конфликтов и преодолении адаптационных трудностей и барьеров; динамичны в установлении социально значимых контактов (с курсниками, преподавателями, офицерами); уверены в себе и своих силах; легко воспринимают новые для них перемены в жизни; интеллектуально активны; стремятся к повышению общей эрудированности; легко и быстро осваивают новые для них формы учебной работы; имеют высокий творческий потенциал; осознанно соблюдают установленные нормы и правила поведения; имеют развитый самоконтроль.

У курсантов, принадлежащих к 1-й группе, выражена мотивация на успех; они всегда стремятся преодолеть препятствия и добиться высоких показателей в учебной и служебной деятельно-

сти; постоянно самосовершенствуются. Для них характерен высокий уровень потребности в достижении; внутренний и осознанный мотив деятельности; стремление к учебному и служебно-профессиональному росту. Они четко осознают собственные возможности в достижении поставленной цели; инициативны и решительны в преодолении адаптационных трудностей.

2 группа (53 %) — средний уровень адаптации и адаптивных личностных качеств. Основная часть курсантов этой группы обладают признаками различных акцентуаций, которые в различных ситуациях компенсируются и могут нивелироваться. Успех адаптационного периода у них зависит в большей степени от внешних воздействий. В основном такие курсанты адаптируются в одном из видов деятельности (учебной или служебной), при этом испытывая трудности в другой. Курсанты, относящиеся ко 2-й группе, формально общительны, но при этом сами не проявляют инициативу при установлении контактов; в конфликтах и при решении проблем принимают позицию выжидания. Социальные контакты не несут для них большой эмоциональной значимости; умеренно спокойны и уверены в своих силах, могут впасть в депрессивное состояние в результате критики их личностных особенностей или деятельности; склоны принимать решения, следуя общественному мнению, имея свое мнение, не стремятся доказать и навязать его окружающим. Они достаточно настороженно воспринимают жизненные перемены; уровень интеллектуальной активности носит нестабильный характер; вполне выдержанны; при повышенных нагрузках им свойственно нервное утомление; уровень

эмоциональной устойчивости зависит от степени воздействующего раздражителя; соблюдают нормы и правила поведения, внутренне не всегда принимая и соглашаясь с ними. Потребность в достижении на среднем уровне.

У курсантов этой группы мотивационный полюс не выражен; результат их деятельности (успех или неудача) в большей степени зависит от внешних обстоятельств. Курсанты, ориентированные на достижение успеха, способны адекватно оценивать себя и свои способности, успехи и неудачи; имеют реалистический уровень притязаний; достаточно развитый внутренний мотив деятельности, но при этом у них отсутствует стремление к познанию нового или оно доминирует в одной из сфер (учебной или служебной). Курсанты с преобладанием мотива на неудачу достаточно адекватно понимают свои возможности, но у них часто отсутствует инициатива для достижения поставленных целей, из-за боязни отрицательного результата; результаты своих достижений в учебной или служебной деятельности относят к лично значимым, но при внешнем одобрении социального окружения.

3 группа (25 %) — низкий уровень адаптации и адаптивных личностных качеств. Курсанты этой группы имеют низкий уровень адаптационных возможностей; испытывают трудности во всех видах деятельности; конфликтны; обладают низким уровнем нервно-психической устойчивости; могут допускать асоциальные поступки; замкнуты; необщительны; скептически настроены по отношению к окружающим; озабочены и пессимистичны в восприятии действительности; тревожны; склонны впадать в депрессивные состояния даже

при незначительных неудачах. У курсантов полностью отсутствует инициатива в принятии решения; ригидны; имеют низкий уровень эрудиции и культуры; интеллектуально пассивны; с большим трудом осваивают новые для них формы учебной работы; тяжело переживают какие-либо нововведения и изменения в окружающей действительности; имеют низкий уровень толерантности по отношению к фрустрации; им свойственна повышенная утомляемость даже при незначительных нагрузках; безответственны по отношению к выполнению установленных социальных норм, что может привести к асоциальному поведению.

У курсантов, принадлежащих к 3-й группе, выражена мотивация на неудачу; в учебной деятельности и при выполнении служебных обязанностей они всегда боятся потерпеть неудачу; нацелены скорее на отрицательный, чем на положительный результат; в случае неудач значимость обучения для них снижается. Потребность в достижении находится на низком уровне; реальным мотивом учебной и служебно-профессиональной деятельности выступает стремление избежать личной ответственности и боязнь отрицательной оценки со стороны; интерес к процессу обучения отсутствует; преобладает пессимистический настрой в оценке своей деятельности; им свойственны незнание и недооценка своих возможностей и способностей.

Таким образом, можно констатировать, что у большинства курсантов вузов ФСИН России доминирует средний уровень развития адаптации к учебно-воспитательному процессу. При этом важно обратить внимание на тот факт, что достаточно большая доля курсантов (25 %) имеют низкий уровень развития

адаптации, который может привести к дезадаптации или лжеадаптации. Решение этой проблемы видится нам в разработке и апробации в образовательном процессе вуза специальных психолого-педагогических технологий, направленных на развитие адаптации курсантов к учебной и служебной деятельности.

Литература

1. Даутова В.Ю., Резепин А.В., Михайлов В.Б. Психологическое сопровождение адаптации первокурсников к условиям учебно-служебной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2001. — № 2. — С. 44–48.

2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2004.

3. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / под ред. Д.Я. Райгородского. — Самара: БАХРАМ-М, 2000.

4. Рабочая книга практического психолога: пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. — М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001.

5. Соболев Н.Г. Психологическое обеспечение адаптации выпускников высших образовательных учреждений к службе в УИС ФСИН России: дис. ... канд. психол. наук. — Рязань, 2007.

6. Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности (для студентов, школьных психологов, учителей-предметников, классных руководителей). — СПб.: Речь, 2004.

7. Харина Н.А., Пивоварова Т.В. Личностный адаптационный потенциал сотрудников ФСИН России: диагностика, коррекция, развитие: монография. — Рязань: Академия ФСИН России, 2010.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОВЕДЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА ПРИ ИХ НАХОЖДЕНИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

М. М. Калашникова

Аннотация: в статье дан анализ психолого-педагогических исследований ответственности личности несовершеннолетних — девушек — правонарушительниц. Дана обобщенная психологическая характеристика несовершеннолетних осужденных женского пола отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Ключевые слова: ответственность, несовершеннолетние осужденные, ответственность личности, поведение, исследование ответственности, воспитательные колонии.

The summary: this article deals with the psychological and educational research of juvenile female offenders per-

sonal responsibility. The article is devoted to the generalized psychological characteristics of female juveniles serving sentences in juvenile colonies.

Keywords: responsibility, juvenile offenders, personal responsible, behavior, study of responsibility, juvenile colonies.

Категория несовершеннолетних осужденных женского пола считается наиболее сложной среди всей популяции осужденных и при небольшой численности незаслуженно редко выделяется в ранг самостоятельной в пенитенциарно-психологических публикациях, так как обычно включается в анализ в рамках более широких групп, подменяясь об-

щим названием «несовершеннолетние осужденные» или «осужденные женщины».

С 70-х годов XX в. отечественными и зарубежными педагогами и психологами активно проводятся исследования общих психологических особенностей девочек-подростков (Э. Маккоби, К. Джеклин, 1974; Т.Ю. Абаева, 1970; А.Г. Хрипкова, Д.В. Колесов, 1981; Э. Маккоби, 1986; Э. Кемпбелл, 1993; В.П. Прядеин, 1998; В.И. Новосельцев, 2004 и др.).

Так, Т.Ю. Абаева (1970), А.Г. Хрипкова и Д.В. Колесов (1981), выделяют: стремление проявлять заботу о ближнем; меньшую склонность к преобразующей деятельности; высокую восприимчивость психики, чем у мальчиков; преобладание работы по образцу, по плану; большую точность, аккуратность в работе; большую внушаемость, меньшую решительность в действиях; повышенный эмоциональный фон; большую чувствительность к межличностным отношениям, тонкое реагирование на нормы своей социальной группы. Отрицательные проявления у девочек носят более скрытый, тихий характер, они чувствительно относятся к оценкам внешности со стороны других людей, чаще возникают дисморфофобии — ложные страхи о своей физической недостаточности.

Исследования Э. Маккоби и К. Джеклин (1974), Э. Маккоби (1986) в рамках психологии развития показали, что девочки и мальчики в процессе социализации осваивают различные виды поведения. Девочки являются более адаптивными, чем мальчики. Исследователями выделены три группы различий между ними: *достоверные* — мальчики более агрессивны, более успешны в матема-

тических и зрительно-пространственных операциях, у девочек выше языковые способности; *сомнительные* — обнаруживаются в проявлении послушности, заботливости, доминантности, страхе и тревожности, общем уровне активности, соревновательности, тактильной чувствительности; *неподтвержденные*: для девочек — определяющее влияние среды на их развитие, большие внушаемость и социальность, успешность в требующих стандартного решения заданиях, меньшие самоуважение и потребность в достижении, преимущественное развитие слухового анализатора; для мальчиков — определяющее влияние наследственности на их развитие, более высокие успехи в сложных и нестандартных заданиях, аналитический познавательный стиль, преимущественное развитие зрительного анализатора [7, с. 40–46].

Исследования Э. Кемпбелла (1993) показали, что в процессе социализации у девочек формируется установка не проявлять открытой агрессии. Обнаружено, что девочки и женщины склонны использовать более скрытые, косвенные и вербальные формы агрессии. Это агрессия отношений — бойкот, злобные сплетни, тайный сговор, направленный на разрушение чьих-то дружественных взаимоотношений [2, с. 163].

Интерес для нашего исследования представляют результаты изучения ответственности личности у правопослушных девочек, проведенного В.П. Прядеиным (1998). Установлено, что им свойственно в поведении придерживаться пассивной позиции, они склонны все приписывать действию внешних причин, а при возникновении мысли об ответственности испытывать отрицательные эмоции. Для девушек характерна

достаточная степень осмысленности ответственности [19, с. 268–269]. Кроме того, по данным В.И. Новосельцева (2004), изучавшего половозрастные особенности формирования ответственности школьников в образовательной деятельности, такие качества, как добросовестность, исполнительность, во многом определяющие ответственность, легче, быстрее формируются у девочек [15, с. 54].

Перечисленные общие психологические особенности девочек на фоне их повышенной эмоциональности и импульсивности при недостаточном воспитании приводят к формированию отрицательных привычек, что в критических, экстремальных жизненных ситуациях затрудняет правильную линию поведения, контроль за своим поведением.

Психолого-педагогические исследования несовершеннолетних девушек-правонарушительниц, активно проводимые в нашей стране с 60-х годов XX в., осуществлялись преимущественно среди их представителей, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, содержащихся в спецшколах. Ряд авторов (Э.И. Дранищева, 1972; Р.К. Мамбетова, 1972; Л.И. Маленкова, 1975; С.В. Шаповалова, 1980; Т.М. Щеголева, 1988; Г.В. Сафина, 1993; С.А. Завражин, 1995, 2003; Н.А. Фомина, О.В. Тиняева, 2010) к числу психологических особенностей девочек-правонарушительниц отнесли капризность, упрямство, лживость, лень, грубость, нечестность, медлительность в восприятии, равнодушие. Авторы обращают внимание на то, что у них присутствует «манья все отрицать», они непослушные и демонстрируют много напускной зрелости, имеют неверное

понятие о девичьей красоте, но не заботятся о своем женском здоровье. Отклоняющееся поведение у несовершеннолетних женского пола проявляется в деформации смысловых отношений к людям и труду, в положительном, но неадекватном отношении к своей личности. Девочки-правонарушительницы имеют искаженные представления об образе девушки (женщины), выражающиеся в «насыщении» данного образа чертами, которые ими субъективно воспринимаются как «ценные» женские качества, но объективно они социально неодобряемы. Нравственно-смысловая сфера личности девочек-правонарушительниц характеризуется тремя видами смысловых позиций: «внутреннего протеста», «пассивного приспособления», «позитивного самоутверждения».

Э.И. Дранищевой к характерным психологическим особенностям личности девочек-правонарушительниц были отнесены: неадекватность их представлений о собственных свойствах и качествах, причем с преувеличением или преуменьшением их наличия у себя; двойственность отношения к окружающему — одновременное существование двух планов отношения к одному объекту. На основе выделенных психологических особенностей была разработана типология девочек-правонарушительниц; те, которых можно исправить, которых нельзя исправить и неустойчивые с преобладанием положительных, отрицательных свойств и качеств.

В исследовании психологии девочек-делинквентов в условиях спецучилища, проведенном Г.В. Сафиуллиной, установлено: чем выше уровень развития женственности, тем легче девочки поддаются исправлению; позитивные жиз-

ненные цели у них формируются лишь в случае трансформации личностных качеств в направлении от подчинения и послушания к самостоятельности, обособленной независимости, уверенности в своих возможностях и в себе.

Исследования С.А. Завражина подтверждают, что в качестве одной из причин асоциального поведения девочек-подростков выступает деформация традиционной модели женской социализации. Девочки оказались «более чувствительными к либерализации половой морали, кризису института семьи, нарастанию отчуждения в межличностных отношениях, криминализации среды обитания и детской субкультуры». Они активно усваивают мужское ролевое поведение, часто прибегая к агрессивным формам поведения для достижения своих целей.

Н.А. Фоминой и О.В. Тиняевой установлено, что у девочек с девиантным поведением не сформирована ответственность. Авторы указывают, что они уклоняются от ответственности в силу неустойчивости сознательного самоконтроля, по причине недостаточного понимания сути ответственности как свойства личности, необходимости его реализации в деятельности или в связи с тем, что результат не является для них личностно значимым.

Направление изучения психологических особенностей несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях, представлено немногочисленными психолого-педагогическими исследованиями О.В. Неровни (1968), И.П. Башкатова (1972, 1984), Н.А. Деевой (1977), В.М. Литвишкова (1979, 1995), Т.В. Калашниковой (1990), Н.И. Махибороды

(1992), И.Б. Бойко и Т.В. Калашниковой (1993), В.Н. Савардуновой (2000), Н.А. Хариной (2001), Л.В. Петрушиной (2007).

В диссертационном исследовании О.В. Неровни дается структурно-содержательное описание воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных женского пола, представлена типология осужденных по уровню аморальности их поведения с краткой психолого-педагогической характеристикой каждого типа [14].

Н.А. Деева, исследовавшая жизненные планы и перспективы осужденных-девушек как в период отбывания ими наказания в воспитательной колонии, так и после освобождения, отмечает, что для данной категории осужденных характерным является безразличие к своей будущей жизни (более половины из них имеют негативные близкие и далекие жизненные планы). Ею по критерию жизненных планов была разработана классификация осужденных: с адекватными социально полезными жизненными планами; завышенными социально полезными жизненными планами; с негативными близкими и далекими жизненными планами. Методика формирования позитивных и переориентации негативных жизненных планов включала в себя такие меры психолого-педагогического воздействия, как ситуации-эксперименты, собрания, конференции, производительный труд, обучение в школе и ПУ. Достоинством данного исследования явилось то, что выделенные группы осужденных и разработанные методики нашли широкое применение в практике исправления несовершеннолетних осужденных женского пола в воспитательной колонии [5].

В исследовании В.М. Литвишкова выявлено, что у несовершеннолетних осужденных женского пола не сформированы нравственные установки. В рамках апробации психолого-педагогической методики формирования нравственной установки у несовершеннолетних осужденных женского пола, базирующейся на организации дней самоуправления в колонии, доказываемая, что представление осужденным права самим решать проблемы, возникающие в течение дня, в том числе ликвидировать создающиеся «тупиковые» ситуации в деятельности, — одно из эффективных средств как изучения их психологии, так и реализации исправления и перевоспитания [10].

Т.В. Калашниковой установлено, что несовершеннолетние осужденные женского пола характеризуются наличием отрицательных установок на поведение в социальной среде колонии, что препятствует процессу их адаптации. Среди них выделены три специфические категории воспитанниц, в том числе с дифференциацией их на подгруппы:

1) осужденные с установкой на асоциальное поведение, в том числе подгруппы с установкой на роль лидера и активного члена малой отрицательной группы. Данная категория является носителем извращенных групповых норм поведения, преступных обычаев и традиций, лесбийской любви, татуирования себя и других осужденных;

2) осужденные, не имеющие определенной устойчивой установки на поведение в колонии. Они нерешительны в выборе определенного поведения, лабируют между отрицательными и положительными осужденными. Эта категория разделяется на три подгруппы: с активной неустойчивой установкой,

пассивной неустойчивой установкой и нейтральной неустойчивой установкой на поведение в колонии;

3) осужденные с установкой на положительное поведение в колонии. Они составляют ядро самостоятельных организаций, являются проводниками коллективистических отношений в колонии. Качественное соотношение осужденных в каждой категории и группе динамично и зависит от их возрастных, образовательных и социально-психологических характеристик [8, с. 57–68].

Несовершеннолетние осужденные женского пола характеризуются наличием повышенного уровня агрессивности и враждебности, по сравнению с правопослушными сверстницами. В исследовании И.Б. Бойко и Т.В. Калашниковой, проведенном с использованием адаптированных к условиям ВК тест-опросника А. Басса — А. Дарки, теста руки Э. Вагнера и теста С. Розенцвейга, выявлен повышенный уровень агрессивного поведения данной категории осужденных. С учетом особенностей личности они были классифицированы на группы по выраженности агрессии (условно агрессивные, неагрессивные и среднего уровня ее выраженности) [4].

Т.В. Калашниковой также установлено, что повышенный уровень агрессивности и враждебности влияет на адаптацию осужденных к условиям воспитательной колонии, основные трудности которой обуславливаются уходом в себя, наличием депрессивных состояний осужденных в связи с лишением свободы, невозможностью общения с близкими, друзьями. В поведении воспитанниц проявляется при этом противоречие: враждебное отношение со сверстницами, недоверие к новому, но в то же время

стремление к общению с сотрудниками колонии. Кроме того, методом формализованного наблюдения Д. Стотта выделены по степени дезадаптации ряд групп осужденных: 1) с низкой степенью дезадаптации (характерно повышение показателей по симптомокомплексу, где доминирует «враждебное отношение со сверстниками» и «сексуальное развитие»); 2) со средней степенью дезадаптации (симптомокомплекс базируется на «недостатке доверия к новому», «депрессии», «враждебном отношении к взрослым»); 3) с высокой степенью дезадаптации (завышенные показатели по всем симптомокомплексам). В указанной группе выделяется подгруппа осужденных с серьезными нарушениями механизмов личностной адаптации, где максимальные показатели (100 %) по симптомокомплексам «умственное развитие», «тревога», «враждебное отношение к взрослым» свидетельствуют о наличии у этих осужденных клинических нарушений [9, с. 74–76].

Н.И. Махиборода, изучивший формирование положительных отношений в среде несовершеннолетних осужденных женского пола, отмечает, что процесс исправления у данной категории в значительной степени зависит от правильно организованного общения между сотрудниками и осужденными, от умения воспитателей выявлять и формировать положительные отношения в среде воспитанниц и реализовывать их в воспитательном процессе. Им выделены факторы, влияющие на процесс формирования положительных отношений в среде воспитанниц, а также направления их формирования в различных сферах жизнедеятельности (учебная деятельность в общеобразовательной

школе, профессиональное образование и производственная деятельность, общественная деятельность, свободное от работы и учебы время, деятельность по закреплению достигнутых результатов с помощью новейших интенсивных методов, непосредственно связанных с психолого-педагогической коррекцией отношений в среде) [11, с. 141–142].

Несовершеннолетние осужденные женского пола имеют низкий уровень социализации. Исследование этой особенности проведено В.Н. Савардуновой в рамках проблемы пенитенциарной ресоциализации несовершеннолетних осужденных женского пола и влияния на этот процесс воспитательной системы колонии [16, с. 10]. Ею было установлено, что общая причина конкретных деформаций личности осужденных (грубость, эмоциональная холодность, вспыльчивость, неумение контролировать эмоции, поведение, злобность и агрессивность) состоит в том, что большинство воспитанниц колонии до осуждения были отчуждены от основных институтов социализации. Автор выделяет три группы осужденных с разным уровнем социализации: с достаточным уровнем социализации; с недостаточным уровнем социализации; группа десоциализированных осужденных. В практическом плане отнесение осужденной к одной из этих классификационных групп позволяет проводить целенаправленную индивидуализированную работу по ее ресоциализации.

По данным Н.А. Хариной, несовершеннолетние осужденные женского пола характеризуются низким уровнем развития волевой саморегуляции [20]. Она утверждает, что особенности динамической стороны волевой саморегуляции осужденных обусловлены силой

воли, произвольностью самоуправления, самоконтроля и локализации субъективного контроля. Выявлено, что чем выше возраст (от 15 до 18–20 лет), тем выше уровень волевой саморегуляции. По ее мнению, это объясняется повышением уровня самосознания воспитанниц, развитием волевых качеств, формированием навыков управления и контроля за поведением и деятельностью, приобретаемым опытом приспособления к специфическим условиям содержания, воспитательным воздействиям на осужденных в колонии.

Интерес для нашего исследования представляют данные автора об ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола как компонента волевой саморегуляции, изученного на основе результатов психодиагностики методикой локуса контроля. В частности, установлена корреляция внешнего локуса контроля с отсутствием силы воли у несовершеннолетних осужденных женского пола и сделан вывод, что сила воли осужденных соответствует способности принимать ответственность за события, происходящие в жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями. В целом анализ исследования Н.А. Хариной свидетельствует, что ответственность несовершеннолетних осужденных женского пола как интегральная психологическая характеристика личности комплексно ею не изучалась, так как определялась лишь степень влияния локализации субъективного контроля на систему волевой саморегуляции личности.

В связи с этим актуальны данные, полученные в других исследованиях. Так, И.П. Башкатовым установлено, что для 35 % несовершеннолетних осужденных

женского пола характерна низкая самооценка и негативное представление о себе; 42 % имеют завышенную самооценку, высокий уровень притязаний, отрицают свои проблемы, перекладывают ответственность за свое преступление на других и какие-либо внешние обстоятельства; 23 % обладают адекватной самооценкой, критично оценивают свое антиобщественное поведение, асоциальный образ жизни [3, с. 29].

Несовершеннолетние осужденные женского пола характеризуются низким уровнем сформированности эмпатических способностей. Исследование Л.В. Петрушиной позволило выделить и описать три группы осужденных: с высоким уровнем; средним уровнем; низким уровнем сформированности эмпатических способностей. Последняя группа (81 % обследуемых) характеризуется тем, что «в межличностных отношениях они более склонны судить о других по их поступкам, чем доверять своим впечатлениям; затрудняются прогнозировать развитие отношений между людьми, поэтому поступки их оказываются неожиданными. Эмоциональные проявления в поступках окружающих кажутся им непонятными и во многом не находят взаимопонимания. С иронией относятся к сентиментальным проявлениям и болезненно переносят критику в свой адрес, что не способствует развитию их коммуникативной компетентности» [18].

Отрицательные психологические особенности личности несовершеннолетних осужденных женского пола, факт изоляции их от общества, нередко длительное пребывание в условиях воспитательной колонии приводят к нарушениям здоровья. Исследования показали, что у осужденных данной категории на-

блюдаются задержки полового развития, причем установлена зависимость вероятности развития нарушений менструального цикла в условиях воспитательных колоний от особенностей их психики [17].

Если дополнить психолого-педагогические характеристики личности несовершеннолетних осужденных женского пола криминологическими, то возможно представить их обобщенный портрет.

Это осужденные, средний возраст которых составляет 16,8 года; 2/3 из них воспитывались в неблагополучных и неполных семьях (66,5 %), а каждая 10-я сирота (11 %) [6, с. 44]. Образовательный уровень низкий. Характерно опережающее физическое взросление и отставание в интеллектуальном развитии. Уровень произвольного управления поведением и деятельностью недостаточно сформирован. Межличностные отношения имеют достаточно специфические характеристики, среди которых следует выделить: отсутствие однозначной четкой иерархии в среде воспитанниц; наличие малых официальных (положительной направленности) и неофициальных (от положительной и нейтральной до отрицательной направленности) групп; своеобразную субкультуру, отражающуюся в «колонийской» моде, жаргоне, обычаях и традициях, творчестве; систематическое распространение слухов и сплетен; наличие «лесбийской» любви [1, с. 45–50]. Терпимы к половым эксцессам, высоко ценят сексуальную успешность, причем у них повышена романтичность и стремление воспроизвести что-то от идеала, которым для них является «взрослость». Имеют отрицательные установки на по-

ведение в социальной среде колонии, адаптация к которой проявляется в таких формах поведения, как конформизм, податливость, угодничество, двурушничество, лживость, стремление добиться благосклонного отношения со стороны окружающих. При этом подавляется индивидуальность, начинают говорить и действовать так, как принято в микросреде, малых группах, членами которых они являются или к которым хотели бы принадлежать [12, с. 188]. Большинство неадекватно воспринимают себя, свои поступки как до осуждения, так и в колонии. Долгосрочные жизненные планы и перспективы отсутствуют. Эмоциональные процессы доминируют над мыслительными, что часто не позволяет им объективно анализировать ситуации в социальной среде воспитательной колонии, правильно воспринимать психолого-педагогические приемы воздействия. Остро чувствуют свое социальное неблагополучие, переживают существующую межличностную напряженность и конфликтность, более восприимчивы и уязвимы, не любят упреков за содеянное. В колониях им свойственны: повышенная тревожность, импульсивность, гиперактивность, оппозиционно-вызывающее поведение, постоянная подозрительность [3, с. 29]. Склонны к внешне не мотивированным действиям. Уровень сформированности эмпатических способностей низкий. Уровень агрессивности и враждебности повышен. Характеризуются неадекватной самооценкой: или низкой, или завышенной.

Обобщение данных эмпирических исследований позволяет выдвинуть гипотезу о несформированности у несовершеннолетних осужденных женского пола ответственности как личност-

ного образования. Мы считаем, что ответственность может выступать интегральным психическим образованием личности несовершеннолетних осужденных женского пола, структурно состоящим из ценностно-мотивационного, познавательного-прогностического, эмоционально-волевого, поведенческого компонентов.

Изучение многокомпонентной структуры ответственности несовершеннолетних осужденных женского пола позволит выделить определенные типы ответственности, характеристику которых представляется важным изучить через призму защитных механизмов психики и ценностных ориентаций воспитанниц. В связи с этим считаем целесообразным опереться на точку зрения А.А. Налчаджяна, что «возможность и предвидение наказания или поощрения, особенно наказания, должны вызывать тревогу субъекта ответственности, а иногда даже страх», а «с возникновением долга и ответственности начиналось также историческое развитие тех механизмов и стратегий психической защиты, которые обеспечивают смягчение тревоги и страха» [13, с. 155]. Кроме того, важен вывод, что «ответственность имеет в своем составе ... знание и обладание какими-то ценностями. Каждая ценность и знание о ней вызывает переживание ответственности, то есть чувство и убеждение (или хотя бы мнение) о том, что я должен защищать эту ценность, сохранить ее, а если это развивающаяся ценность — способствовать ее развитию» [13].

Комплексное изучение ответственности позволит объединить все отдельные данные специфических психологических особенностей личности несовершенно-

летних осужденных женского пола. При этом психолого-педагогическая программа по формированию, воспитанию ответственности у несовершеннолетних осужденных женского пола неизбежно будет направлена не только на воспитание ответственности, но и на взаимосвязанные с ней свойства личности.

Литература

1. *Ананьев О.Г.* Составление воспитательной программы исправления несовершеннолетних осужденных женского пола в рязанской воспитательной колонии // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. — М.: Права человека, 2000.
2. *Бартол К.* Психология криминального поведения. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
3. *Башкатов И.П.* Гендерные различия в личностных характеристиках несовершеннолетних осужденных: учеб. пособие. — Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2004.
4. *Бойко И.Б., Калашникова Т.В.* Применение стандартизированного личностного опросника А. Басса — А. Дарки в практике ВТК. — Рязань: Ряз. высш. шк. МВД РФ, 1993. — 29 с.
5. *Деева Н.А.* Формирование социально значимых перспектив у несовершеннолетних осужденных женского пола как средство их перевоспитания: учеб. пособие. — Рязань, 1981. — 97 с.
6. *Жолус Б.И., Давыдова Н.В.* Гигиеническая и криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных женского пола в пенитенциарных учреждениях // Воен.-мед. журн. — 2009. — № 11.
7. *Каган В.Е.* Воспитателю о сексологии. — М.: Педагогика, 1991.
8. *Калашникова Т.В.* Характеристика социально-психологической установки и проблемы ее переориентации у несовершеннолетних осужденных // Проблемы психологии осужденных к лишению свободы. — Рязань, 1984.
9. *Калашникова Т.В.* Опыт использования карты наблюдений Д. Стотта в практике воспитательной колонии // В.Г. Деев и проблемы современной психологии: материалы II науч.-практ. конф. — Рязань, 2002.
10. *Литвишков В.М.* Формирование нравственной устойчивости в процессе перевоспитания несовершеннолетних правонарушительниц: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1980. — 19 с.
11. *Махиборода Н.И.* Формирование положительных отношений в среде несовершеннолетних

осужденных женского пола. — Рязань, 1996.

12. *Макрецов А.И., Новиков В.В.* Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: учеб.-метод. пособие. — М.: НИИ ФСИН России, 2006.

13. *Налчаджан А.А.* Атрибуция, диссонанс и социальное познание. — М.: Когито-Центр, 2006.

14. *Неровня О.В.* Воспитание в коллективе и индивидуальный подход к воспитанницам детской колонии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1968.

15. *Новосельцев В.И.* Формирование ответственности школьников в межличностных отношениях: учеб.-метод. пособие. — Белгород: Гос. ун-т, 2004.

16. *Савардунова В.Н.* Влияние воспитательной системы на ресоциализацию несовершеннолетних женского пола в период отбывания наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2000.

17. *Супряга А.А.* Особенности становления репродуктивной системы девочек-подростков, пребывающих в условиях воспитательной колонии (комплексное медико-социальное и клинико-статистическое исследование): дис. ... канд. мед. наук. — М., 2008. — 219 с.

18. *Петрушина Л.В.* Основные теоретические подходы, используемые при изучении социально-психологических особенностей эмпатии несовершеннолетних осужденных женского пола // Девиантное поведение подростков: гендерное измерение / под ред. А.А. Романова, Т.В. Калашниковой. — Рязань: РГПУ, 2003. — С. 106–112.

19. *Пряедин В.П.* Половозрастные особенности ответственности личности. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998.

20. *Харина Н.А.* Психологические особенности волевой саморегуляции несовершеннолетних осужденных женского пола: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Рязань, 2001. — 23 с.

ВЛИЯНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ СРЕДЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

Е. Л. Сучкова

Аннотация: в статье рассматривается влияние специфической среды (мест лишения свободы) на содержание правосознания осужденных, анализируются условия конструирования социальных представлений, посвященных осмыслению значимых для данной общности правовых явлений.

Ключевые слова: правосознание осужденных, тюремная субкультура, социальные представления, правовые представления, коллективный копинг.

Summary: the influence of specific environment in correctional institutions on the content of law consciousness among convicts is reviewed in the article. The constructing conditions of social representations in comprehension of some significant legal phenomena for this community are examined in the article.

Key words: convicts' law consciousness, prison subcultural, social representations, law representations, collective coping.

В местах лишения свободы под влиянием условий исполнения наказаний формируется особая специфическая криминогенная среда. Выделяются несколько основных факторов, формирующих криминогенность исправительных учреждений: во-первых, пенитенциарная или тюремная субкультура, которая десятилетиями вырабатывалась преступниками, формировалась и совершенствовалась в местах лишения свободы; во-вторых, изоляция осужденных в местах лишения свободы; в-третьих, микросоциальная среда в ИУ (осужденные обмениваются своим преступным

опытом, по существу — для некоторых из них отбывание наказания является своеобразными «курсами повышения квалификации») [3, с. 33–34].

Уголовно-исполнительная политика и тюремная субкультура находятся в обратно-пропорциональной зависимости: чем большая сфера отношений осужденных регулируется государством, тем меньше поле деятельности у тюремной субкультуры, и, наоборот, чем пассивнее уголовно-исполнительная политика государства, тем большую значимость в жизни осужденных имеет тюремная субкультура [5, с. 29–30]. Реформы 90-х годов, повлекшие за собой ослабление государственной власти и последующая за этим стремительная криминализация российского общества, привели к тому, что тюремная субкультура значительно упрочила свои позиции в местах лишения свободы, а отдельные ее элементы широко распространились среди населения.

В местах лишения свободы тюремная субкультура является по сути аналогом официальной правовой системы. По мнению Г.Ф. Хохрякова, неформальная нормативная система осужденных не только конкурирует с формальными правовыми предписаниями к поведению, но и возникает в связи с ними и одновременно в противовес им: она наиболее развита и устойчива. У осужденных «наблюдаются не просто дефекты правосознания, не своеобразный правовой вакуум, а нечто иное, что является основой для создания своей нормативной системы. Иными словами, им присуще свое правопонимание. Неформальные нормы поведения как бы подменяют собой правовые, а групповое нормативное сознание заполняет пустоты, которые об-

разовались в силу неразвитости правового и нравственного сознания» [9, с. 7]. Основной предпосылкой формирования группового морального и нормативного сознания Г.Ф. Хохряков считает представления самих осужденных о справедливости, которое они вынесли из своего жизненного опыта. Их понимание справедливости лишает действующее право поддержки и отдает ее неформальной нормативной системе.

Попробуем разобраться в том, почему неформальная нормативная система, существующая в контексте тюремной субкультуры, так близка и понятна осужденным. Одной из причин этого, на наш взгляд, является представленность в групповом правосознании осужденных обыденных правовых взглядов населения, опирающихся на традиционный опыт.

Для изучения правосознания осужденных мы привлекли методологический аппарат концепции социальных представлений. В отечественной психологии концепция социального представления использовалась в качестве методологической основы изучения особенностей российского менталитета. Теоретический анализ проблемы и полученные эмпирические данные позволили прийти к выводу о том, что практически большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания, кроме науки — образованы совокупностью соответствующих представлений [2, с. 96–97]. Методологический аппарат теории социальных представлений позволяет изучать содержание правовых представлений осужденных, рассмотреть влияние среды и социальных особенностей данной группы на специфику процесса

репрезентации социальных представлений. Мы предполагаем, что именно социальные правовые представления, имеющие корни в культуре и истории, сконструированные в ходе дискурса и в контексте норм и правил тюремной субкультуры, выполняющие мировоззренческие функции, негативно воздействуют на правовое сознание тех осужденных, которые еще не разделяют «картину мира», присущую данной общности.

Проведенные нами исследования по изучению представлений осужденных в правовой сфере показали, что по мнению почти половины респондентов, граждане России негативно относятся к деятельности судебных органов («можно откупиться»; «не доверяют»; «презрительно»). Более четверти опрошенных утверждают, что граждане России в целом относятся положительно к деятельности судов, но с небольшими оговорками. Так, половина из них полагает, что положительное отношение присутствует только у тех людей, которые лично не сталкивались с деятельностью судебных органов. Почти четверть опрошенных считает, что к деятельности судов россияне относятся с настороженностью, но это зависит от приговора, который выносит суд. Подавляющему большинству осужденных известны случаи необоснованного осуждения или оправдания людей, произошедшие за последние годы. Они обосновывают это тем, что «не работают правоохранительные органы, прокуратура, суды»; присутствуют «некомпетентность сотрудников» и «коррупция в рядах сотрудников и судей»; «деньги и власть, которые решают многое»; «был бы человек, а дело найдется» [8, с. 35].

На вопрос о том, как связаны такие понятия, как «справедливость» и «за-

кон», ответы распределились следующим образом. Более половины (55%) респондентов считают, что социальное значение правовых норм заключается в регуляции взаимоотношений в обществе на основе справедливости, но при этом отмечают, что в реальности это не соблюдается («закон должен стоять на страже справедливости, но сейчас зачастую законы создаются для тех, кто их создает, чтобы они обслуживали их», «закон нужен, а то мы поубиваем друг друга, но он далеко не всегда справедлив»; «мы совершили преступление, нарушили закон, за это нас наказали — это справедливо; но в то же время те, кто его создает — нарушают его», «раз закон наказывает человека — он должен быть справедлив, но так бывает далеко не всегда, судьи ведь тоже люди»).

В представлениях части опрошенных осужденных (38%) «закон» и «справедливость» вообще являются диаметрально противоположными понятиями, никак не связанными между собой. При этом явный приоритет отдается нормам справедливости («никак не связаны: закон — это набор установленных правил, а справедливость — это индивидуальный подход», «в России это антонимы», «на данный момент они очень далеки друг от друга; в законе прописано, что должно быть так и так, а на деле все намного сложнее»; «если бы была хоть какая-то законная справедливость — меня бы здесь не было») [8, с. 44].

Остановимся на рассмотрении тех элементов правовых представлений, которые широко представлены в общности осужденных и сравним их с теми, которые присутствовали в правовом менталитете крестьян, составлявших большинство населения страны. Как было по-

казано выше, большинство осужденных отрицательно оценивают деятельность судебной системы, считая несправедливым назначенное им судом наказание.

В крестьянской среде наказание воспринималось как самая радикальная мера разрешения конфликта. Обеспечение социального контроля в общине осуществлялось по воссоединяющей модели, посредством публичного и опосредованного осознания чувства стыда, развития внутрисемейного регулирования и неформального контроля над противоправным поведением. «Мир» относился к преступнику как сложной целостной личности и простому грешнику. Некоторые санкции являлись прямым выражением социальных чувств и предотвращали состояние общественной дисфории, вызванной противоправным деянием. Другие наказания применялись для компенсации моральных и материальных потерь пострадавшего от преступления и восстановления общинной гармонии. Основной целью обычных правовых наказаний было исправление нарушителя и реинтеграция его в общину до того, как девиантность успевала стать основной характеристикой человека [10, с. 49–50].

Таким образом, наказание в обычном праве крестьян являлось крайней мерой, и в любом случае его целью было предоставление человеку выбора — оставаться в общине или продолжать преступный путь. Осужденные очень часто указывают на то, что общество не предоставило им возможность выбора, а сразу применило достаточно суровые санкции. Рассуждая о несправедливости понесенного ими наказания, осужденные указывают на то, что в суде «не посмотрели на меня как на человека», «не

учли все обстоятельств жизни», «судья не принял во внимание интересы участников дела».

При сопоставлении указанных представлений с принципами, по которым отправляли правосудие общинные суды, видно много общего. В народной юстиции существовало три основных принципа: «глядя по человеку», «глядя по его хозяйству» и «приоритет общинных интересов». Принцип «глядя по человеку» выражается в том, что при рассмотрении конфликтных ситуаций принимались во внимание личные качества спорящихся, учитывались их положительные личные качества. Немаловажным в крестьянском правовом быту был принцип «глядя по хозяйству», предусматривавший непременность сохранения его целостности и платежеспособности. Строгое соблюдение этого принципа обеспечивалось круговой порукой. Народные судьи, осведомленные об имущественном положении истца и ответчика, учитывали его при вынесении приговора. Принцип «приоритет общинных интересов» заключался в том, что любую сделку, угрожающую интересам общины, отменяли решением схода. С этой же целью заставляли потерпевшего пойти на примирение или, наоборот, запрещали мировую, а также давали «прощение» виновному вне зависимости от характера преступления и согласия потерпевшего [6, с. 98–100].

Противостояние осужденных с официальной системой права усиливается при рассмотрении вопроса об оправданности широкого судебного усмотрения. «Разрывы сроков лишения свободы в минимальных и максимальных границах многих санкций в десять и более лет, а в суммах штрафа в сотни тысяч рублей предоставляют суду (судье) право без

объяснения причин определять по своему усмотрению срок лишения свободы или размер штрафа, и несомненно, это создает условия для взяточничества и коррумпированности» [4, с. 215]. Многие осужденные отмечают, что, несмотря на схожий состав преступления, сроки лишения свободы могут существенно варьироваться, что усиливает ощущение несправедливости всего, что связано с уголовным наказанием.

Рассматривая теневое правосудие, функционирующее в местах лишения свободы, А.Н. Олейник указывает на то, что повышение роли смотрящих в тюремной среде, произошедшее в постсоветский период совпало по времени с уменьшением насилия в исправительных учреждениях [7, с. 186–187]. По приводимым им данным, вмешательство смотрящих в конфликты, возникающие между осужденными, только приветствуются самими осужденными. Осужденные считают, что вмешательство смотрящих соответствует их интересам в большей степени, чем власть представителей администрации.

Как можно объяснить эту готовность и желание принять посредничество смотрящих в повседневных конфликтах? А.Н. Олейник, пытаясь ответить на этот вопрос, пишет о том, что основная задача смотрящих заключается в разъяснении и толковании понятий, в обеспечении их выполнения на основе понимания. При этом акцент делается на понимании и объяснении, что придает понятиям значительную гибкость, позволяет каждый раз адаптироваться к специфическим условиям конкретного взаимодействия. Во время бесед со смотрящими четко проявилась их тенденция к противопоставлению, с одной стороны,

жесткого и статичного характера официального закона и, с другой стороны, гибкости и динамизма понятий. «Если отталкиваться от понятий, то может получиться много крови. Будут резко подходить к любому вопросу. А есть людское. Чисто по-человечески к нему относиться. Ты его три раза предупреди, четыре» [7, с. 187–188]. Такой подход, на наш взгляд, опирается на те же идеи, на которые опиралось общинное правосудие — человек должен определиться, хочет ли он осознанно соблюдать нормы, принятые в сообществе, понимая и принимая их требования, или выберет путь отклонения от них.

А.Н. Олейник делает интересное замечание о том, что гибкость понятий не является чем-то заданным изначально, она обеспечивается всей совокупностью процедур принятия смотрящими решений. Без опоры на эти процедуры понятия легко превращаются в неформальный аналог формальных норм, жесткость которых часто требует насилия как условия применения. В своих решениях, помимо понятий, смотрящие ориентируются на так называемое «людское». Они видят в этом гарантию гибкости норм, которые всегда должны интерпретироваться по-человечески, по-людски [7, с. 189–190]. Как уже отмечалось выше, осужденные часто критикуют систему официального правосудия именно за поверхностный характер решений, за неспособность принимать во внимание конкретные обстоятельства того или иного поступка. Таким образом, неформальная нормативная система, функционирующая в местах лишения свободы, оказывается психологически близка к традиционным правовым представлениям, бытующим

в обыденном правовом сознании населения.

Среди внешних условий конструирования представлений, посвященных осмыслению значимых для данной общности правовых явлений, можно отметить далеко не однозначную правовую действительность. На протяжении многих лет в России наблюдался правовой вакуум, когда законы не соблюдались, а правоохранительные органы часто выполняли роль статистов, со стороны наблюдающих за происходящим. Кроме того, «в ходе следствия и в судебном процессе зачастую не выясняется личностный смысл, которым руководствовался совершающий преступление и в котором отражается соотношение мотива деяния и его цели. Происходит это потому, что даже самые заинтересованные в достоверной информации лица (следователи, прокуроры, судьи и т.д.) могут в процессе анализа фактов руководствоваться побочными целями: желанием уложиться в установленные сроки расследования, не оставить преступление нераскрытым и пр.» [9, с. 65]. А если все эти лица не заинтересованы? Таким образом, противоречивая правовая действительность как советского периода, так и периода кардинальной смены модели общественного устройства, совместно с процессуальными нарушениями норм процедурной справедливости и формируют отрицательный опыт осужденных в сфере взаимодействия с правовыми институтами.

Процесс конструирования социальных правовых представлений в среде осужденных протекает в условиях интенсификации межличностной коммуникации в условиях социальной изоляции, а также под влиянием действующих в

среде осужденных универсальных нормативных и понятийных систем, регулирующих их повседневную жизнь.

Поскольку тюремная субкультура противостоит официальным правовым нормам, социальные представления, сконструированные под ее влиянием, могут выступать как «защитный механизм» в условиях межгрупповой дискриминации и открытого межгруппового конфликта. Осужденные осознают тот разрыв, который образовался между ними и обществом, понимают, что значимость их личности в глазах общества понизилась. В ситуации социальной дискриминации происходит трансформация внутригрупповых дискурсов (или социальных представлений), которые направляются на восстановление и защиту прежнего статуса группы. Отсутствие возможности сменить принадлежность к общности заставляет осужденных интенсивно наделять ценностями свое собственное сообщество. «Наделение происходит согласно простому правилу: общество в лице его обыденного сознания отнимает у осужденных возможность считаться полноценными личностями, а те в лице их группового сознания отказывают обществу в справедливости, равенстве приписывая их себе» [9, с. 37]. Таким образом, правовые представления осужденных можно рассматривать как результат коллективного копинга.

Совершенно очевидно, что совместное отбывание наказания преступников с богатым криминальным опытом и преступников, впервые совершивших преступление и не имеющих такого опыта, является неэффективным, нерациональным и не отвечает задачам исправления и перевоспитания. Все вышеиз-

ложенное позволяет говорить о том, что вынужденное «включение» осужденного во время нахождения в местах лишения свободы в социальную среду, регулируемую нормами тюремной субкультуры, оказывает существенное негативное влияние на правосознание осужденных. Социально-правовой контроль нейтрализуется не только психологическими защитными механизмами, с помощью которых индивид оправдывает свое поведение, но и с помощью группового сознания осужденных, представленного в принципах и нормах тюремной субкультуры и являющихся групповым коллективным «копингом», ослабляющим действие права.

В настоящий момент российскую пенитенциарную систему можно охарактеризовать как комбинацию прогрессивной системы и модели лагерей, поскольку принцип массового заключения совмещен с дифференциацией режимов и условий содержания [7, с. 80–81]. Принятая в 2010 году «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» как раз направлена на преодоление существующей ситуации. Для профилактики криминального заражения «предусматривается раздельное содержание осужденных к лишению свободы, способных к ресоциализации с учетом тяжести и общественной опасности совершенных ими преступлений, сведений об их личности, поведения в местах лишения свободы, отношения к совершенному преступлению, с одной стороны, и осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, прочно усвоивших и распространяющих элементы поведения криминальной среды, с другой стороны» [1, с. 8].

Предусмотренное данным документом «изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания, постоянного пребывания осужденных в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных» [1, с. 7], также должно способствовать ослаблению влияния тюремной субкультуры на правосознание осужденных.

В целом, указанные меры должны способствовать нейтрализации влияния неформальных норм поведения, присутствующих в субкультуре мест лишения свободы. Поскольку в тюремной субкультуре противостояние действующей системе права объясняется моральными соображениями, основанными на принципах справедливости, крайне важно, чтобы сотрудники, чья деятельность связана со взаимодействием с осужденными, руководствовались в процессе своей повседневной работы нормами справедливости, имели навыки справедливого управления. Говоря образно, «размыть» значимость неформальных норм для осужденных можно только тогда, когда в исправительном учреждении сотрудниками неукоснительно соблюдаются законы, а все поощрения и наказания, разборки конфликтных ситуаций происходят с соблюдением норм справедливости, составляющих основу всех без исключения регуляторов общественных отношений.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 года № 1772-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года».

2. Абульханова К.А. Социальное мышление личности. // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. — М., 2002.

3. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: Автореферат на соискание ученой степени докт.юрид.н., 12.00.08. — Тамбов, 2009.

4. Дзигарь А.Л. Критический анализ уголовно-правовых санкций. — Ростов н/Д., 2004.

5. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. — СПб., 2006.

6. Меняйло Д.В. Правовой менталитет. Дис... канд.юрид.наук: 12.00.01. — Волгоград, 2003.

7. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. — М., 2001.

8. Сучкова Е.Л. Методики психологического изучения правовых представлений и установок осужденных. — Вологда, 2009.

9. Хохлаков Г.Ф. Формирование правосознания осужденных. — М., 1985.

10. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — XX века: историко-правовой аспект: Автореферат на соискание ученой степени докт.юрид.н., 12.00.01. — Ростов-н.Д., 2009.

ЛИЧНОСТНАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ *

Е. А. Евстафеева

Аннотация: автором рассматривается проблема личностной беспомощности как одной из психологических детерминант деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Описывается понятие и содержание выученной и личностной беспомощности в отечественной и зарубежной психологии. Приводятся результаты исследования личностной беспомощности и самостоятельности у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: личностная беспомощность, выученная беспомощность, тревожность, депрессия, пессимистическая оценка, оптимистичность, самооценка, сотрудник уголовно-исполнительной системы, профессиональная деятельность сотрудника УИС.

The summary: the author examines the issue of personal helplessness as one of the psychological determinants of destructive behavior of employees of the correctional system. Describes the concept and content of learned helplessness and personal helplessness in the domestic and foreign psychology. Results of study of personal helplessness and self-dependence among the staff of the correctional system.

Keywords: personal helplessness, learned helplessness, anxiety, depression, a pessimistic estimate, optimistic, self-evaluation, an employee of the penal system, professional activity staff of the correctional system.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта РГНФ «Исследование показателей личностной беспомощности как одной из детерминант деформации правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы», проект № 11-06-18016е.

Негативное влияние на изменение личностных качеств и поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы наряду с внешними условиями среды оказывает содержание их профессиональной деятельности. По этой причине в работе сотрудников могут возникать такие состояния, которые нередко затрудняют их деятельность, делая ее неэффективной (состояние эмоциональной напряженности, тревога, неуверенность и пессимизм, неверие в то, что их работа может иметь успех, инфантилизм). Такое состояние можно определить как беспомощное. Однако помимо этого состояния, у сотрудника, пришедшего на службу в исправительное учреждение, может быть сформированная личностная беспомощность, то есть устойчивое качество субъекта. Подобное качество может привести к неэффективной деятельности уже в первое время службы.

В психологии на данный момент можно выделить два основных направления изучения беспомощности в естественных, а не в лабораторных условиях. Это исследования выученной и личностной беспомощности, то есть устойчивой психологической характеристики личности. Выученная беспомощность изучается в зарубежной психологии в следующих направлениях: ее связь с академическими успехами (G.L. Petiprin, M.E. Johnson, K. DeMoss и др.) [4], жизненными событиями (M. Seligman, C.S. Raps, K.E. Reinhard), роль атрибутивного стиля в возникновении выученной беспомощности (J. Teasdale, J. Kuhl, M. Weiss, I. Miller, W. Norman, M. Seligman), половые и возрастные особенности выученной беспомощности (J.S. Girus, M. Seligman и др.), связь

выученной беспомощности и депрессии (M. Seligman, N. Kaslow, L. Abramson и др.), а также изучаются возможности коррекции и профилактики выученной беспомощности (C. Dweck, N. Repucci, S. Valins, M. Seligman и др.) [5].

Под выученной беспомощностью следует понимать психологическое состояние, которое проявляется в нарушениях эмоциональных, мотивационных и когнитивных процессов, возникающее как следствие непредсказуемых и неподконтрольных негативных событий (L. Abramson, S. Maier, M. Seligman, R. Solomon, J. Teasdale и др.) [3].

В отечественной психологии понятия выученной и личностной беспомощности соотносятся между собой как состояние и свойство. Термин личностной беспомощности был введен Д.А. Циринг. Под личностной беспомощностью следует понимать качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности. Личностная беспомощность проявляется в замкнутости, эмоциональной неустойчивости, робости, возбудимости, склонности к чувству вины, фрустрированности, более низком уровне притязаний, отсутствии увлеченности каким-либо делом, равнодушии, пассивности. Она также проявляется в де-

тельности, обуславливая снижение ее успешности.

Формирование личностной беспомощности связано с глобальным отношением личности к миру и себе, складывающимся с раннего детства [1, с. 21–22]. У человека с личностной беспомощностью возникает состояние беспомощности практически в каждой трудной ситуации, в том числе юридически значимой. В качестве противоположного качества выступает самостоятельность. Они соотносятся друг с другом как два полюса одного континуума. Высокий уровень выраженности одного качества определяет низкий уровень выраженности другого [3].

Сотрудник с личностной беспомощностью является недостаточно психологически подготовленным к действиям в экстремальных ситуациях, которые имеют место в пенитенциарных учреждениях. В свою очередь, предпосылками к образованию личностной беспомощности могут стать непредсказуемые и неподконтрольные условия профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (повышенная угроза жизни и здоровью, ответственность за принимаемые решения, внезапность наступления тех или иных сложных для принятия обоснованных решений ситуаций). Опыт неподконтрольных негативных событий вызывает ожидание неподконтрольности событий и в будущем. У субъекта формируется убеждение в том, что и в будущем он не сможет справиться с возникшими трудностями. Как отмечает Д.А. Циринг, неподконтрольные для субъекта травмирующие события — один из факторов формирования личностной беспомощности. На процесс ее становления оказывают

влияние также наследственность, нарушения в системе семейных взаимоотношений, среда, целенаправленное воспитание и собственная активность человека [3].

Наши исследования по Челябинской, Тюменской и Курганской областям показали, что около 25% сотрудников приходят на службу в УИС с признаками личностной беспомощности (из 670 сотрудников мужского и женского пола). Диагностическими показателями этого являлась совокупность таких критериев, как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Самостоятельность определялась при противоположных показателях. Диагностировались в данном случае не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка как таковые, а целостная (системная) характеристика личности, проявляющаяся сочетанием упомянутых личностных особенностей. В исследованиях Д.А. Циринг была доказана правомерность использования указанных психологических характеристик в качестве диагностических и их целостность, то есть такая взаимосвязь диагностических показателей, которая подтверждает, что сочетание приведенных показателей диагностирует особый психологический феномен, несводимый к каждому из отдельных показателей [3].

Показатели личностной беспомощности диагностировались с помощью методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), авторами которой являются Ф.Б. Берёзин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец. Для ее изучения наибольший интерес представляют только несколько диагностических шкал ММИЛ: вторая шкала «Депрессивные

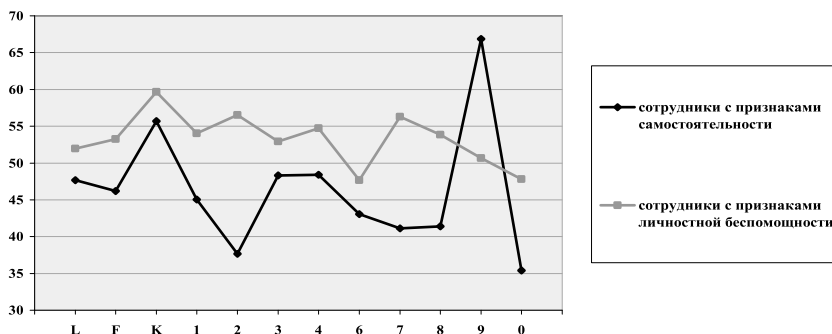

Рис. 1. Профили личности сотрудников УИС с признаками личностной беспомощности и самостоятельности по показателям шкал ММИЛ

тенденции»; седьмая шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»; девятая шкала «Отрицание тревоги». Показатели второй шкалы дают оценку таким явлениям, как тревога, пессимистическая оценка перспективы, пониженная самооценка, неуверенность, депрессия. Седьмая шкала касается диагностики тревожности, неуверенности в себе. Показатели девятой шкалы позволяют получить оценку таких явлений, как оптимистичность, активность, общительность, непринужденность.

Следует отметить, что для полного изучения структуры личностной беспомощности мы проводили психодиагностику когнитивных, мотивационных, эмоциональных и волевых компонентов личности. К сожалению, в рамках данной статьи отсутствует возможность описать полностью полученные результаты. Для исследования структуры личностной беспомощности использовались следующие методики: методика исследования адаптивных стратегий поведения А.Н. Мельникова; методика исследования уровня субъективного контроля в адаптации Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинд; методика исследования мотивации достижения

успеха и избегания неудач Т. Элерса; цветовой тест Люшера; краткий отборочный тест Вандерлика, Отиса; метод цветowych метафор И.Л. Соломина. Также для получения и обработки данных, описанных ниже, мы использовали математические методы статистического вывода: дисперсионный анализ (ANOVA), критерий t -Стьюдента, критерий T -Вилкоксона и корреляционный анализ (коэффициент корреляции r -Пирсона).

У сотрудников с признаками личностной беспомощности наблюдается выраженное сочетание повышения профиля на второй и седьмой шкале, а также выраженное понижение на девятой шкале (рис. 1).

На основании полученных данных были выделены две основные группы испытуемых. Сотрудники с признаками личностной беспомощности (115 чел.) и полярная ей группа сотрудников с признаками самостоятельности (127 чел.). Остальные группы с промежуточными значениями. В группе сотрудников с признаками личностной беспомощности наблюдались высокие значения тревоги, тревожности, пониженной самооценки, пессимистической оценки

перспективы, депрессивных тенденций, неуверенности в себе, сниженной активности и оптимизма, а низкие значения перечисленных признаков в группе сотрудников с признаками самостоятельности. По показателям трех основных шкал обнаружены на высоком уровне статистической значимости различия между группами сотрудников с личностной беспомощностью и самостоятельностью ($p \leq 0,001$).

Сотрудники, профиль которых главным образом повышается на второй шкале ($\chi=56,51$), характеризуются как пессимистичные, замкнутые, молчаливые, застенчивые или чрезмерно серьезные (рис. 1). Они могут выглядеть как ушедшие в себя и избегающие контактов. Однако в действительности характеризуются постоянной потребностью в глубоких и прочных контактах с окружающими. Если система установившихся связей с другими людьми нарушается, то такая ситуация воспринимается ими как катастрофическая. Снижение показателей на второй шкале наблюдается в группе сотрудников с признаками самостоятельности ($\chi=37,65$). Для них характерен низкий уровень тревоги, они активны и общительны, испытывают ощущение своей значимости.

Пик профиля на второй шкале сохраняется, если тревога устраняется при нарастании депрессии [2]. Характер профиля сотрудников с личностной беспомощностью указывает на преобладание депрессивных тенденций над тревогой. Об этом свидетельствует снижение профиля сотрудников на девятой шкале «Отрицание тревоги» (рис. 1). По мнению Ф.Б. Берёзина, депрессия сопровождается снижением уровня побуждения и может рассматриваться как

способ устранения вызвавшей тревогу фрустрации путем снижения уровня побуждений за счет обесценивания исходной потребности. У данных сотрудников выражены утрата интересов, ощущение безразличия, *недостаток побуждения к активной деятельности*. Для них характерны реакции, сопровождающиеся чувством вины, гневом, направленным на себя, аутоагрессией. Как отмечает Ф.Б. Берёзин, крайняя степень такой реакции может быть выражена в суицидальных тенденциях. Все это в совокупности признаки деструктивного поведения. Выраженное повышение профиля на седьмой шкале сотрудников с признаками личностной беспомощности свидетельствует о наличии тревожности, сензитивности, неуверенности в себе, пониженной самооценки и стремления избежать вероятных опасностей.

Сотрудники УИС с выраженным повышением профиля по седьмой шкале характеризуются низкой способностью к вытеснению и повышенным вниманием к отрицательным сигналам ($\chi=56,3$). Они стремятся удержать в центре внимания даже несущественные факты, учитывать и предвидеть даже маловероятные возможности. В результате ситуация никогда не представляется достаточно определенной, что еще более усиливает постоянную тревожность. Чем более выражены эти черты, тем меньше способность выделять в совокупности фактов действительно важное и существенное абстрагироваться от малозначимых деталей. Такая неспособность дифференцировать реально значимое и неважное связана с тем обстоятельством, что при высоком уровне бодрствования, характерном для состояний тревоги, отмечается измене-

ние нормального соотношения между значимыми сигналами и фоном. Фон утрачивает нейтральность, круг стимулов, получающих эмоциональную значимость, неограниченно расширяется. Это обуславливает наличие сомнения, беспомощность при принятии решения, тревогу и страхи по поводу возможных последствий. Поскольку каждый новый стимул воспринимается как угрожающий, возникает стремление держаться уже известного направления.

В своей деятельности лица с повышенным профилем по седьмой шкале руководствуются, как правило, стремлением избежать неудачи. Подобное ограничительное поведение определяется страхом навлечь на себя опасность неверными действиями или потерпеть неудачу в результате допущенной ошибки, отсюда *отказ от деятельности* [2]. Они стремятся контролировать успешность деятельности, если это возможно, с помощью разработки высокого внутреннего стандарта. Ситуации с непредсказуемым исходом, быстрой сменой действующих факторов, неупорядоченные и не поддающиеся планированию и контролю, являются для сотрудников с личностной беспомощностью стрессовыми. Низкие показатели по седьмой шкале наблюдаются в группе сотрудников с признаками самостоятельности ($x=41,14$). Они характеризуются решительностью, гибкостью поведения и низким уровнем тревожности.

Следует отметить, что профиль сотрудников с личностной беспомощностью характеризуется сочетанием пиков на второй и седьмой шкалах (рис. 1). Такой тип профиля показывает, что пониженная самооценка, пессимистическая оценка перспективы более выражены и

стабильны и сочетаются с постоянной внутренней напряженностью, тревогой. Также наблюдается снижение профиля на девятой шкале. Это свидетельствует о снижении продуктивности, инициативы и ощущении подавленности в сочетании с мрачной окраской ситуации и перспективы, низкой самооценкой и ощущением беспомощности.

Девятая шкала получила у авторов название «Отрицание тревоги». По результатам нашего исследования, низкие значения по данному параметру обнаружены у сотрудников с признаками личностной беспомощности ($x=50,6$). Низкий уровень профиля на девятой шкале у таких сотрудников отражает недостаток побуждений, пессимистическую оценку перспективы, неспособность испытывать удовольствие, снижение активности, легко возникающее чувство вины и низкую самооценку. Повышение показателей по указанной шкале наблюдается у сотрудников с признаками самостоятельности ($x=66,87$). Эти сотрудники характеризуются оптимистичностью, общительностью, способностью к высокой активности.

Проведенный корреляционный анализ основных показателей личностной беспомощности позволяет дополнить характеристику исследуемого параметра у обследованных групп сотрудников УИС.

В результате корреляционного анализа на выборке сотрудников УИС обнаружены взаимосвязи между показателями второй, седьмой и девятой шкал ММИЛ. Значения второй шкалы имеют положительную высокую корреляцию со значениями по седьмой шкале ($r=0,522$; $p \leq 0,001$), которая в свою очередь имеет корреляционную связь со значениями

девятой шкалы ($r=0,180$; $p \leq 0,001$). При этом показатели девятой шкалы имеют отрицательные корреляционные связи с показателями второй шкалы ($r = -0,133$; $p = 0,001$). Иными словами, повышение показателей по второй шкале одновременно сопровождается понижением на девятой, и наоборот. Полученные результаты свидетельствуют о совместной изменчивости трех переменных и валидности использования этих переменных в качестве диагностических критериев личностной беспомощности.

Таким образом, сотрудники с признаками личностной беспомощности характеризуются пессимистической оценкой ситуации и перспектив, повышенной тревожностью, отличаются депрессивными тенденциями, заниженной самооценкой и активностью. Перечисленные личностные образования не могут способствовать успешной деятельности сотрудников УИС в экстремальных условиях исправительных учреждений.

Дальнейшее исследование личностной беспомощности было связано с обнаружением изменений значений ее признаков в процессе службы у сотрудников УИС. Мы предполагаем, что личностная беспомощность может формироваться у сотрудников при неблагоприятных, непредсказуемых и неподдающихся контролю условиях, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Одним из способов подтверждения нашей гипотезы стал метод сравнения показателей личностной беспомощности у сотрудников при поступлении на службу и через определенный срок службы. Первичные результаты диагностики личностной беспомощности с помощью ММИЛ у сотрудников УИС собирались с 2003 по 2009 год, при

поступлении на службу. На данном этапе формировалась выборка испытуемых с признаками личностной беспомощности и самостоятельности по показателям некоторых шкал ММИЛ. В 2010 г. была проведена повторная диагностика показателей личностной беспомощности на той же самой выборке испытуемых. Дальнейшая задача состояла в проведении сравнительного анализа показателей личностной беспомощности у сотрудников с признаками личностной беспомощности и самостоятельности, полученных при поступлении на службу и через определенный срок. Для этого использовался непараметрический метод сравнения двух зависимых выборок (критерий Т-Вилкоксона). В результате обнаружены различия по уровню выраженности некоторых показателей личностной беспомощности, полученных до и после у сотрудников УИС, имеющих при поступлении на службу признаки самостоятельности, то есть полярные значения личностной беспомощности (повышенную самооценку, низкий уровень тревожности, отсутствие депрессивных тенденций, оптимизм). Средний срок службы сотрудников данной группы составил 3,5 года.

В частности, уровень выраженности тревоги, пессимистической оценки ситуации, депрессивных тенденций, пониженной самооценки (показатели второй шкалы ММИЛ) у сотрудников с признаками самостоятельности для второго полученного профиля статистически значимо выше, чем для первого ($T = -2,24$; $p \leq 0,05$). Уровень выраженности личностной тревожности (показатель седьмой шкалы ММИЛ) у сотрудников с признаками самостоятельности для второго профиля значимо выше, чем для

первого профиля личности ($T = -1,95$; $p \leq 0,05$). Таким образом, сотрудники с признаками самостоятельности, которые характеризовались как оптимистичные, активные, решительные, с низким уровнем тревожности, отсутствием депрессивных тенденций при поступлении на службу в УИС, через определенный срок службы обнаруживают в профиле личности повышение показателей тревожности, пессимистичности, депрессивных тенденций, неуверенность в себе, сниженную самооценку. Обнаруженные тенденции требуют тщательного анализа и обоснования влияния условий профессиональной деятельности сотрудников УИС на формирование признаков личностной беспомощности.

Полученные результаты представляют практический интерес для психологов УИС. В дальнейшем они могут использо-

ваться для составления программ профессионального отбора, практических разработок по профилактике неэффективного поведения среди сотрудников пенитенциарных учреждений.

Литература

1. Батурин Н.А. Ситуативная и личностная беспомощность // 52-я научная конференция: материалы конф. препод. ф-та психологии / под ред. Н.А. Батурина. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000.
2. Берёзин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности. — М.: Медицина, 1976.
3. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. — М.: Академия, 2010. — 410 с.
4. Petiprin G.L., Johnson M.E. Effects of gender, attributional style, and item difficulty on academic performance // Journal of Psychology. — 1990. — Vol. 125. — № 1. — P. 51–58.
5. Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development and death. — San Francisco: W.H. Freeman, 1975. — 250 p.

РАССЛАБЛЕНИЕ И НАПРЯЖЕНИЕ В ЕДИНОБОРСТВАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ «СИСТЕМА»

М. В. Рябко, К. В. Фирсов

Аннотация: в настоящее время в нашей стране и за рубежом большое внимание уделяется принципам и методам мышечного расслабления, которые можно освоить при помощи единоборств Древней Руси «Система». Предлагаемые принципы и методы мышечного расслабления применимы как в бою, так и в обыденной жизни.

Ключевые слова: мышечное расслабление, мышечное напряжение, боевые искусства, «Система».

The summary: now in our country and abroad the great attention is given to principles and methods of a muscular relaxation which can be mastered by means of Ancient Russian Martial Arts "System". Offered principles and methods of a muscular relaxation are applicable both in fight, and in ordinary life.

Keywords: muscle relaxation, muscle tension, martial arts, "System".

- Закуришь?
- Я не курю.
- Выпьешь?
- Я не пью.
- А как же ты расслабляешься после работы?
- А я на ней не напрягаюсь.

Из беседы двух депутатов (разумеется, не нашего парламента).

У многих народов одним из критериев социальных достижений человека и уважения к нему современников является место захоронения. В России самым престижным считается Новодевичье

кладбище. На его территории покоится основатель самбо Анатолий Харлампиев. Не всякий мастер боевых искусств удостоивается такой чести. Этот великий человек весьма критически отзывался об излишне перенапрягающихся борцах. Потные мужчины, топчущиеся на ковре «упершись рогами», прикладывающие титанические усилия для того, чтобы слегка сдвинуть друг друга с места, и при этом издающие различные неэстетичные звуки, вызывали у него не цитируемые в научной литературе замечания.

Большинство видов спорта подразумевают развитие атлетических качеств. Ученику внушают, что победить может только тот, кто сильнее и быстрее. Следовательно, нужно *напрягаться*, сурово сжимать кулаки, морщить брови и проявлять силу воли. Нам такая идеология чужда. Зачем тратить силы на создание излишнего мышечного тонуса и выброс адреналина?

Если заниматься спортом методически неправильно, то можно приобрести стойкий мышечный спазм и нанести вред своему здоровью.

Спазмированная мышца пережимает нервные волокна и кровеносные сосуды, в результате чего нарушается иннервация и кровоснабжение как в тканях самой мышцы, так и во внутренних органах, к которым подходят данные сосуды и нервы. На поддержание мышцы в спазмированном состоянии требуется АТФ. Тратится собственная энергия ор-

ганизма, которой так не хватает другим органам. Области мышечных напряжений могут быть довольно обширными, а сами напряжения поддерживаются круглосуточно (даже во сне), следовательно, энергозатраты организма на ненужную работу оказываются весьма существенными.

В спорте схватка длится короткое время, делаются перерывы на отдых, можно сдаться и никто вас не убьет. В реальной жизни этого нет. У Вас не будет возможности попросить противника подождать, пока Вы снимите очки, разомнетесь и продышитесь.

Если Вы под два метра ростом, имеете кулаки размером с маленький телевизор и ударом ноги разбиваете бетонную опору моста, то Вам тратить свое драгоценное время на тренировки не нужно. Вы и так, в мягкой интеллигентной форме, убедите хулигана в неправильности его жизненной позиции.

Однако всегда найдется кто-то сильнее, быстрее, моложе и наглее. С возрастом наши физиологические качества идут на убыль. Представьте, что Вам за 70 лет, у Вас радикулит и к Вашей жене-старушке лезут с ножами бандиты. Здесь может помочь только опыт. Любой экстропромт должен быть подготовлен, к боестолкновению мы подходим в течение всей жизни.

Как известно, произведение физической силы на интеллект есть величина постоянная. Редко кто награжден одновременно умом нобелевского лауреата и былинной силой. Выбирайте сами, за счет чего будете действовать в экстремальной ситуации. Важно не выиграть, а не проиграть, выжить. Необходимо прежде всего думать не о том, как ударить, а о том, как не пропустить удар.

Можно 20 лет заучивать комбинации ударов и бросков, а затем встретить трамвайного хама, который расквасит Вам нос, так и не встав в положение, удобное для проведения Ваших блестяще отработанных бросков, хуков и апперкотов. После этого, Вам станет жутко интересно, а на что же были потрачены эти 20 лет.

Нет смысла заучивать какие-то определенные «приемы». Взаимное расположение противников в бою постоянно меняется, никто не встанет в стандартное, удобное для Вас положение. Необходимо работать всем своим телом, а не конечностями, выполняющими приемы. Мы должны *почувствовать*, что происходит с противником, затем измениться так, чтобы соответствовать его структуре, а только после этого действовать. В бою, перед тем как что-то «сказать», нужно «послушать». Когда человек напряжен, то он менее чувствителен, хуже воспринимает информацию. Собственное напряжение не позволяет чувствовать направление движения чужой силы. Восприятие идет впереди действия. Обостренная чувствительность позволяет найти наиболее оптимальный вариант движения. Имея ненужное напряжение, мы блокируем выполнение данного алгоритма.

Сложнее всего следить не за противником, а за самим собой. Необходимо постоянно напоминать себе о расслаблении. Если будете напряжены, то быстро устанете и потерпите поражение. Расслабление усилием воли в нужный момент требует времени и энергетических затрат. Просто до этого не надо было напрягаться.

Большинство людей слишком полагаются на силу и скорость, при этом

очень стараются и напрягаются. Однако сила и скорость не увеличиваются от напряжения. Сила должна быть мягкой и проникающей, а не грубой и поверхностной.

При возникновении опасности человек может мобилизовать все свои ресурсы и проявить чудеса героизма, но недолго. Постоянно находиться в напряжении (24 часа в сутки, 7 дней в неделю) и при этом совершать подвиги невозможно. Наши силы не безграничны. За все приходится платить, а за удовольствия по тройной цене. Если солдат будет все время в напряжении, то его надолго не хватит. В начале Великой Отечественной войны было замечено, что вследствие переутомления количество разбившихся из-за ошибок пилотирования советских летчиков было больше, чем сбитых врагом. Было принято решение о создании в прифронтовой полосе профилакториев, в которые летный состав направлялся в обязательном порядке независимо от интенсивности боевых действий.

Любой героизм начинается там, где отсутствует порядок. В большинстве случаев летчики шли на таран потому, что, плохо стреляя, расходовали весь боезапас. Если бы их хорошо учили, то они бы сбивали супостата метким огнем, и им не пришлось бы портить свои самолеты. Зачем бросаться телом на амбразуру, если это можно доверить танку? Пожарный выносит ребенка из огня потому, что пьяный папаша заснул с зажженной сигаретой. Общество поощряет не обычную незаметную профилактическую работу, а мужество по устранению разгильдяйства. Следовательно, государству необходимо наладить массовый выпуск героев. Вот почему в последнее

время уделяется большое внимание проблемам военной психологии.

Существует множество научных и практических школ управления сознанием и подсознанием. Людей учат медитации, аутогенной тренировке, психотренингу и т. д. Однако разве легко медитировать и улетать в астрал, когда в ягодице торчит огромный ржавый гвоздь? Наши мышечные зажимы аналогичны данному предмету. Вначале нужно решить физиологические проблемы, а затем лезть в высокие материи и заниматься психикой, которая в воздухе не висит. Это только в сказке может существовать улыбка Чеширского кота, независимая от него.

В теле имеются группы мышечных волокон, в которых присутствует спазм, возникший независимо от нашего желания. Он может осознаваться или нет, и не устраняться только волевым усилием. Ликвидируя его *заранее* физиологическими методами, мы делаем данные мышцы относительно управляемыми нашим сознанием. Причем другие неспазмированные мышцы изменяют свое функциональное состояние и начинают эффективнее работать.

Во многих школах боевых искусств особое внимание уделяется устранению *управляемого* мышечного напряжения *психологическими методами*. В «Системе» перед тем, как начать ими заниматься, корректируют *неуправляемое* напряжение *физиологическими методами*. При таком методическом подходе, когда начинаем с базиса, а затем переходим к надстройке, получаем логическое решение проблемы.

Обсуждение интересных медицинских методик, применяемых в учебных группах «Системы» для улучшения бое-

вых возможностей (массаж, мануальная терапия, рефлексотерапия, физиотерапия и др.), выходит за рамки данной работы.

Откуда же берутся мышечные спазмы? Многие авторы называют в качестве причин — травмы, статическое напряжение, стресс и т. д. На наш взгляд, все обстоит гораздо проще. В ходе эволюции на человека воздействует миллион факторов, пытающихся разложить его на молекулы (саблезубый тигр, воины соседнего племени людоедов, пожары, наводнения, черствая теща, сварливая жена, не всегда интеллектуальный начальник, сквозняк, неудобный стул, финансовый кризис и т. п.). На каждый из этих миллионов стрессоров невозможно выработать миллион ответов. Природа пошла по пути выработки стандартных реакций (воспаление, сон, выброс адреналина, сжатие кулаков, стискивание челюсти и пр.). Тигр убежал, хулиганы испугались, дурака-начальника отправили на повышение, а мышечный спазм остался, как праздник, который всегда с нами. Помимо того, выработалась привычка — при любой проблеме задерживать дыхание и держать мышцы в напряжении.

Ребенок рождается расслабленным и не омраченным условностями этикета. Почему дети часто и на большой скорости падают, а встают без переломов? Потому что они не напряжены. Взрослый только в состоянии алкогольного опьянения может при сильном падении не получить травмы. Некоторым господам расслабление, получаемое таким способом, начинает нравиться, и они из категории любителей переходят в категорию профессионалов. Их можно понять, душа и тело изначально хотят свободы.

Общество никак не может спокойно смотреть на беззаботного ребенка и поступает с ним по своему разумению. Вначале туго пеленает, ставит в угол, затем начинает воспитывать: «Сиди спокойно, не дергайся, ручки положи перед собой на парту, четче чекань шаг на плацу, не спи на собрании и т. д.»

С годами зажимов становится все больше и больше. Зажатые мышцы — зажатые мозги. Зажатые мозги — зажатые мышцы. Человек в таком состоянии не способен написать Лунную сонату и выжить на войне.

Нас всю жизнь учат напрягаться, сидеть, стоять, ходить. В результате мы утратили навык расслабления, этому надо *учиться заново*.

Многие считают, что умеют расслабляться. Нахождение в позе «трупика» дома на диване отличается от расслабления в бою. Для боевого искусства необходимо уметь расслабляться не только лежа, но и стоя, в движении. При вертикальном положении мышцы должны совершать работу, направленную на поддержание формы тела, стабилизацию положения в пространстве, поддержание равновесия. Абсолютно расслабленный падает.

В напряженном состоянии должны находиться только те мышцы, которые непосредственно заняты в выполнении действий, другие — должны быть расслаблены. Координация движения заключается в согласовании соразмерности расслабления и сокращения мышц. Физиологическими показателями данного процесса являются латентное время напряжения и расслабления мышцы, быстрота перехода одной и той же мышечной группы из состояния напряжения в состояние расслабления.

При выполнении сложных, непривычных или осуществляемых впервые действий, непроизвольно повышается напряжение мышц, не участвующих в данных движениях. Излишнее мышечное напряжение и недостаточное расслабление приводят к скованности, угловатости. Ухудшаются координация, выносливость, скорость и сила.

В идеале необходимо исключить напряжение тех мышечных групп, которые не совершают в данный момент никакой полезной работы, и минимизировать усилия ее выполняющих. Необходим баланс мышц-антагонистов, постоянно меняющийся в зависимости от ситуации.

Исключение тормозящего эффекта спазмированных мышц-антагонистов позволяет увеличить силу и скорость любого движения. Удар становится мощным и проникающим, а для выполнения броска приходится применять меньше усилий.

При неадекватном напряжении мышц происходит ограничение числа степеней свободы тела, что приводит к его плохой управляемости, устойчивости и мобильности. Для совершения нового движения приходится вначале расслабить одни мышцы, а затем сократить другие, то есть появляется лишняя технологическая операция. Если бы мышцы были до этого расслаблены, то не надо было бы тратить время на выполнение абсолютно ненужной работы.

Начиная движение при правильном расслаблении, мы не подаем противнику сигнала о начале атаки, у нас плечи не подтягиваются вверх, нет необходимости в замахе, выражение лица не меняется. Удар получается неожиданным и практически неотбиваемым. Движения становятся плавными, быстрыми,

незаметными, простыми, с малой амплитудой.

Когда Вы расслаблены, то не вызываете у противника агрессию. Не надо делать «зверское лицо» и всех пугать. Когда человек видит и чувствует Ваши эмоции, то ему все понятно, и он готов к защите. Предупрежден, значит вооружен. Когда же Вы абсолютно спокойно, аккуратно укладываете его на землю, то для него это становится полной неожиданностью.

При гармоничном расслаблении Вы не даете противнику точку опоры. Его удары, толчки и прочие движения «от себя» проваливаются в пустоту, а при бросках и работе «на себя» он тянет «пустой рукав».

Для правильного расслабления необходимо иметь правильное положение и состояние тела. Если тело перекошено, наклонено, скручено (внешние проявления), зажато, перетянута (внутренние проявления), то для сохранения подобного положения всегда будут напряжены те группы мышц, которые могли бы быть расслаблены при отсутствии этих факторов.

В качестве простейшего статического упражнения рекомендуется ровно встать и мысленно искать в себе зажимы, найдя их расслабляться и корригировать форму тела. Чем лучше это Вы будете делать, тем дольше сможете простоять, не испытывая усталости.

Следующей стадией обучения может быть умение расслаблять все тело, имея в одной из его областей напряжение. Можно встать в «перекошенное» положение и начать мысленно расслаблять все тело, сохраняя напряжение в задействованных мышцах. Если зажат таз, то зачем же стискивать зубы?

Периодически мысленно пробегайте по своему телу и расслабляйте напряженные места. Сначала делайте это в статике. Лежа на диване, сидя перед монитором, стоя в очереди убирайте зажимы. Сбросив один, Вы заметите другой, расправившись с ним, обнаружите третий. Этот процесс также бесконечен и увлекателен, как изучение марксизма-ленинизма. Затем начните выполнять это в динамике. Поднося ложку ко рту, посмотрите, не напряжены ли у Вас плечевой сустав, спина или ягодица. Должны работать только те мышцы, которые задействованы в выполнении задачи, другие пусть расслабляются и получают удовольствие. Таким образом, Вы избавите нервную систему от ненужных затрат по управлению и позволите ей малыми ресурсами достигать требуемых результатов.

Основоположник аутогенной тренировки Шульц писал: «Чем больше прислушиваешься к зажимам, тем больше их создается. При этом научаешься различать в себе те ощущения, которых раньше не замечал. Это помогает находить все новые и новые зажимы, а чем больше их находишь, тем больше вскрывается новых. На короткое время мне удалось освободиться от напряжения в области спины и шеи... Мне стало ясно, как много у нас лишних, никому не нужных, вредных мышечных напряжений, о которых мы и не подозреваем...».

В «Системе» нет никаких «секретных движений». Носителям «секретных методов» просто нечего сказать, вот им и приходится создавать ореол таинственности.

Можно в ходе тренировок также использовать следующие методические приемы:

- контроль за медленной, расслабленной, техникой выполнения движений;
- контроль за расслаблением мышц лица и шеи;
- контроль за расслаблением поясов верхних и нижних конечностей;
- постановка правильного дыхания;
- выполнение упражнений с одновременным мысленным произнесением словесных формул (молитвы);
- выполнение упражнений с одновременным пением или разговором;
- выполнение упражнений под музыку;
- переключение внимания с движения на внешнюю обстановку;
- одновременное выполнение разнонаправленных действий;
- использование идеомоторной и аутогенной тренировки;
- выполнение упражнений в состоянии значительного утомления.

Более подробно упражнения и методы боевой работы представлены на видео серии «Система».

МЕТОДИКА «ОЦЕНКА ИНКОРПОРАТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ»

Д. П. Веселовский

Аннотация: в статье дается трактовка понятия «инкорпоративность социальной группы», представлен опросник «Оценка инкорпоративности социальной группы», рассматриваются внутренняя и внешняя валидность опросника.

Ключевые слова: инкорпоративность, опросник «Оценка инкорпоративности социальной группы».

The summary: in the article an interpretation of the concept "incorporation of social group" is given, the test «Incorporation assessment of social group» is presented, internal and external validity of this test are being considered.

Keywords: incorporation, test «Incorporation assessment of social group».

Термин «инкорпоративность группы» впервые был обоснован как научное понятие на Вторых Международных научных Ломовских чтениях в Москве в январе 1994 г. По мнению авторов, он характеризует «способность социальной группы включать в свой состав (инкорпорировать) новых участников и предоставлять им равные права с остальными членами группы, вошедшими в нее ранее» [1, с. 128]. Если группа имеет низкий уровень инкорпоративности, то новый человек не будет иметь равных прав и возможностей с остальными членами группы, ее «резидентами». Если уровень инкорпоративности высокий, то новый участник группы может получить равные права и даже стать ее лидером или руководителем, если имеет для этого все необходимые объективные основания. В наиболее широком смысле решаемая

научная проблема состоит в том, чтобы определить, почему одни группы, как малые (семья, класс, учебная группа, взвод, бригада, коллектив и др.), так и большие (частная компания, государственная организация, город, страна, нация и пр.) высоко инкорпоративны, а другие имеют низкий уровень инкорпоративности.

Данная социально-психологическая характеристика изучалась в социальной психологии крайне мало. Ранее не проводился детальный сравнительный анализ различных социальных групп и организаций с акцентом на их инкорпоративность. Тем не менее этот феномен крайне важен для понимания механизмов групповой динамики.

Очевидно, что проблема крайне актуальна, а адекватного инструментария для оценки феномена инкорпоративности социальных групп в контексте социальной психологии нет. В соответствии с этим нами была поставлена задача по разработке и операционализации методического инструмента для оценки инкорпоративности.

Посредством мини-интервью с представителями разных социальных групп (78 участников — студенты, сотрудники организаций, военнослужащие и др.), теоретического анализа понятия нами был сформулирован перечень вопросов, которые вошли в методику «Оценка инкорпоративности социальной группы».

При проведении исследования выборку респондентов составили 567 чел. (311 женщин и 246 мужчин) в возрасте от 17 до 61 года, представители разных социальных групп, люди разных профес-

Таблица 1

Корреляция вопросов опросника с суммой ($p < ,05$)

	Valid	Spearman
1 & СУММА	567	0,629
2 & СУММА	567	0,695
3 & СУММА	567	0,726
4 & СУММА	567	0,600
5 & СУММА	567	0,632
6 & СУММА	567	0,664
7 & СУММА	567	0,663
8 & СУММА	567	0,381
9 & СУММА	567	0,658
10 & СУММА	567	0,619
11 & СУММА	567	0,727
12 & СУММА	567	0,671
13 & СУММА	567	0,659
14 & СУММА	567	0,467
15 & СУММА	567	0,699
16 & СУММА	567	0,760
17 & СУММА	567	0,781
18 & СУММА	567	0,666
19 & СУММА	567	0,599
20 & СУММА	567	0,592

сий с высшим, неоконченным высшим образованием, средним специальным и средним образованием.

По форме проведения опросник «Оценка инкорпоративности социальной группы» является индивидуальным и не требует какого-либо оборудования. Респондентам предлагалось заполнить бланк опросника, перед началом заполнения которого им сообщалось о цели проведения исследования, а также давалась гарантия о неразглашении результатов.

Затем респондентам давалась инструкция, где испытуемому предлага-

лось оценить группу согласно приведенным утверждениям по пятибалльной шкале («данное утверждение абсолютно не соответствует оцениваемой группе» — «данное утверждение скорее не соответствует оцениваемой группе» — «данное утверждение свойственно для оцениваемой группы время от времени» — «данное утверждение скорее соответствует оцениваемой группе» — «данное утверждение полностью соответствует оцениваемой группе»), а также заполнить анкетные данные. Для обработки данных был использован статистический пакет STATISTICA 6.0.

Таблица 2

**Факторное решение для опросника
«Оценка инкорпоративности социальной группы»**

№ п/п	Eigenvalue	% Total	Cumulative	Cumulative
1	8,527	50,161	8,527	50,161
2	0,999	5,879	9,527	56,040
3	0,845	4,970	10,372	61,010

В первую очередь в процессе исследования был поставлен вопрос о *внутренней валидности* опросника. Критерием оценки *согласованности опросника* служили ранговый коэффициент корреляции Спирмена и факторный анализ.

В первоначальном варианте опросник состоял из 20 вопросов. После проведенной проверки *согласованности отдельного пункта с суммарными баллами* выяснилось, что вопросы опросника № 8 и 14 показали малую связь с суммарным баллом по шкале и поэтому были исключены из общего списка вопросов (таблица 1).

Несмотря на то что опросник конструировался согласно критериальной методике, при помощи факторного анализа было выявлено, что факторное решение также имеет место быть. Было определено 3 фактора. Причем два из них имеют суммарное значение не многим более единицы. Это указывает на то, что данные факторы объясняют не более чем одну переменную (определяются одним вопросом опросника) и их можно не принимать в расчет (таблица 2).

При этом необходимо отметить, что подобное факторное решение справедливо для оценки как инкорпоративности малых социальных групп (рабочая группа, семья и др.), так и социальных

представлений об инкорпоративности больших социальных групп (русский и американский народ).

Ретестовая надежность шкал опросника определялась путем расчета коэффициента корреляции Спирмена между данными двух опросов, проведенных с интервалом в месяц. Критерием моментной надежности служил коэффициент Кронбаха (α) (таблица 3).

При проверке *тест-ретестовой надежности* была получена высокая ретестовая надежность шкал опросника (0,933). В опросе приняло участие 54 чел. Итак, имеются основания для вывода о том, что такой конструкт, как инкорпоративность социальной группы, достаточно устойчив во времени.

Проведенный анализ показал достаточно высокую консистентность шкал окончательной версии опросника, включающей 18 вопросов. Для удобства интерпретации полученных результатов целесообразно сумму ответов на все вопросы разделить на максимально возможное количество набранных баллов (90 баллов). Полученный показатель можно назвать индексом инкорпоративности социальной группы (Инд Инк). Чем выше этот показатель, тем выше участник оценивает инкорпоративность той или иной группы. При дальнейшей процедуре анализа и обработки данных ис-

Таблица 3

**Данные одномоментной надежности
«Оценка инкорпоративности социальной группы» ($p < ,05$)**

	Объем выборки	α Кронбаха
1	567	0,923947
2	567	0,922796
3	567	0,921791
4	567	0,92414
5	567	0,923874
6	567	0,92323
7	567	0,923022
8	567	0,928822
9	567	0,923216
10	567	0,924012
11	567	0,922049
12	567	0,923041
13	567	0,922873
14	567	0,927521
15	567	0,922347
16	567	0,9209
17	567	0,920506
18	567	0,923019
19	567	0,92445
20	567	0,925087

пользовался окончательный вариант опросника, представленный ниже.

Наиболее близким понятием к инкорпоративности социальной группы, на наш взгляд, является показатель открытости социальной группы. В связи с этим для проверки внешней валидности опросника «Оценка инкорпоративности социальной группы» был использован самооценочный опросник Р.С. Немова «Социально-психологическая самооценка группы как коллектива» (СПСК). Методика предназначена для комплексной оценки уровня развития в группе та-

ких характеристик, как ответственность, коллективизм, сплоченность, контактность, открытость, отношения, организованность, информированность. Где открытость рассматривается как «отношение членов группы к другим группам или к новым участникам своей группы» [3, с. 389–393]. Такое определение открытости очевидно близко к определению инкорпоративности.

Проверка корреляционных связей между итоговыми показателями по шкалам опросников осуществлялась с помощью коэффициента корреляции

1	В оцениваемой мною социальной группе внимательно относятся к идеям новых людей
2	Участники оцениваемой мною социальной группы, принимая в свой состав новых членов, легко делятся с ними информацией, которой располагают сами
3	Когда в оцениваемую мною социальную группу приходит новый человек, ее участники демонстрируют открытость и внимание к этому человеку
4	Участники оцениваемой мною социальной группы воспринимают нового участника как усиление ее потенциала
5	Участники оцениваемой мною социальной группы легко прощают ошибки новым людям
6	Оцениваемая мною социальная группа готова предоставить равные права всем новым участникам
7	Участники оцениваемой мною социальной группы всегда высказываются позитивно о новых людях
8	Участники оцениваемой мною социальной группы готовы обеспечить нового человека необходимыми ему материальными и другими ресурсами даже в ущерб собственным интересам
9	Участники оцениваемой мной социальной группы готовы охотно общаться с новыми людьми
10	Оцениваемая мною социальная группа доброжелательна к новым людям
11	В оцениваемой мною социальной группе человеку легко проявить себя независимо от того, новый он здесь человек или нет
12	Участники оцениваемой мною социальной группы готовы взять на себя ответственность за ошибки нового человека
13	Мнение участника оцениваемой мною социальной группы, независимо от его авторитета, важно для остальных членов группы
14	Участники оцениваемой мною социальной группы готовы бескорыстно оказать помощь новичку
15	Участники оцениваемой мною социальной группы стремятся к тому, чтобы даже незнакомый человек чувствовал себя своим в этой группе
16	Оцениваемая мною социальной группа охотно включает в свой состав новых людей
17	Участники, оцениваемой мною социальной группы, принимая в свой состав новых членов, охотно рассказывают им о себе
18	Участники оцениваемой мною социальной группы готовы предоставить новому человеку возможность участвовать в управлении группой

Спирмена. В исследовании связи инкорпоративности социальной группы с показателем ее открытости участвовало 89 чел. (43 мужчины, 46 женщин) в возрасте от 20 до 61 года.

Корреляционная связь показывает, что показатель оценки «инкорпоративности оценки социальной группы» направлен с показателем «открытость» (0,694). Это указывает на то, что чем выше оценивается открытость социальной группы, тем более она инкорпоративна.

Таким образом, высоко значимая положительная корреляция (при $p < 0,05$) между данными показателями подтвердила наши предположения. При этом, на наш взгляд, нельзя сводить понятие инкорпоративности к открытости. Под открытостью Р.С. Немов в первую очередь понимает способность коллектива «устанавливать и поддерживать хорошие, строящиеся на коллективистской основе взаимоотношения с другими коллективами или их представителями, а также с новичками в своем коллективе. На практике открытость коллектива проявляется в оказании разносторонней помощи другим коллективам, не членам коллектива. Открытость является одной из важнейших характеристик, по которой можно отличить коллектив от внешне похожих на него социальных объединений» [2, с. 533]. Понятие инкорпоративности шире и «связано с необходимостью поделиться собственностью, привилегиями, благами и т. д. с людьми малознакомыми, чужими. Именно это, по всей видимости, следует считать главным признаком инкорпоративности. Когда люди отдают часть своей собственности, имущества, территории, то они проявляют определенные психо-

логические характеристики» [1, с. 129]. Судя по всему понятие «открытость» может быть включено в понятие «инкорпоративность».

Выводы:

1. Термин «инкорпоративность социальной группы» обладает большой степенью эвристичности, так как применим к понятию любой социальной группы (семья, коллектив, организация, население страны, нация, этнос и пр.). Это универсальный термин, у которого есть будущее, но феномен, обозначаемый данным термином, на глубоком социально-психологическом уровне практически не исследован. Разработанная методика «Оценка инкорпоративности социальной группы» позволяет это сделать.

2. Методика представляет собой опросник с высокими показателями внешней и внутренней валидности, высоким показателем надежности, что проверялось целым рядом статистических процедур. Содержание вопросов включает такие характеристики группы, как «отсутствие психологических барьеров при включении в состав группы новых членов», «отношение к идеям новых членов группы», «возможность новичка получить информацию от членов группы», «внимание к новому человеку», «умение прощать ошибки новым членам группы», «предоставление равных прав новым членам группы», «предоставление новым членам группы необходимых им материальных ресурсов», «характер общения с новыми членами группы», «возможность взять ответственность за нового члена группы», «возможность предоставить новому члену группы выполнять функции руководителя» и др.

Литература

1. Лебедев А.Н. Проблема изучения инкорпоративных малых социальных групп // Вторые Международные научные Ломовские чтения: тез. докл. (Москва, 26-27 янв. 1994 г.). — М., 1994. — Т. II.

2. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. — 4-е изд. — М.: ВЛАДОС, 2003. — Кн. 1: Общие основы психологии.

3. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. — 4-е изд. — М.: ВЛАДОС, 2008. — Кн. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики.

СТРУКТУРА ТРУДОВЫХ МОТИВОВ РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Е. А. Шишкина

Аннотация: в статье рассматривается структура трудовых мотивов работников организации ОАО «КАДВИ», проанализированы мотивационная структура личности, структура мотивов трудовой деятельности, а также ценностные ориентации личности работников.

Ключевые слова: деятельность, трудовые мотивы, потребности, мотивация, потребностно-мотивационная сфера, мотивационная политика организации.

The summary: This article describes the structure of labor motivation of employees of the organization "KADVI", analyze motivational-valued personality structure, the structure of the motives of work, as well as the values of personality of employees.

Key words: activity, labor motivation, needs, motivation, scope of needs and motivational, motivational organization's policy.

Труд занимает в жизни человека значительное место и, являясь подчас необходимостью для выживания, он все еще остается человеческой ценностью, потребностью в самореализации, самоутверждении.

Резкие преобразования отношений собственности в современном российском обществе не могли не вызвать изменений в трудовых ценностях населения, мотивации трудовой деятельности, трудовой этики. Учитывая, что во многом данные понятия определяются как

рефлексивный показатель отношения к происходящим в обществе процессам, труд из обязанности превратился в право. Значительно расширился диапазон допустимых форм занятости, существенно изменились социально санкционированные мотивы трудовой деятельности. Это привело к постепенному формированию новой иерархии трудовых ценностей и приоритетов, моделей социально-трудового поведения, а также расширило возможности звена управления в применении различных форм мотивации и стимулирования.

Сложность мотивационной структуры человека весьма очевидна. Однако разбор системы на составляющие дает возможность найти главное звено с целью наилучшего его применения. Следовательно, необходимо учитывать тип мотивации работников и их индивидуальную структуру трудовых мотивов, а затем в зависимости от полученной информации использовать стимулы, способные активизировать трудящегося.

Для исследования выбранной нами проблемы была обозначена соответствующая выборка: работники ОАО «КАДВИ» в возрасте 19–57 лет. Всего было обследовано 50 респондентов (25 мужчин и 25 женщин). Для нейтрализации влияния гендерного фактора при формировании выборки мужчины и женщины представлены в равных количествах.

Для решения поставленных задач и проверки исходных положений был ис-

Таблица 1

Средние показатели трудовой мотивации работников ОАО «КАДВИ»

№	Методика	Среднее значение	Медиана	Название переменной
1	«Изучение мотивации профессиональной деятельности»	3,7	4	Внутренняя мотивация
2	«Изучение мотивации профессиональной деятельности»	3,8	3,8	Внешняя положительная мотивация
3	«Изучение мотивации профессиональной деятельности»	3,2	3,3	Внешняя отрицательная мотивация
4	«Диагностика мотивационной структуры личности»	13	13	Жизнеобеспечение (Ж)
5	«Диагностика мотивационной структуры личности»	15	14	Комфорт (К)
6	«Диагностика мотивационной структуры личности»	14	14	Социальный статус (С)
7	«Диагностика мотивационной структуры личности»	20	21	Общение (О)
8	«Диагностика мотивационной структуры личности»	14	14	Общая активность (Д)
9	«Диагностика мотивационной структуры личности»	17	17	Творческая активность (ДР)
10	«Диагностика мотивационной структуры личности»	16	15,5	Социальная полезность (ОД)
11	«Диагностика мотивационной структуры личности»	61	63	Общежитейская направленность
12	«Диагностика мотивационной структуры личности»	47	49	Рабочая направленность
13	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	1,2	2	Значимость профессии
14	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-0,04	0	Престижность профессии
15	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	0,4	1	Вид трудовой деятельности
16	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-0,4	-1	Организация труда
17	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-0,8	-1	Санитарно-гигиенические условия
18	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-2	-3	Размер заработной платы
19	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-0,06	-0,5	Возможность повышения квалификации
20	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	-0,06	-1	Отношение администрации к труду, отдыху и быту работников

21	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	2	2	Взаимоотношения с коллегами
22	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	1,4	1,5	Потребность в общении и коллективной деятельности
23	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	0,4	0	Потребность в реализации индивидуальных особенностей
24	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	0,7	1	Возможность творчества в процессе работы
25	«Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности»	0,4	0	Удовлетворенность работой в целом

пользован набор (батарея) диагностических методов, адекватных поставленной цели и изучаемому предмету: методика диагностики мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана, методика диагностики структуры мотивов трудовой деятельности Т.Л. Бадоева, методика изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Результаты исследования по выбранному нами набору диагностических методов можно представить в виде следующих таблиц.

Анализ средних значений трудовой мотивации свидетельствует о том, что наиболее устойчивыми тенденциями личности для данной группы являются «общение» (56%) и «творческая активность» (62%), а наименее — «жизнеобеспечение» (80%), в то время как общая направленность личности более общественной, чем рабочей, это отметили 72% респондентов.

Если говорить о сочетании внешней и внутренней мотивации, то для данной группы характерно такое сочетание $BM < BPM > BOM$, то есть имеет место снижение показателя отрицательной мотивации и повышение показателей внешней положительной и внутренней мо-

тивации. Подобным образом оценили свою профессиональную деятельность 34% респондентов.

Что касается трудовых мотивов, то наиболее удовлетворенными являются «взаимоотношения с коллегами» (74%) и «потребность в общении и коллективной деятельности» (35%). В свою очередь наименее удовлетворенными остаются потребности в «размере заработной платы» (60%) и «санитарно-гигиенических условиях» (56%).

Полученные средние показатели свидетельствуют о том, что наиболее значимыми ценностями для данной группы являются «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «любовь», «отсутствие материальных затруднений» и «наличие верных друзей» (терминальные), «ответственность», «честность», «воспитанность» и «аккуратность» (инструментальные). Наименее значимы следующие ценности: «развлечения», «творчество» (терминальные) и «высокие запросы» (инструментальные).

На основе показателей медианы делается вывод о том, что полученные данные можно перенести на генеральную совокупность.

Индивидуальная структура трудовых мотивов работников ОАО «КАДВИ»

Таблица 2

Средние показатели ценностных ориентаций личности работников ОАО «КАДВИ», полученные с помощью методики «Ценностные ориентации» М.Рокича

№	Терминальные ценности	Среднее значение	Медиана	Инструментальные ценности	Среднее значение	Медиана
1	Активная деятельная жизнь	10,88	12	Аккуратность	7,78	5,5
2	Жизненная мудрость	9,6	10	Воспитанность	6,2	4
3	Здоровье	1,94	1	Высокие запросы	16,52	18
4	Интересная работа	7,8	7	Жизнерадостность	8,64	9
5	Красота природы и искусства	11,68	11	Исполнительность	8,34	8
6	Любовь	5,8	4	Независимость	11,06	12
7	Материально обеспеченная жизнь	6,06	5	Непримиримость	14,66	16
8	Наличие хороших и верных друзей	6,12	6	Образованность	8,48	9
9	Общественное признание	11,16	12	Ответственность	4,78	4
10	Познание	11,13	13	Рационализм	10,82	11
11	Продуктивная жизнь	11,76	13	Самоконтроль	9,2	9
12	Развитие	11,02	11	Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	12,54	13
13	Развлечения	14,82	16	Твердая воля	10,08	10,5
14	Свобода	11,2	12	Терпимость	8,28	8
15	Счастливая семейная жизнь	4,4	3	Широта взглядов	8,92	9
16	Счастье других	11,96	14	Честность	5,24	3
17	Творчество	15,32	17	Эффективность в делах	9,94	11
18	Уверенность в себе	7,54	6	Чуткость	9,36	8

такова:

1. Условия труда.
2. Жизнерадостность.
3. Признание.
4. Развитие.
5. Забота.
6. Включенность в команду.

7. Самореализация.
8. Интерес к работе.
9. Направленность трудовой мотивации.
10. Деньги.

Такая структура характеризует наличие взаимосвязи между существующи-

ми у работников трудовыми мотивами и преобладающими у них ценностями. К сожалению, уровень выполнения профессиональных обязанностей и их качество нельзя назвать высоким или продуктивным, так как не удовлетворяются наиболее важные потребности, лежащие в основе трудовых мотивов, что может стать препятствием для качественного и точного выполнения трудовой деятельности работников. Так, больше половины респондентов (56%) отметили свою неудовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями, а ведь это компонент первого и наиболее значимого фактора структуры. Уже по этому факту можно судить о неэффективности мотивации труда, существующей на этом предприятии.

Почти 38 (75%) респондентов удовлетворены своим общением с коллегами и их совместной деятельностью, из них примерно 28 (56%) имеют такую устойчивую тенденцию личности, как «общение» [склонность к общительности]. В сумме это косвенно может служить еще одним подтверждением неэффективной мотивации труда, потому что в этом случае основное рабочее время тратится не на выполнение должностных обязанностей, а на обмен информацией с коллегами, носящий характер далекий от профессионального.

Общую направленность личности как общежитейскую (обусловленную первоочередными потребностями и способствующую поддержанию жизнедеятельности субъекта) отметили 36 (72%) респондентов. При этом жизнеобеспечение в качестве тенденции личности выбрано как наименее устойчивое. Таким образом, для данных работников не характерно все время совершать сово-

купность действий, направленных на оптимальное удовлетворение духовных и материальных потребностей. Что может быть следствием неудовлетворенности своим материальным положением, которое отметили 30 (60%) респондентов. Возможно, они пытаются улучшить его, ибо снижение внешней отрицательной мотивации (а получение заработной платы за выполненную деятельность относится именно к этой категории) характерно только для 17 (34%) человек.

Однако повышение внешней положительной и внутренней мотивации можно рассматривать как улучшение. Ведь если 17 работников из 50 любят свою работу и могут проявить творческую активность, которая является еще одной основной устойчивой тенденцией личности для 31 (62%) респондента, значит, их труд эффективен и производителен, а предприятие дало им такую возможность, удовлетворив соответствующие потребности.

Следовательно, если провести глобальное исследование трудовой мотивации всех работников указанного предприятия, проанализировать ее с точки зрения гендерных различий, возраста, образования, стажа работы, а также изучить экономические возможности организации, то на основе полученной информации можно разработать мотивационные программы и соответственно мотивационную политику организации. Это позволит работникам трудиться с максимальной самоотдачей и эффективностью, а предприятию получать максимальную прибыль.

Эмпирическое исследование, на наш взгляд, было посвящено теме, актуальность которой растет день ото дня, потому как деятельность, которую выпол-

няет работник, должна соответствовать структуре его трудовой мотивации, а значит удовлетворять потребности, лежащие в основе этой структуры.

Нами были проанализированы мотивационная структура личности, структура мотивов трудовой деятельности, а также ценностные ориентации личности работников, что позволило сделать следующий вывод: взаимосвязь между трудовыми мотивами работников организации и преобладающими у них ценностями определяет уровень выполнения профессиональных обязанностей и их качество.

Результаты нашего исследования выявили специфику трудовой мотивации и индивидуальной структуры трудовых мотивов работников ОАО «КАД-ВИ», характеризующихся следующим образом: наиболее устойчивыми тенденциями личности для данной группы выступают общение и творческая активность; имеет место снижение показателя отрицательной мотивации и повышение показателей внешней положительной и внутренней мотивации; наиболее удовлетворенными трудовыми мотивами являются взаимоотношения с коллегами и потребность в общении и коллективной деятельности, наименее — размер заработной платы и санитарно-гигиенические условия. Индивидуальная структура трудовых мотивов состоит из следующих пунктов: условия труда, жизнерадостность, признание, развитие, забота, включенность в команду, самореализация, интерес к работе, направленность трудовой мотивации, деньги.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили выдвигаемую гипотезу, а поставленные

задачи были решены. Однако многие проблемы, связанные с тематикой этой работы, требуют более углубленного изучения, а уже имеющуюся информацию повсеместно необходимо внедрять как в практику, так и в сознание руководителей всех звеньев, чтобы помочь им понять работника, правильно оценить его потребности, возможности и потенциал, выбрать необходимую в данной ситуации адекватную, постоянную, гибкую в средствах мотивацию, составляющую ключевое звено всей работы с персоналом по достижению общих целей организации. В то время как жесткий контроль, планирование деятельности работников и неукоснительное следование инструкциям лишают предприятие гибкости и стимулов к инновациям, руководитель всегда должен иметь в виду элемент случайности. Для мотивации нет какого-то одного лучшего способа. То, что оказывается эффективным для одних людей, не важно для других. Следует добавить, что продвижение по пути нематериальных стимулов не исключает, особенно в современных российских условиях, необходимости осуществлять последовательную и полноценную мотивацию сотрудников, вплоть до материальных аспектов. Прежде всего это целесообразно потому, как хотя и известно, что в ряде случаев человек может самозабвенно трудиться, даже если зарплата его явно не удовлетворяет, но существуют виды деятельности, за которые многие люди не возьмутся ни за какие деньги.

Литература

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. — М.: Мысль, 1976. — 157 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. — 151 с.

3. Бандурин А.В. Деятельность корпораций: монография. — М.: БУКВИЦА, 1999. — 600 с.: ил.

4. Бойко А.Г., Ковалев А.Г., Парферов В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. — М.: Мысль, 1998. — 316 с.

5. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. — М.; СПб.: ОЛМА-ПРЕСС; Прайм-ЕВРОЗНАК. — 672 с.

6. Чубенко Л. Нематериальное стимулирование работников // Современный кадровый менеджмент. — 2006. — № 4. — С. 16.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ПСИХОЛОГИИ

А. И. Фролов

Дмитриева Н.В., Короленко Ц.П. Личностные расстройства. — СПб.: Питер, 2010. — 400 с.

Эта книга существенно отличается от имеющихся публикаций, посвященных личностным расстройствам. В ней пересмотрены и расширены в соответствии с новыми данными клинические характеристики личностных расстройств. Описаны личностные расстройства, которые не входят в DSM-IV-TR (2000). Особое внимание уделено диссоциативному расстройству идентичности, которое нередко либо не диагностируется вообще, либо диагностируется ошибочно. Подробно рассмотрены вопросы этиологии и механизмов развития личностных расстройств, представлены особенности терапии, в том числе диалектической поведенческой, когнитивной, психодинамической и др. Приведены современные сведения о сочетанном психотерапевтическом и психофармакологическом подходах к лечению и коррекции личностных расстройств. Издание предназначено для широкого круга профессионалов из числа психотерапевтов, психиатров, клинических психологов и представителей смежных специальностей.

Александров А.А. Аутотренинг. — 2-е изд. СПб.: Питер, 2011. — 240 с.

Перед вами профессиональный справочник по всем известным методам психической саморегуляции. Центральное место в книге отведено аутогенной тренировке, описана ее техника, включая несколько разновидностей, подробно рассмотрено ее применение

при различных острых и хронических заболеваниях: неврозах, психосоматических расстройствах, соматических болезнях. Приведены и другие методы, не менее эффективные в борьбе с психологическим стрессом: прогрессивная мышечная релаксация (по Джекобсону) и медитация. Особое внимание уделено основам учения йогов, вопросам дзэн-буддизма и трансцендентальной медитации. Описаны техники медитации сидя (дза-дзэн), шавасаны (позы полного расслабления), контроля дыхания и т. д. Для психологов, психотерапевтов и всех интересующихся.

Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. — СПб.: Питер, 2011. — 224 с.

Новая книга мастера психологии профессора Е.П. Ильина охватывает широкий круг актуальных вопросов, среди которых отношение современных людей к труду, психологические последствия потери работы, особенности личности и выбор вида деятельности, профессиональная деформация личности, психология профессиональных аддикций, трудоголизм, лень и склонность к лени, а также многие другие. В конце пособия приведены полезные методики и подробный библиографический список. Издание предназначено для психологов, педагогов, социологов, представителей смежных специальностей, а также студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.

Айзенк М.В., Андерсон М., Баддли А. Память. — СПб.: Питер, 2011. — 560 с.

Человечество всегда интересовалось памятью, неизменно поражаясь проявлениям ее утраты. Сегодня мы знаем о памяти вполне достаточно, чтобы иметь возможность объяснить те ее аспекты, которые представляют наибольший интерес для широкой читательской аудитории, в том числе — и прежде всего — студенческой. Эта книга — исчерпывающее повествование о памяти, современное учебное пособие, созданное усилиями крупнейших специалистов с мировым именем, англичан Алана Баддли и Майкла Айзенка, и американца Майкла Андерсона, преподавателей и ученых, чьи знания и опыт в данной области трудно переоценить. Память рассматривается авторами во взаимосвязи с другими психологическими процессами и высшими психическими функциями, а также с учетом многочисленных факторов, влияющих на ее функционирование: психических процессов, состояний, эмоционально-мотивационной сферы, индивидуальных различий, реальной обстановки и ситуаций. Читатели, несомненно, по достоинству оценят стиль и индивидуальность каждого из создателей книги и разделят с авторами их восхищение человеческой памятью. Издание предназначено для психологов, врачей, физиологов и студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.

Бреслав Г.М. Основы психологического исследования. — М.: Смысл; Академия, 2010. — 492 с.

Учебное пособие вводит в круг основных понятий и принципов методологии

психологического исследования, охватывая основные методы, используемые в психологическом исследовании, а также стратегии и способы обработки данных. Адресуется студентам, обучающимся по специальности «Психология».

Петровский В.А. Человек над ситуацией. — М.: Смысл, 2010. — 560 с.

В новой книге одного из ведущих отечественных психологов представлена авторская концепция надситуативной активности человека — свободной причинности «Я». Формулируется принцип активной неадаптивности: осознанной постановки целей с непредрежденным результатом достижения (риск, познание). Рассматривая субъектность («я») как определяющую характеристику личности, автор предлагает логико-математическую типологию смысловых миров, сопричастующих в личности. Вводится понятие «состоятельность» (единство «хочу» и «могу»), описывающее уровень благополучия и дееспособности человека; предлагается ее математическая модель. Рассмотрены модели «субъектных сборок», позволяющие человеку достичь оптимума своей состоятельности.

Книга будет с интересом прочитана профессиональными психологами, философами, логиками, специалистами в области моделирования поведения и сознания.

Казанская В. Подросток: социальная адаптация: Книга для психологов, педагогов и родителей. — СПб.: Питер, 2011. — 280 с.

В книге «Подросток: социальная адаптация: Книга для психологов, педа-

гогов и родителей» рассматриваются такие вопросы, как социальная адаптация подростков в школе, роль среды, родителей и сверстников в период взросления подростка, экономическая и юридическая социализация. Подробно рассмотрены и формы дезадаптации: воровство, ювенальное родительство, деструктивное поведение, вандализм, ксенофобия и экстремизм, хакинг и телефономания. Описываются способы психологической поддержки, коррекция нарушений. Книга предназначена для психологов, педагогов и родителей подростков.

Собчик Л.Н. Методика «Классификация предметов»: практ. руководство. — М.: Речь, 2011.

Метод «Классификация предметов» предназначен для исследования процессов обобщения и абстрагирования. Раскрывая механизмы нарушенной способности к обобщению, методика позволяет понять степень снижения интеллектуальных способностей в операциональной сфере мышления. Кроме того, данные исследования позволяют провести анализ последовательности, критичности и продуманности действий большого человека, определить объем и устойчивость внимания, а также личностные реакции на удачные и неудачные решения. Метод применим для обследования и детей, и взрослых, независимо от возраста. Как и любой экспериментально-психологический метод, «Классификация предметов» проявляет себя как тонкий и весьма эффективный дифференциально-диагностический инструмент лишь в руках вдумчивого психолога, обретающего опыт в процессе повседневной практики. Стимульный ма-

териал методики в нашей стране стандартизирован и представляет собой набор из 70 картинок (размер каждой соответствует размеру игральной карты). На каждой картинке изображен тот или иной предмет, растение или живое существо. Большинство картинок — цветные, но есть и черно-белые. Карточки выполнены на картоне. Прилагается инструкция в виде одного листа форматом А4.

Собчик Л.Н. Методика «Исключение предметов»: практ. руководство. — М.: Речь, 2011.

Одним из классических методов исследования операциональной стороны мышления, в частности аналитико-синтетической деятельности, является метод «Исключения предметов» (или по-другому «Четвертый лишний»). Полученные в процессе обследования данные позволяют судить об умении пациента строить обобщения. Его основная направленность — определение логической обоснованности решений пациента, оценка правильности обобщения, строгости и четкости формулировок. Для проведения экспериментального исследования используется прилагаемый набор карточек, на каждой из которых изображены четыре предмета (объекта). Этот метод успешно применяется практическими психологами и врачами при оценке интеллектуальных способностей и нарушений мыслительных процессов в экспертизе трудоспособности и в клинике психических расстройств. Набор состоит из 19 групп картинок, по 4 предмета (объекта) в каждой. Карточки выполнены на картоне. Все изображения черно-белые.

Прилагается инструкция в виде одного листа форматом А4.

ПРИКЛАДНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

2 июня 2011 года в Институте психологии РАН состоится очередной семинар «Прикладная юридическая психология»

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

«Прикладная юридическая психология»:

«Криминальное поведение: социально-психологические детерминанты»

2 июня 2011 года

11 часов 30 минут

Институт психологии РАН

малый конференц-зал

Пленарное заседание:

11:30 — вступительное слово директора Института психологии РАН доктора психологических наук, профессора член-корреспондента РАН **Анатолия Лактионовича Журавлева**.

Доклады:

1. А.Я. Гришко, доктор юридических наук, профессор, Академия ФСИИ России — «Криминологические и социально-психологические корни преступности в современной России».

2. В.И. Чернинилов, кандидат психологических наук, доцент, Академия управления МВД России — «Методологические проблемы психологического анализа преступности в России».

3. Д.В. Сочивко, доктор психологических наук, Академия ФСИИ России — «Криминальная деструктивность личности и профилактика преступлений».

4. С.Н. Ениколопов, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ — «Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности».

5. А.В. Молоствов, кандидат психологических наук, доцент, Академия ФСИИ России — «Криминогенный фактор в близких межличностных отношениях (в том числе при наличии родства)».

6. Н.А. Полянин, кандидат психологических наук, Академия ФСИИ России — «Проблема омоложения преступности в России и криминогенных факторов субкультурных движений».

7. Н.А. Яковлева, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета клинической психологии РГМУ имени И.П. Павлова — «Коррекция индивидуальных моделей здоровья как направление профилактики асоциального поведения».

14:00 — 15:00 — обед

15:00 — круглый стол: «Молодежная и подростковая преступность: социально-психологические детерминанты и психопрофилактика».

Ведущие:

- М.Г. Дебольский, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой юридической психологии РГГУ;

- Т.Н. Савченко, кандидат психологических наук, доцент, ведущий сотрудник ИПРАН;

- С.Н. Ениколопов, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ;

- Д.В. Сочивко, доктор психологических наук, Академия ФСИИ России.

Оргкомитет

XI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА: ПУТИ ПОИСКА ОПТИМАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

г. Рязань, 19–20 апреля 2011 г.

«Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова проводит подготовку клинических психологов с 2004 г. В профессиональных судьбах выпускников факультета как в зеркале отражается реальность практического взаимодействия психологии и медицины. Проблем много: качество подготовки специалистов в свете новых государственных стандартов; механизмы взаимодействия психологов и врачей в решении задач диагностики, лечения, реабилитации и профилактики; особенности адаптации студентов — гуманитариев в образовательное пространство медицинского вуза; специфика интегральных медико-психологических научных исследований; реализация компетентного ресурса клинического психолога в медицине и смежных областях; возможности личностного и профессионального роста клинических психологов и т. п. Подобные проблемы типичны для большинства молодых факультетов клинической психологии в провинции. В связи с этим мы решили обратиться за помощью к профессиональному психологическому сообществу. На наш взгляд, только широкое и открытое обсуждение проблем взаимодействия психологии и медицины профессиональным сообществом, анализ успешного опыта и ошибок в технологиях организации образовательного процесса

позволит определить пути дальнейшего развития клиничко-психологической практики. Это и определило идею прове-

Н. В. Яковлева открывает работу конференции

дения и миссию нашей конференции — формирование открытого сотрудничества профессиональных психологов в решении проблем взаимодействия с системой здравоохранения», — такими словами открыла работу конференции председатель оргкомитета Н.В. Яковлева.

В работе пленарного заседания и форумов приняли участие более 300 человек из России, Украины, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана.

Т. Н. Прибылова

С докладом, посвященным памяти замечательного психолога, стоявшего у истоков развития клинической психологии в России, Блюмы Вольфовны Зейгарник, выступила ее ученица заведующая отделением медико-психологической помощи Рязанского областного психоневрологического диспансера Т.Н. Прибылова.

Руководитель отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук Сергей Николаевич Ениколопов в своем выступлении охарактеризовал современное состояние

клинической психологии в России, наиболее актуальные проблемы отечественных клиничко-психологических исследований: качество психодиагностического инструментария, широко используемого в практических работах, квалифицированная медико-психологическая экспертиза личностных свойств и функциональных состояний человека, агрессия и формы психотерапевтической работы с ее проявлениями.

Заведующая лабораторией математической психологии Института психологии РАН, ректор Высшей школы психологии Татьяна Николаевна Савченко посвятила свой доклад вопросам диагностики субъективного качества жизни, которые становятся популярными не только в психологических, но и в медицинских современных исследованиях. Т.Н. Савченко отметила, что в России лишь намечаются пути систематизации и интеграции знаний по проблеме качества жизни: «Исследование субъективного качества жизни для лаборатории математической психологии, с одной стороны, явилось полигоном для апробации разрабатываемых математических моделей, с другой — в рамках

С. Н. Ениколопов

Т. Н. Савченко

данной проблематики возникали задачи, которые необходимо было решить с использованием новых методов, которые ранее не существовали, то есть мы можем на микроуровне наблюдать процесс развития науки».

Доктор психологических наук Дмитрий Владиславович Сочивко последовательно развивает идею современной психодинамики как области психологического знания. Д.В. Сочивко предлагает новый подход к анализу циклических психических процессов и явлений в экспериментальных исследованиях, что позволяет расширить теоретические представления о психических явлениях, существенно повышает качество прогноза поведения человека в прикладных исследованиях. По мнению докладчика, психодинамическая диагностика в клиничко-психологических исследованиях должна быть направлена на выявление типичного (фонового) цикла тех или иных состояний личности, а не только на одномерную «срезовую» характеристику психического состояния. Многолетний

Д. В. Сочивко

опыт работы Д.В. Сочивко с методом цветowych выборов М. Люшера показывает эффективность технологии расчета психодинамических коэффициентов для анализа личности больного в клиничко-психологических исследованиях.

Ирина Владимировна Блинникова (факультет психологии Московского государственного университета имени

И. В. Блинникова

М.В. Ломоносова) посвятила свое выступление перинатальной психологии. Перинатальная психология — новая область знаний, которая изучает обстоятельства и закономерности развития человека на ранних этапах и их влияние на всю последующую жизнь. Практические задачи состоят в организации ран-

ней диагностики и поддержки развития ребенка через организацию консультационной помощи родителям, программ ранней интервенции, совместных поддерживающих программ с врачами неонатологами и педиатрами. И.В. Блинникова охарактеризовала современное состояние перинатальной психологии как революцию, которая стала возможной благодаря развитию новых адекватных психодиагностических методов исследования младенца. В своем докладе Ирина Владимировна проиллюстрировала возможности этих методов в практических исследованиях младенцев, имеющих нарушения зрения.

Б. Ю. Володин

Завершил пленарное заседание остро дискуссионный доклад заведующего кафедрой клинической психологии Рязанского государственного медицинского университета доктора медицинских наук, профессора Б.Ю. Володина «Кризис психиатрии: миф или реальность». Анализируя мнения ведущих мировых специалистов о современном состоянии психиатрии, Б.Ю. Володин говорил о необходимости более

Ю.К. Стрелков

тесного взаимодействия психиатров с клиническими психологами. Клиническая психология расширяет горизонты психиатрии. Углубленное исследование механизмов психических расстройств, повышение значимости психокоррекционных воздействий в процессе лечения и реабилитации пациентов психиатрических клиник, системное описание личностных особенностей пациентов, интенсификация научных коммуникаций в психолого-психиатрическом профессиональном сообществе — вот путь развития современной психиатрии, предлагаемый докладчиком.

20 апреля 2011 г. состоялась открытая лекция заведующего кафедрой психологии труда и инженерной психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова доктора психологических наук, профессора Ю.К. Стрелкова «Временная форма жизни и деятельности человека». Юрий Константинович говорил о

том, что временная форма множества процессов синтезирована в сознании субъекта, она сложна, многомерна, динамична. Чтобы добиться синхронизации действий с процессами в окружающем мире, человек опирается не только на структуру опыта, но и на антиципацию, максимально используя наличную информацию, объединенную следами памяти. На лекции присутствовало более 250 участников конференции, студентов, психологов-практиков, преподавателей вузов.

В контексте задач конференции работали пять форумов и пять мастер-классов.

Форум «Проблемы современной перинатологии: психология, медицина, педагогика» был организован по принципу тематического моделирования: с докладами на этом форуме заявлены организаторы здравоохранения, врачи, психологи со своим видением роли и места клинического психолога в перинатальной практике. На примере материалов этого форума можно проанализировать общие технологии взаимодействия врача и клинического психолога в практической деятельности.

Идея проведения форума «Качество жизни — интегральная тема современных исследований в медицине и психологии» появилась в связи с многочисленными научными исследованиями эффективности новых медицинских технологий, изучения качества жизни пациентов, в которых исследователи — «не психологи» активно, но часто не вполне грамотно, используют психодиагностический инструментарий.

«Клиническая психология и психиатрия: грани взаимодействия» — это традиционная тематика наших конферен-

ций. Всегда на этом форуме много и выступающих, и обсуждающих.

Форум «Образовательная программа «Клиническая психология»: перспективы внедрения стандартов III поколения» — наша основная актуальная проблема и болевая точка. Много слов сказано о несовершенстве стандартов. Интересное обсуждение этой проблематики предполагается в электронном издании «Медицинская психология в России» и на сайте.

Если указанный форум ориентирован на будущее развитие клинической психологии, то базовые вопросы его реализации стоит искать в проблематике форума «Становление и развитие клинической психологии на Рязанской земле». Заявленные доклады этого форума позволяют составить объективное представление о реальном положении дел в клинической психологии в типичном российском областном городе.

Мастер-классы проводили А.А. Коваль-Зайцев, научный сотрудник отдела медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН, старший преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии МГППУ; А.В. Хайкин, психотерапевт Единого реестра профессиональных психотерапевтов Европы, преподаватель Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги; Т. Белкина и П. Корниенко, тренеры Московского института гештальта и психодрамы; Д.И. Шустов, заведующий кафедрой психиатрии РязГМУ, супервизирующий и обучающий транзактный аналитик.

По материалам, поступившим на конференцию, сформирован сборник общим объемом более 800 страниц.

С полным отчетом о работе конференции можно ознакомиться на официальном сайте РязГМУ — www.rzgmu.ru.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2011» ПО ТЕМЕ «МОТИВАЦИЯ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ДОКТОРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА В. Г. ДЕЕВА

26 апреля 2011 г. на базе кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России в г. Рязани прошла межрегиональная научно-практическая конференция «Деевские чтения — 2011» по теме «Мотивация и направленность личности сотрудников УИС», посвященная памяти доктора психологических наук, профессора В.Г. Деева.

В ее работе приняли участие: профессорско-преподавательский состав и сотрудники Академии ФСИН России, других вузов ФСИН России и правоохранительных органов России, также Московского государственного университета, Высшей школы психологии, Института психологии РАН, практические работники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Были представлены доклады по ряду актуальных проблем юридической психологии, понимания личности и мотивации поведения в правовом поле.

Существенное внимание участники уделили проблемам качества жизни в закрытых социальных системах (ректор Высшей школы психологии кандидат психологических наук, доцент Т.Н. Савченко), когнитивным картам как неотъемлемой составляющей мотивации поведения (старший научный сотрудник факультета психологии Москов-

ского государственного университета кандидат психологических наук, доцент И.В. Блинникова), методологическим проблемам юридической и пенитенциарной психологии (профессор кафедры юридической психологии и педагогики доктор психологических наук Д.В. Соичков).

В основной части конференции был также освещен ряд актуальных вопросов пенитенциарной и юридической психологии:

Оценка мотивации кандидата с помощью проективного интервью — старший преподаватель кафедры экономической теории и управления трудовыми ресурсами ВятГГУ кандидат психологических наук В.А. Комлев.

Влияние профессиональной мотивации на эффективность служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел — начальник кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат педагогических наук подполковник внутренней службы В.М. Статный.

Мотивы профессиональной деятельности и их классификация — преподаватель кафедры общей и практической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат психологических наук А.И. Дубнякова.

Проблемы мотивации сотрудников УИС — старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Кировского филиала Академии ФСИН России Т.С. Кожевников.

Мотивирование осужденных сотрудниками в структуре культуры управления — заместитель начальника кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России кандидат психологических наук, доцент А.В. Наприс.

Теоретические основы профессиональной ментальности сотрудников УИС — адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России старший лейтенант внутренней службы И.В. Шмаев.

Мотивация служебной лояльности — доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России кандидат психологических наук, доцент подполковник внутренней службы С.В. Горностаев.

Психологические особенности профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы на современном этапе — доцент кафедры юридической психоло-

гии и педагогики Академии ФСИН России кандидат юридических наук, доцент полковник внутренней службы Н.И. Ткаченко; слушатель 531-й учебной группы психологического факультета Академии ФСИН России младший лейтенант внутренней службы С.В. Болотин.

Психосемантическая диагностика мотивации курсантов Академии ФСИН России — старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики кандидат психологических наук майор внутренней службы Д.В. Пестриков; курсант 332-й учебной группы психологического факультета Академии ФСИН России рядовой внутренней службы О.В. Волоткевич.

Уровень удовлетворенности жизни сотрудников ФСИН России — доцент кафедры юридической психологии и педагогики кандидат психологических наук подполковник внутренней службы Ю.Ю. Красикова; курсант 431-й учебной группы психологического факультета Академии ФСИН России рядовой внутренней службы О.С. Епифанова.

На круглых столах были подведены итоги и обсуждены дискуссионные моменты, ярко представленные в выступлениях.

ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

З. Ш. Махмудов

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ Закона о пробации в Республике Молдова как психосоциальной оценке и контроле лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом.

Ключевые слова: Закон о пробации, психосоциальный контроль, досудебная, коммуитарная, приговорная и постпенитенциарная пробации.

The summary: this article presents a theoretical analysis of the Law on Probation in the Republic of Moldova as a psychosocial assessment and monitoring of individuals in conflict with criminal law.

Keywords: law on probation, psychosocial control, pre-trial, communitarian, and post-penitentiary prigovornaya probation.

В Республике Молдова действует Закон «О пробации» от 14 февраля 2008 г. № 8-XVI¹, регулирующий организацию и функционирование органов пробации. Он устанавливает их компетенцию в целях предотвращения рецидива преступления, регламентирует оказание помощи и консультирование субъектов пробации для их реинтеграции в общество.

В соответствии с данным Законом пробация — это психосоциальная оценка и контроль лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, их ресоциализация, а также адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с це-

лью предупреждения совершения новых преступлений.

Закон различает несколько видов пробации:

а) досудебная пробация — психосоциальная оценка личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого;

б) коммуитарная приговорная пробация — совокупность мер по ресоциализации лиц, освобожденных от уголовного наказания в виде лишения свободы, по контролю за их поведением и выполнением возложенных на них обязанностей;

в) пенитенциарная пробация — совокупность социально-воспитательных мер, проводимых в пенитенциарном учреждении, а также мер по подготовке заключенных к освобождению;

г) постпенитенциарная пробация — оказание помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, с целью их реинтеграции в общество.

С лицами, освобожденными из мест лишения свободы и нуждающимися в социальной адаптации, заключается соглашение о предоставлении им соответствующей помощи. Условия и форма соглашения устанавливаются Министерством юстиции Республики Молдова.

В отношении лиц, условно осужденных, условно-досрочно освобожденных от уголовного наказания, осужденных с отсрочкой отбывания наказания и освобожденных от наказания, а также лиц, осужденных к неоплачиваемому труду на пользу общества или лишенных права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью,

¹ Информационно-правовая система «Законотворчество стран СНГ». СоюзПравоИнформ, 2010 // <http://www.spinform.ru>.

осуществляется коммунитарная приговорная пробация. К названным лицам могут быть применены меры, предусмотренные программами по ресоциализации, реинтеграции, коррекции социального поведения и др.

В отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, осуществляется постпенитенциарная пробация, направленная на оказание помощи указанным лицам, их поддержку и социальную реинтеграцию в соответствии с действующим законодательством.

Пробация в отношении несовершеннолетних регулируется ст. 13 Закона, согласно которой необходимо учитывать обязательность соблюдения высших интересов ребенка. Статья нацеливает органы пробации на обеспечение временной защиты ребенка, находящегося в трудной ситуации, его ресоциализацию и реинтеграцию в биологическую или приемную семью, детский дом семейного типа, а также в общество.

Взаимодействие со средствами массовой информации в вопросах применения мер пробации в отношении несовершеннолетних осуществляется в целях обсуждения всех проблем с точки зрения соблюдения высших интересов ребенка.

Закон наделяет персонал органов пробации полномочиями:

- по разработке и утверждению секторальных, локальных программ в области защиты ребенка, семьи, создания общественных служб социальной защиты;
- разработке и внедрению системы мониторинга и оценке услуг по защите ребенка и семьи;
- созданию на национальном и местном уровнях информационной системы,

включающей в себя данные о ребенке и семье, находящихся в трудной ситуации или ситуации риска, а также об учреждениях по защите ребенка и семьи;

- развитию и продвижению эффективных моделей общественных служб защиты ребенка и семьи, служб предотвращения попадания детей в трудные ситуации и в интернатную систему содержания и воспитания, служб социальной помощи детям и семьям, находящимся в трудной ситуации или в ситуации риска;
- разработке механизма привлечения частного сектора к решению проблем ребенка и семьи.

Организация деятельности пробации возлагается на Центральное бюро и осуществляется через его территориальные подразделения, являющиеся органами пробации. Органы пробации входят в систему органов Министерства юстиции.

Органы пробации осуществляют следующие функции:

- представление досудебных докладов относительно психосоциальной оценки личности;
- реализация программ коррекции социального поведения;
- координация исполнения отдельных видов наказаний;
- контроль за лицами, условно осужденными с освобождением от отбывания наказания, условно-досрочно освобожденными от уголовного наказания, осужденными с отсрочкой отбывания наказания и освобожденными от уголовной ответственности;
- контроль за применением принудительных мер воспитательного характера;
- предоставление постпенитенциарной помощи и консультирования;

- координация деятельности представителей различных центральных и местных органов публичной власти, неправительственных организаций, деятельность которых прямо или косвенно связана с пробацией;

- внедрение программ социальной коррекции субъектов пробации;

- сотрудничество с пенитенциарными учреждениями при подготовке лиц к освобождению из мест лишения свободы.

Непосредственная деятельность пробации осуществляется советниками по пробации, в должностные обязанности которых входит:

- ведение учета и осуществление контроля за лицами, условно осужденными с освобождением от отбывания наказания, условно-досрочно освобожденными от уголовного наказания и осужденными с отсрочкой отбывания наказания;

- координация исполнения наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

- осуществление контроля за применением принудительных мер воспитательного характера;

- подготовка досудебных докладов относительно психосоциальной оценки личности по запросу компетентных учреждений;

- направление досудебного доклада в пенитенциарное учреждение, в котором содержится лицо;

- ведение личных дел лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом;

- проведение мероприятий по ресоциализации и реинтеграции субъектов пробации;

- участие в судебном заседании по требованию судебной инстанции при представлении досудебного доклада относительно психосоциальной оценки личности;

- возбуждение процедуры поощрения или наказания лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, и направление соответствующих ходатайств в судебную инстанцию;

- организация реализации воспитательных и профилактических программ для несовершеннолетних, находящихся в конфликте с уголовным законом, а также освобожденных из мест лишения свободы;

- составление периодических отчетов о предоставлении психосоциальных консультаций и помощи, а также о контроле за субъектами пробации;

- разработка на основе практической и теоретической деятельности предложений по развитию деятельности пробации;

- сохранение конфиденциальности данных, ставших им известными в связи с выполнением служебных обязанностей, и после прекращения деятельности пробации, кроме случаев допроса органами уголовного преследования либо судебной инстанцией;

- заключение договоров с лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Советник по пробации вправе:

- вызывать субъектов пробации для проведения действий по пробации;

- требовать от лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, выполнения возложенных на них обязанностей;

- в рамках задач своей деятельности иметь доступ к уголовным и админи-

стративным делам в отношении субъектов пробации;

- иметь свободный доступ в пени-тенциарные учреждения, если это необходимо для выполнения служебных обязанностей;

- посещать субъектов пробации по месту их нахождения, месту жительства, работы или учебы;

- применять предупреждения к лицам, находящимся в конфликте с уголовным законом и нарушающим свои обязанности;

- запрашивать информацию, необходимую для осуществления деятельности пробации, у центральных и местных органов публичной власти, предприятий, учреждений, организаций или физических лиц;

- вносить предложения, касающиеся правительственных программ социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D.V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

Department of international relations:

L.B. Juskova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

E. A. Schelkushkina, executive secretary of the journal «Applied legal psychology».

Associate editors:

J. M. Antonian, doctor of legal sciences, professor.

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ia. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

O.V. Starikova, PhD in psychology

A. N. Sukhov, doctor of psychological sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

Аксенова Полина Юрьевна — адъюнкт кафедры общей психологии Академии ФСИН России (polinaax@mail.ru).

Богданов Евгений Николаевич — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Проректор по учебно-методической и научной работе Высшей школы психологии РАН (bogdanov48@mail).

Балашов Артем Андреевич — сотрудник общефакультетской акмеологической лаборатории ФСИН России (balashov_a2003@list.ru).

Бовин Борис Георгиевич — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (niifsin@mail).

Веселовский Дмитрий Павлович — аспирант кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета. (dimsooon@yandex.ru).

Гаврина Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии Академии ФСИН России (gavrina_elena@mail.ru).

Гольшева Юлия Николаевна — соискатель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (ju888@mail.ru).

Гориславская Наталья Михайловна — психолог отряда федеральной противопожарной службы ГУ МЧС России по Рязанской области (martynovanatalya@list.ru).

Датий Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, заместитель начальника лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Евстафеева Евгения Александровна — преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета (evgeniy-eg@mail.ru).

Ениколопов Сергей Николаевич — кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой криминальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий отделом медицинской психологии научного центра психического здоровья РАМН (enikolopov@mail.ru).

Иванов Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, заместитель директора по научной работе Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (amiga@kaluga.ru).

Калашникова Мария Михайловна — преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (maria-ka@yandex.ru).

Кузнецова Юлия Михайловна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН (kuzjum@yandex.ru).

Махмудов Зафар Шухратович — помощник прокурора Республики Коми (alp_journal@mail.ru).

Марчук Ольга Анатольевна — психолог психологической лаборатории ФГУ ИК-6 УФСИН России по Московской области (funny_olga@bk.ru).

Рябко Михаил Васильевич — почетный президент общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Единоборства Древней Руси» (ryabko@mail.ru).

Савченко Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, ректор Высшей школы психологии (tatka_sav56@mail.ru).

Сочивко Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России (sochivo@mail.ru).

Сучкова Елизавета Львовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России (alr_journal@mail.ru).

Фирсов Константин Владимирович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, начальник Центра медицинской реабилитации Московской железной дороги.

Фролов Анатолий Иванович — начальник Центра психологических исследований Рязанского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова (frolov-53@yandex.ru).

Чудова Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН (nchudova@gmail.com).

Шишкина Елена Александровна — аспирант, преподаватель кафедры прикладной психологии Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (alena.klg@mail.ru).

Яковлева Наталья Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, декан факультета клинической психологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова Минздравсоцразвития России» (Yakovleva.nata2@gmail.ru).

OUR AUTHORS

Aksenova P. Yu. — Associate of the Department of General Psychology, the Academy of Russian Federal Penal Service (polinaax@mail.ru).

Bogdanov E. N. — Doctor of Psychology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation. Vice-rector for academic-methodological and scientific work of the Graduate School of Psychology, RAS (bogdanov48@mail).

Balashov A. A. — Fellow obschefakultetskoy acmeological laboratory FSIN of Russia (balashov_a2003@list.ru). {

Bovin B. G. — Ph.D., docent, leading researcher of the laboratory study of the problems of working with inmates Institute FSIN of Russia (niifsin@mail).

Veselovsky D. P. — postgraduate of the Psychology Department Moscow University for the Humanities (Dimsooon@yandex.ru).

Gavrin E. E. — Ph.D., Associate Professor Department of General Psychology of the Academy of Russian Federal Penal Service (gavrina_elena@mail.ru).

Golysheva Jul. N. — Competitor legal department of psychology and pedagogy of the Academy of Russian Federal Penal Service (ju888@mail.ru).

Gorislavskaya N. M. — psychologist detachment of the Federal Fire Service EMERCOM Russia's Ryazan Region (martynovanatalya@list.ru).

Daty A. V. — MD, deputy chief of the laboratory study of the problems of working with inmates Institute FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Evstafeeva E. A. — lecturer in psychology, Chelyabinsk State University (evgeniy-eg@mail.ru).

Enikolopov S. N. — Ph.D., professor, head of criminal psychology Moscow City Psychological-Pedagogical University, head of the Department of Medical Psychology Mental Health Research Center RAMS (enikolopov@mail.ru).

ment of Medical Psychology Mental Health Research Center RAMS (enikolopov@mail.ru).

Ivanov G. P. — Ph.D., associate professor, the honored teacher of the Russian Federation, Deputy Director for Research of Kaluga Branch of Moscow Humanitarian-Economic Institute (amiga@kaluga.ru).

Kalashnikova M. M. — lecturer in legal psychology and pedagogy of the Academy of Russian Federal Penal Service (maria-ka@yandex.ru).

Kuznetsova Y. M. — Ph.D., Senior Researcher, Institute for Systems Analysis (kuzjum@yandex.ru).

Makhmudov Z. Sh. — Assistant Prosecutor of the Republic of Komi (alp_journal@mail.ru).

Marchuk O. A. — psychologist psychological laboratory FGU IK-6 FPS Russia for the Moscow Region (funny_olga@bk.ru).

Ryabko M. V. — the honorable president of the all-Russian physical culture and sport public organization "Ancient Russian Martial Arts" (ryabko@mail.ru).

Savchenko T. N. — Ph.D., associate professor, rector of the Graduate School of Psychology (tatka_sav56@mail.ru).

Sochivko D. V. — doctor of psychological sciences, professor of legal psychology and pedagogy of the Academy of Russian Federal Penal Service (sochivo@mail.ru).

Suchkova E. L. — candidate of Psychological Sciences Associate Professor Department of legal psychological and pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia (alp_journal@mail.ru).

Firsov K. V. — the candidate of psychological sciences, the senior researcher, the chief of the Center of medical rehabilitation of the Moscow railway.

Frolov A. I. — Head of the Center for Psychological Studies, Ryazan State Medical University. Academician IP Pavlova (frolov-53@yandex.ru).

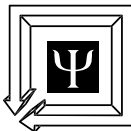
Chudova N. V. — Ph.D., senior fellow at Institute for Systems Analysis (nchudova@gmail.com).

Shishkina E. A. — PhD student, lecturer in applied psychology Kaluga branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute (alena.klg@mail.ru).

Yakovleva N. V. — the candidate of psychological sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Clinical Psychology, GOU VPO «Ryazan State Medical University, IP Pavlov's Health Ministry of Russia »(Yakovleva.nata2@gmail.ru).

Methodology and theory of law psychology	
The problem of the methodology applied (legal) psychology. D. V. Sochivko	8
Metazhiznedeiyatelnost: metasystem approach to the analysis of human life.	
N. V. Yakovleva	18
Analysis of dynamics premeditated murder and number of convicted for murder in Russia.	
A. V. Daty, B. G. Bovin	23
Approaches to the study of subjective quality of life. N. M. Gorislavskaya, T. N. Savchenko	29
Applied and experimental research	
Cognitive factors of aggression and the causal attribution of aggressiveness.	
S. N. Enikolopov, Y. M. Kuznetsova, N. V. Chudova	43
Some features of the psychodynamics of female convicts samootnosheniya youth age.	
Y. N. Golysheva	58
Typology of convicted of corruption and economic crimes. E. E. Gavrina, A. A. Balashov	68
Psychodynamics of the features of interpersonal interaction repeatedly convicted of convicted youth age. O. A. Marchuk	75
Experimental study of the level of adaptation of students of universities of the FSIN of Russia.	
P. Y. Aksenova	83
Psychological characteristics of personality and responsibility in the behavior of convicted juveniles females in finding them in a young offenders' institutions. M. M. Kalashnikova	90
Influence of criminogenic prison environment on convicts' law consciousness. E. L. Suchkova	99
Personal helplessness as one of the psychological determinants of destructive behavior of employees of the correctional system. E. A. Evstafeeva	106
Psihopraktiki	
Relaxation and tension in ancient russian martial arts "System".	
M. V. Ryabko, K. V. Firsov	114
The test "Incorporation assessment of social group". D. P. Veselovskiy	120
Help for the head	
The structure of the motives of workers labor organization as a factor in their performance.	
E. N. Bogdanov, G. P. Ivanov, E. A. Shishkina	127
New books on psychology	
New books on psychology. A. I. Frolov	134
Scientific life	
Seminar in Applied Legal Psychology: "Criminal behavior: social psychological determinants".	137
XI international scientific conference "Psychology and medicine: how to search synergies".	138
Interregional Scientific and Practical Conference Deevskie reading – 2011 entitled "Motivation and focus of individual prison staff", dedicated to the memory of Doctor of Psychological Science, Professor Deev V. G.	144
Dura lex sed lex	
Probation in the Republic of Moldova. Z. Sh. Makhmudov	146

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ—1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01—Педагогическая психология; 13.00.01—Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 19.05.2011. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9,87.

Тираж 1500 экз. Заказ № 000.

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4.

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды